

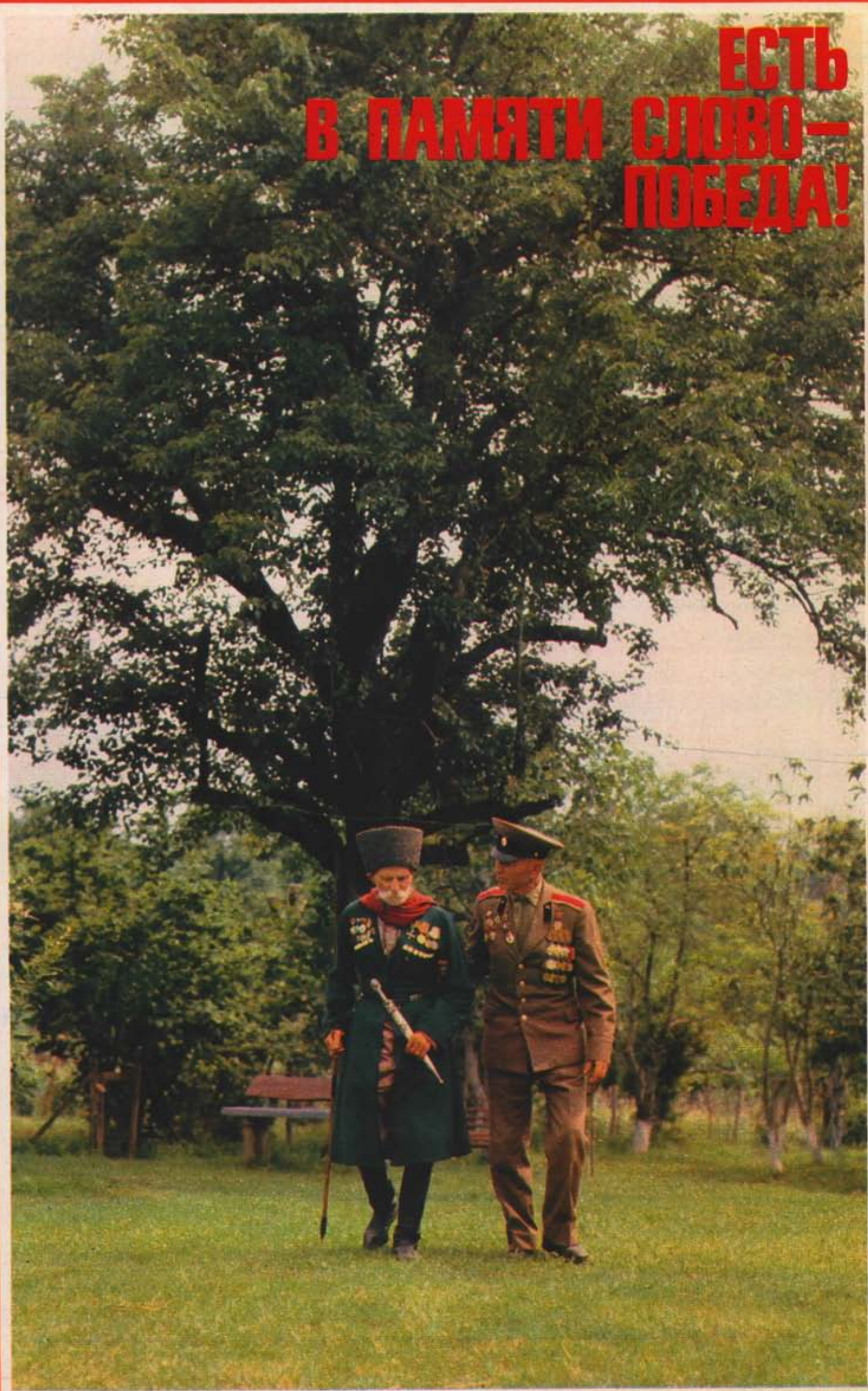


# СМЕТС

ISSN 0131—6656

№ 9 МАЙ 1982

**ЕСТЬ  
В ПАМЯТИ СЛОВО—  
ПОБЕДА!**





Прошлый, предсъездовский год был для меня особо памятен тем, что мне было доверено возглавить комсомольскую организацию нашего Заводского района. Ещё на пленуме райкома, когда узнала об этом, почувствовала груз такой огромной ответственности, что даже сердце защемило — представляете, что значит руководить 15-тысячной комсомольской организацией.

На первом же заседании бюро райкома сказала своим товарищам: любой коллектив тем богаче, чем ярче проявляется в нём индивидуальность каждого. А как открыть, как воспитать её в человеке, который, быть может, даже и не подозревает о своём общественном таланте — вот об этом давайте думать вместе. Лично меня год работы комсомольской выборной работы — от группкомсорга до секретаря райкома — убеждает: самый лучший инструмент такого воспитания — живое, полезное для всех дело.

И тут кто-то из членов бюро предложил: по дню рождения ВЛКСМ, 29 октября, на пустыре, что недалеко от райкома, посадить деревья, кустарники, цветы и назвать это место комсомольской аллеей. Это и стало первым нашим общим делом. Каждое воскресенье приходили мы на пустырь, ровняли землю, сажали клёны, берёзы, прокладывали дорожки. Когда зашумела листвой наша аллея, первое же после отчётов и выборов мероприятие — ритуал посвящения вновь избранных товарищей в секретари первичных организаций — провели именно здесь.

И ещё одно событие не забывается: Всесоюзные комсомольские общественно-политические чтения по книге Леонида Ильича Брежнева „Воспоминания“. Мы, днепродержимцы, с особыми чувствами читали её: ведь Леонид Ильич вспоминает о своей трудовой жизни, которая началась в нашем районе, на заводе имени Дзержинского. Тут создан музей, многие экспонаты которого связаны с именем нашего дорогого земляка.

Сейчас мы, как и вся молодёжь страны, готовим своему главному форуму трудовые подарки. 226 комсомольско-молодёжных коллективов района включились в массовое патристическое движение „XII пятилетке — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодёжи!“ Опираясь на опыт и традиции днепродержимцев, мы стремимся, чтобы как можно больше комсомольцев могли реализовать свой трудовой энтузиазм в соревнованиях в честь XIX съезда ВЛКСМ.

Людмила Драган,  
первый секретарь Заводского РК ВЛКСМ 2. Днепродержимск

**АДРЕС:**  
Украинская ССР

**ПРОФЕССИЯ:**  
комсомольский  
работник

**КОМСОМОЛЬСКИЙ  
СТАЖ:**  
десять лет



**МОИ  
СЪЕЗД**

# Комсомольско-Молоде Диалектика

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева на XVII съезде профсоюзов вызывает энтузиазм, новый трудовой подъем комсомольцев, советской молодежи, всего нашего народа.

## СИБИРЯКОВ РАБОЧИЙ ШАГ

Геннадий ЛЕВИН,  
начальник Управления буровых работ № 2 «Сургутнефтегаза»,  
Герой Социалистического Труда,  
делегат XVII съезда профсоюзов

Иногда, на съезде, и сейчас о многом думаешь прежде всего применительно к своему краю, к своему коллективу. Вся наша жизнь и вся польза, которую мы должны и можем принести, связаны с освоением недр Западной Сибири. Если можно так выразиться, мир, жизнь, смысл работы открываются нам с буровых вышек. Нет сегодня такого буровика, который бы не понимал, что значат наша нефть и наш газ для экономики страны, для дела мира. Нет сегодня такого работника в Сибири, который бы не сверял свой рабочий шаг с мыслями и положениями, высказанными в речи товарища Брежнева.

Есть ли у нас, сургутских буровиков, успехи? Да. Коллектив нашего УБР-2 удостоен Знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за трудовые достижения в первом году одиннадцатой пятилетки и занесен на Доску почета ВДНХ. Мы добились высшего результата в стране, дав в среднем на бригаду 84 тысячи метров проходки. Предел ли это? Ни в коем случае. Наша цель — 100-тысячный рубеж в конце пятилетки.

Дойти до этой цели будет непросто. Круг наших забот — в постоянной работе с людьми, в совершенствовании бригадного подряда, во всемерном развитии социалистического соревнования на его основе, во внимании к социальным вопросам. Да, нас в полной мере касаются все вопросы, поднятые в речи товарища Л. И. Брежнева на профсоюзном съезде.

Прошедшая суровая зима добавила нам опыта, многому учила заново. Но, впрочем, и убедила, что все найденное прежде, взятое на вооружение, нельзя ни забывать, ни оставлять без движения. Сегодня не может быть самоотверженности без мастерства, рук без головы, желания без умения.

Расскажу о таком случае.

...Шел подъем бурильного инструмента. Верховой забыл закрыть фиксатор, и утяжеленная бурильная труба выскользнула и замерла на помосте в угрожа-

ющем наклоне. Буровики попробовали выправить ее лебедкой, но только еще хуже сделали: труба дала новый крен. Упала бы — много б вокруг покрушила, наделала бы беды... Техника безопасности для нас — все. Но бывают такие случаи, когда себя жалеть невозможно. Имею я в виду и этот случай. Промедление, растерянность — и все могло бы кончиться неизвестно как. Но комсомолец, буровой мастер Шукоров, взяв строп с петлей на конце, поддел трубу и позвал верхового, мол, делай, как я. Тот на секунду отступил. Понимал, что надо карабкаться вверх с тяжелой обузой. «Как я полез!» И тогда Шукоров отправил молодого буровика по огражденной стороне стремянки, а сам стал карабкаться открытой. Осилить задачу. Был риск? Да. Но был и опыт, был расчет. И никто, никакой дядя со стороны не сделал бы за них среди тайги и болот то, что сделали они сами, исправляя ошибку.

Но это, конечно, случай исключительный. Хотя у нас давно стало непреложным законом в бурении: все, что зависит от нас, делать до конца, не отступая ни перед чем.

Хотелось бы упомянуть и о роли школ передового опыта. В нашем управлении их две — на базе бригад Воловодова Василия Ивановича и Спицына Анатолия Дмитриевича. О чем идет речь на занятиях этих школ, что вывернется? Речь идет прежде всего об ускорении, о форсированных режимах бурения, а стало быть, о повышении производительности нашего труда. В этом мы видим смысл призыва партии вести дело в условиях Сибири «не числом, а умением». Использование техники, профилактика работы — эти усилия направлены на повышение качества всех операций. А уж высшее искусство буровика состоит в умении сокращать время на совмещении операций... Что это все дает? Дает немало, но прежде всего повышает профессиональное мастерство людей. Например, бригаду Воловодова можно назвать кузницей наших кадров. Когда создавалась у нас новая бригада, одну вахту целиком мы взяли у Василия Ивановича.

Огромное значение имеет для нас бригадный подряд, по которому мы работаем уже продолжительное время. Бригада получает сквозной наряд на весь куст скважин. Это дает возможность широкого маневра, имеет реша-

ющее значение для всех показателей, повышает ответственность, развивает рабочую смекалку. Например, если бригада потеряла время на какой-то одной, трудной, «небезучей» скважине, она перекроет его на другой, ибо сами члены бригады — хозяева положения и отвечают за конечный результат труда. Наше правило: «Если на одной скважине потерял, на другой сэкономи!»...

Однако здесь я подхожу к одной серьезной проблеме, которая касается не только нашего управления. Разговор пойдет о наших связях со смежниками. Дело в том, что в условиях бригадного подряда, который утвердился среди буровиков, они не заинтересованы в результатах нашей работы. Ни в чем! Несмотря на тесную связь с нами. Ни дорожники, ни геофизики, ни строители ЛЭП, работающие «на нас», ни морально, ни материально не поощряются, если, скажем, буровики перевыполняют план и даже обязательства. Не говорю уже об обратном: они и не наказываются, если общий наш результат не достигает требуемых показателей. Что же получается? Нет общего стимула в общей нашей работе. И зачастую все, буквально все зависит от личных отношений, симпатий или антипатий начальников тех или иных служб, мастеров, бригад... С этой практикой пора покончить раз и навсегда. Этого требует, это диктует закон бригадного подряда.

Далее. Я глубоко убежден в том, что условия работы буровых бригад на буровых вышках надо максимально приблизить к цеховым. В первую очередь следует укрывать, утеплять рабочие площадки вышек. Пусть на них будет температура хотя бы +1. Вопрос это серьезный, и в его решении требуются усилия целого ряда ведомств и организаций.

Вплотную к нему примыкает и проблема спецодежды. Кстати, это проблема старая, навязывая, как говорится, в зубах. Например, сейчас у нас на складе лежат без всякого движения двести пар валенок и двести шапок — все маленьких размеров. Но дело в том, что на сегодняшний день поставщики никакой ответственности за комплектность спецодежды не несут. Выход? Я предлагаю одну из мер: в городах типа Сургута и Нижневартовска ввести магазины специализированной одежды. Это упорядочит дело и повысит ответственность поставщиков, которые сегодня отвечают только за вал, за штуки, но не за безошибочное, рациональное и ритмичное снабжение рабочей спецодеждой.

Словом, есть над чем работать.

Хочу сказать еще о комсомольско-молодежных коллективах в бурении. Они себя во всем оправдывают — целиком ли это бригада, или отдельные вахты... И от души желаю им превзойти по всем параметрам нас, «ветеранов». Непрерывность цикла бурения должна быть гарантирована и стремлением учеников превзойти учителей.

Всем нам есть во имя чего работать. Нам дорого мирное небо над Сибирью, над страной — ради мира на земле, ради процветания нашего народа мы будем работать еще лучше.



## ПРОБ

Владимир КУЦЕНКОВ,  
секретарь парткома московского  
Метростроя

Пуск новой линии метро — всегда заметное событие в жизни города. Нетерпение, с которым москвичи ожидают ввода в строй подземных магистралей, нам хорошо понятно: метро — это скорость, комфорт, экономия времени, точность. И чем ближе срок пуска, тем с большим вниманием следят горожане, особенно новоселы, за положением дел на стройплощадках.

Наши работники были как-то свидетелями такой ситуации. Около строящейся станции остановилась группа прохожих; как водится, завязался обмен мнениями по поводу темпов строительства. На месте будущего вестибюля еще зиял пустой котлован, а плакаты извещали, что станция будет сдана в течение месяца. «За месяц им не успеть, — усомнился один из прохожих. — Вон еще сколько работы». «Ошибаешься, — возразил другой, — раз Метрострой обещает — значит, делает». Видимо, товарищ знал о том, что уже много лет все свои объекты Метрострой всегда сдает вовремя. Не стал исключением и этот случай. Верность данному слову я бы назвал главной традицией Метростроя — на ней воспитано уже несколько поколений строителей.

Вторая отличительная черта метростроителей — молодость. С самого своего образования московский Метрострой является ударной комсомольской стройкой. Сейчас в нем более 80 бригад, 21 участок, два монтажных управления — комсомольско-молодежные.

И третье, что хотел бы отметить, — возрастающая с годами сложность, порой уникальность работ на Метрострое. Со стороны, правда, может показаться: много ли сложностей в том, чтобы вырыть тоннель и уложить рельсы? Ведь мы полвека этим занимаемся. Но дело в том, что грунт под Москвой в

# ЖИВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ: РАЗВИТИЯ

Тысячи комсомольско-молодежных коллективов страны встречают XIX съезд ВЛКСМ весомыми достижениями, участвуя в соревновании «Одиннадцатой пятилетке — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодых». Кроме количественных показателей, их рабочий поиск характеризует новаторство в решении сложных проблем производства, учебы и воспитания у молодежи подлинно коммунистического отношения к труду. Возьмем главный девиз нынешней пятилетки — о бережливости. Для многих молодых рабочих он стал понятием не только экономическим, но и нравственным. Обратимся к не менее важной проблеме пятилетки — переводу трудовых коллективов на бригадный подряд. И здесь видим строгую атмосферу заинтересованности в совершенствовании работы. Становление новых комсомольско-молодежных коллективов возможно при постоянном, неотрывном внимании к ним. Об этих и некоторых других сторонах жизни КМК идет речь в публикуемых материалах сибирского буровика, карагандинского шахтера, петрозаводского журналиста, партийного руководителя из Москвы.



РАБОТА  
КАК  
ДЕЛО  
ЖИЗНИ

XIX  
СЪЕЗД  
ВЛКСМ

«Задача комитетов комсомола состоит в том, чтобы всемерно развивать и обогащать опыт молодежных производственных коллективов, способствовать повышению их авторитета и боеспособности.

Удовлетворение работой, радость труда, его результативность в большой степени зависят от морально-психологического климата в коллективе, от заботы и внимания к молодому производственному, повседневной помощи новичкам. Комсомольские организации обязаны остро и бескомпромиссно выступить против любого проявления формально-бюрократического отношения к труду, быту, росту, квалификации молодых тружеников».

Из Отчетного доклада  
ЦК комсомола  
XVIII съезду ВЛКСМ

## ЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ

отличие от многих других городов неодолен. Он похож на «слоеный пирог», где может встретиться все, что угодно, — глина и известняк, песок и плавун, подземные озера. Кроме того, известно, что трассы метро проходят под реками и речушками, инженерными коммуникациями, мостами и транспортными артериями — зачастую в непосредственной близости... Словом, от строителей и монтажников требуются самое высокое мастерство и опыт.

А теперь попробуйте соединить все сказанное здесь вместе:

сложность работ;  
досрочная сдача всех линий;  
молодость большого числа рабочих.

Скажу больше — процесс снижения среднего возраста строителей, по всей вероятности, будет продолжаться, так как в связи с развитием Метростроя, увеличением планов, за пятилетку к нам придут более трех тысяч новых рабочих — в основном выпускники профтехучилищ и демобилизованные воины. Так по плечу ли будет молодому увеличивать темпы проходки, поддерживать традиции московского Метростроя? Ведь молодой задор и энтузиазм в современных условиях не заменяет опыта и профессионализма. Тем более — стоит ли собирать молодежь с относительно малым опытом в единые комсомольско-молодежные бригады, участки, управления?

Проще всего было бы сделать вид, будто проблемы профессионального уровня молодых рабочих вовсе не существуют. Прошедший первый год пятилетки дал пищу для серьезных размышлений на эту тему: впервые Метрострой не справился с планом повышения производительности труда. Здесь есть ряд объективных причин, но наряду с ними существуют и, как говорят, внутренние. Это квалификация рабочих, трудовая и технологическая дисциплина, организация труда.

Ежегодно мы принимаем на работу сотни новичков. Первые самостоятельные шаги — важнейший этап в жизни молодого человека; он во многом опре-

деляет, состоит ли человек, как настоящий рабочий, как личность, наконец. Мы проанализировали: подготовка молодых рабочих даже в ПТУ не всегда позволяет им сразу трудиться наравне с опытными строителями. Но это еще не беда, а вполне естественное положение. Беда в другом — от такого новичка нередко стремятся любыми способами избавиться, чтобы «не портить показатели». В лучшем случае направляют на перекалфикацию в техническую школу, в худшем — начинают переводить из бригады в бригаду — авось, где-нибудь да приживется. Последнее, разумеется, отнюдь не лучший способ обучения и трудового воспитания. Он учит не делу, а умению хитрить, скрывать свои слабости, приспосабливаться к обстоятельствам, вызывает безразличие или даже озлобленность против коллектива...

Как решается эта проблема в комсомольско-молодежном коллективе? Например, в бригаде проходчиков Сергея Сивца есть правило: каждому начинающему дать возможность попробовать свои силы в разных профессиях и выбрать ту, что более по душе. А когда окончательное решение принято, комсомольская группа помогает товарищу разработать — и выполнить — личный комплексный план. (Кстати сказать, в бригаде Сивца учатся все: кто в экономическом семинаре, кто в вечерней школе, кто в техникуме. Да и сам бригадир, не желая отставать от товарищей, на десятом году работы в Метрострое поступил в техникум.) В другой бригаде, Ивана Лиходедова, по решению комсомольского собрания каждый член бригады обязан и сам овладеть несколькими специальностями, и обучить всему, что знает, своего товарища.

Человек сталкивается с трудностями не только в работе. Взять хотя бы такой житейский вопрос: молодой рабочий, как очень часто бывает, не смог правильно спланировать свой бюджет. Мелочь? Но попробуйте войти в положение юноши. Одалживаться у почти незнакомых коллег стыдно, что же делать? В бригаде слесарей-монтажников Вале-

рия Королева подобная проблема была бы решена в течение минуты: тут организовали собственную кассу взаимопомощи, куда можно обратиться в затруднительной ситуации. Причем назначение кассы, конечно же, шире — это и средства на подарки членам бригады, совместные походы в кино и театр, праздники.

Мы замечали также, что молодежные коллективы охотнее и быстрее воспринимают новое, прогрессивное. По инициативе комсомольско-молодежных бригад Владимира Боброва и Владимира Бутко был внедрен бригадный подряд в СМУ-11. А сейчас на строящейся станции «Ленино» планируется полностью перевести на подряд весь комсомольско-молодежный участок Татевосяна. Идея такая: чтобы работа каждого — электрика, проходчика, монтажника, сантехника была направлена на одну цель — сдачу готового объекта. И опять же инициатива в этом деле принадлежит молодым работникам участка.

Примеры можно было бы продолжать, но хочу сделать одну оговорку. Я далек от мысли противопоставлять комсомольско-молодежный коллектив обычному. В то же время нельзя не признать, что в молодежном уже в силу примерно равенства в возрасте, общности интересов создаются наиболее благоприятные предпосылки для профессионального и нравственного роста молодого рабочего. Но — подчеркну — именно предпосылки, которые требуются реализовать. Нельзя объединить молодежь в одну бригаду, участок или управление и считать, что главное сделано, а остальное приложится само собой. С этого только начинается комсомольская и партийная работа по созданию настоящих, активных коллективов.

В этом деле у нас разработана определенная система. Прежде всего состав комсомольско-молодежного коллектива подбирается бюро комсомольской организации совместно с партбюро и администрацией. Бригадир утверждает-ся по рекомендации комсомола и с

согласия общего собрания бригады. При этом учитываются не только его деловые качества. То, что бригадир — профессионал высокого класса, само собой разумеется. А если он к тому же кандидат в мастера спорта по штанге, как Валерий Королев, или певец и руководитель вокально-инструментального ансамбля СМУ, как бригадир откатчиков Лев Шерганов, — еще интересней молодежи рядом с таким человеком работать. Хотя бы в смысле одинаковых увлечений, тем для общения.

Но вот состав бригады утвержден. С этого момента она пока еще только включается в соревнование за право называться комсомольско-молодежной. Три месяца она должна подтверждать по всем показателям свою готовность к такому званию. Не лишняя ли это формальность? Нужен ли бригаде испытательный срок? Практика подтверждает — нужен.

...Утвердили состав комсомольско-молодежной бригады под руководством Николая К. Задания свои бригада выполняла, и вроде оснований для беспокойств не было. Но когда ребята из комитета комсомола, следившие за становлением коллектива, пришли к Николаю с подробными расспросами, то, между прочим, узнали, что в бригаде почти ежедневно кто-то не выходит на работу. Проще говоря, прогуливает. И вот что примечательно — сам бригадир не видел в этом ничего особенного. Дескать, у строителей всегда так бывает. Теперь вопрос: годится ли такая психология для комсомольско-молодежного коллектива? Надо отдать должное комсомольскому активу бригады, управления — за исправление нерадивых взяли все вместе, разработали конкретные коллективные обязательства. Если вначале кто-то опаздывал, работал с ленцой, не берег материалы и это сходило с рук, то вскоре за любое нарушение виновный тут же получал замечание от товарища, а если не действовало — обсуждался на бригадном собрании. В общем, испытательный срок не прошел даром.

Каждый год комсомольско-молодежная бригада обязана подтверждать свое звание. И ежегодно несколько бригад его лишаются. Плохо это? Так ставить вопрос было бы неверно. Во-первых, некоторые бригады «выходят из возраста» и вряд ли нужно разрушать сложившийся коллектив только ради того, чтобы число комсомольско-молодежных бригад росло. Во-вторых, сам факт лишения звания говорит о высокой требовательности, с которой подходят к таким коллективам. Ежегодная переаттестация необходима еще и потому, что никакая система сама по себе не гарантирует от формализма, дискредитирующего хорошую идею.

Однажды покритиковали нашу автобазу за то, что в ней нет комсомольско-молодежных коллективов. Предполагалось, что критика вызовет деловую реакцию. И действительно, вскоре руководители предприятия сообщили, что созданы четыре комсомольско-молодежные бригады водителей. При проверке же оказалось, что водители даже не подозревают, что работают в бригадах. Здесь формализм, что называется, в чистом виде. Но бывает формализм и замаскированный, не сразу различимый. Кажется, все в порядке — бригада создана, работает. А если поинтересоваться подробностями — оказывается, рабочие не представляют четко перспектив стройки, не имеют обоснованных обязательств; задания бригадиры получают лишь в середине месяца, поэтому не могут гарантировать их выполнения.

В решении проблем комсомольско-молодежных коллективов решающую роль я бы отдал взаимодействию комсомольских и партийных работников. В этой связи вспоминаю последнее, очень бурное, отчетно-выборное собрание в одном из СМУ, когда комсомольцы обвинили своего вожака в бездеятельности, а работу бюро ВЛКСМ признали неудовлетворительной. И было за что. Достаточно сказать, что в этом управлении комсомольско-молодежные бригады несколько месяцев не участвовали в соревнованиях только потому, что не оформлялись вовремя их показатели. Приводились и другие факты... Собрание избрало другого комсорга, и он сейчас наводит порядок в деятельности бюро. Но повод для размышлений остался серьезный. Ведь и бывший комсорг — неглупый, неравнодушный парень; за комсомольскую работу он вначале взялся с интересом, строил обширные планы. И вот — такой финал. Что же случилось? Рассчитывать на успех комсомольский вожак может лишь при активной партийной поддержке. В данном же случае партбюро оставило молодого комсорга без помощи, мало интересовалось его работой. Он, видимо, и растерялся перед массой нахлынувших дел, не сумел сосредоточиться на главном. Никто с комсорга его собственной вины не снимает, но выводы из того урока партком сделал определенные. Мы пригласили в партком начальника СМУ и секретаря парторганизации, чтобы детально разобраться в происшедшем. Крупный разговор об этом шел и на заседании парткома, когда в присутствии руководителей всех подразделений подводились итоги отчетов и выборов в комсомоле...

Бывает и так, что легче создать коллектив, чем сохранить его. Я имею в виду — сохранить на высоком трудовом и нравственном уровне... Есть в тоннельном отряде № 6 комсомольско-молодежный участок. Его называли кузницей молодых кадров; одним из первых он стал образцовым, завоевал звание коллектива коммунистического труда. А

после пуска Калининского радиуса участка не подтвердил своего звания. Что же случилось? Новый объект, переданный участку, оказался мал, коллектив не смог работать на нем с полной отдачей, в полную силу... Мы, к сожалению, иногда не учитываем, что коллектив не может существовать вне конкретных условий, вне времени и пространства. Его работа зависит не только от деловых и моральных качеств людей, но и от того, чем эти люди заняты. Поэтому, принимая любое техническое решение, надо думать и о другом: за строкой приказа, распоряжения всегда стоят живые люди и судьбы целых коллективов.

...Мы хорошо знаем о том, что еще в начале строительства метро, в 1931 году, на решающих участках пришли лучшие парторганизации столицы. С первых дней были в авангарде, на самых трудоемких работах коммунисты и комсомольцы. Они были первыми на проходке штолен, выемке грунта, укладке бетона. Они вели за собой бригады, спланировали их, учили не бояться трудностей.

Трудностей у нас немало и сейчас, потому что профессия метростроителя — профессия первопроходца. Примерно с год назад тяжелое испытание пришлось выдержать комсомольско-молодежному СМУ-11. В первый раз здесь попоробовали вести проходку механизированным щитом. В Ленинграде щит давал рекордную выработку, а в московском «слоеном пироге» буквально завяз, пройдя всего около десяти метров. Пришлось его откапывать, демонтировать, заменить обычным щитом. Это было трудно как физически, так и морально: потеряли много средств, сил, времени. Было бы натяжкой сказать, что в период временных неудач, неблагодарной работы никто не заколебался, не упал духом, не оставил коллектив в трудную минуту. Нет, не было все тихо и гладко, человек тридцать уволились. Что ж, зато выяснилось, кто истинный метростроитель, а кто — нет. Зато те, кто остался, сплотились еще крепче (замечу, что в следующие полгода вслед за теми тридцатью ушли лишь двое — по уважительным причинам). Бригадир, лауреат премии Ленинского комсомола Анатолий Куров, говорил, что и атмосфера на стройке стала более здоровой, трудовой.

Случай со щитом и связанная с ним нестабильность работы принесли, как ни странно это покажется, и определенную пользу. Комсомольский актив управления вместе с секретарем Анатолием Кондратенко временные трудности использовали как повод для обстоятельного анализа положения дел в СМУ — с точки зрения организации работ, дисциплины и даже управления. При этом не стеснялись забираться и в сферы, обычно далекие от комсомольского влияния. Так, именно по инициативе комсомольцев, при поддержке, разумеется, партбюро и администрации организовали лекторий для руководителей участков, работников аппарата СМУ по форме, содержанию и стилю руководства в современных условиях.

На комсомольском собрании Кондратенко раздал всем анкеты с двумя вопросами: «Какие, по-вашему, причины влияют на ослабление трудовой дисциплины?» и «Что будет способствовать ее укреплению?». Я знаю, что результаты опроса были внимательно проанализи-

рованы руководителями СМУ, обсуждались на производственном совещании. Отмечу одну особенность: комсомольцы не только перечисляют те или иные недостатки. Часто они видят в них неожиданную, непривычную сторону. Возьмем, допустим, различные недостатки и брак. Все знают, что это плохо, поскольку требуют дополнительных затрат труда и времени на исправление. А вот Анатолий Куров подметил в них еще одну проблему: когда бригаде приходится отпирать часть людей на исправление недостатков, то на эту самую часть гораздо меньше обращают внимания, здесь отсутствует влияние комсомольской организации. Все это расхолаживает, снижает дисциплину. Выход Куров видит один — вообще ликвидировать брак. И он абсолютно прав.

Конечно, в одно мгновение брак не ликвидируешь — это кропотливая повседневная, порой невидная работа. И наши комсомольцы ищут здесь новые пути и формы. Есть уже первоначальный опыт совместных действий «прожектористов» Метростроя и Метрополитена. Их рейды по Рижскому, Калининскому радиусам позволили избежать многих переделок. Такие контакты молодых строителей и эксплуатационников, безусловно, необходимо развивать.

Я уже говорил, что комсомольско-молодежные бригады — в числе инициаторов бригадного подряда в Метрострое. Опыт их работы доказал, что нацеленность коллектива на сдачу готовой продукции дает наилучшие результаты в смысле темпов, качества работ, экономии материалов. Хозрасчет меняет даже характер взаимоотношений в коллективе. Одна лишь деталь: до внедрения подряда, бывало, проходчики одной бригады прятали друг от друга дефицитный инструмент, не заботились о том, в каком состоянии передадут технику другой смене. Сейчас, вспоминая об этом, сами удивляются: как же могли так жить? Пока у нас на подряде — половина комсомольско-молодежных коллективов. К концу пятилетки так работать будет большинство.

...Комсомольско-молодежные коллективы — школа работы и школа жизни. В них выросли многие нынешние знатные бригадиры, опытные инженеры; в них сегодня воспитывается новое поколение метростроителей, для которых главное жизненное правило — верность данному слову. Метрострой — большой и сложный коллектив, со своими проблемами и трудностями. Но при всех обстоятельствах одно условие остается неизменным — досрочная сдача новых линий метро. В нынешней пятилетке подземные магистрали свяжут с центром Замоскворечья. Орехово-Борисово; появятся новые станции — «Тульская», «Полянка», «Нагорная»... По плану социального развития Метростроя намечено строительство учебно-производственного центра, ПТУ, учебного полигона, стадиона — эти объекты будут переданы под комсомольское шефство.

В марте этого года исполнилось 50 лет шефству московского комсомола над Метростроем. Наш комитет ВЛКСМ обратился в горком комсомола с просьбой направить на стройку, продолжая традиции комсомольцев тридцатых годов, ударный отряд. Партком поддержал эту просьбу, потому что молодежь — будущее Метростроя, Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

# КОГО

Размышления о том, какой стиль руководства молодежным производственным коллективом отвечает духу времени

Андрей ФАРУТИН,  
корреспондент газеты  
«Комсомолец»,  
Петрозаводск

## ПРОЛОГ

Этот коренастый светловолосый парень сразу привлек мое внимание какой-то внутренней силой и твердостью характера. В то же время чувствовалось, что он немного растерян и напряжен, что в компании таких же крепких ребят из бригады обрубщиков Анатолия Шкуропадского ему не слишком уютно. Осталось впечатление, что парень этот считает себя лишним на собрании комсомольско-молодежного коллектива, основателем и долгое время бригадиром которого был именно он, Виктор Воронов. Видно, не на шутку рассердился Виктор на товарищей, выбравших бригадиром другого. Ни тогда, ни после обиду свою простить не смог...

## ЛОГИКА ПОИСКА

Написать об этой бригаде я пытался еще два с лишним года назад. Задание редакции было простым: проверить выполнение социалистических обязательств ведущим комсомольско-молодежным коллективом производственного объединения «Петрозаводскмаш» имени В.И. Ленина. Бригада обрубщиков литая из цеха 02, возглавляемая Анатолием Шкуропадским, как раз лидировала в соревновании. Более того, к тому времени она уже выполнила план десятой пятилетки по росту производительности труда — за три с половиной года!

Молодые обрубщики приглянулись мне сразу. И открытостью своей, и рабочей основательностью, и единомыслием, подтверждавшим сложившееся в бригаде отношение товарищества.

Немного словный Анатолий коротко представил ребят:

— Виктор Иванов, в бригаде со дня основания, обрубщик высокой квалификации. Николай Лукин, несмотря на малый рост, парень физически сильный, пришел к нам в семьдесят восьмом, специальностью овладел быстро, не раз признавался лучшим молодым рабочим цеха. Владимир Лукин, старший брат Коли, в бригаде появился вслед за ним, тоже мало кому уступит в обрубке, особенно крупных деталей, депутат райсовета. Виктор Скураускас, наш группкомсорг, один из первых членов бригады, на вид хрупкий, но жилистый, до работы злой. Шестой, Виктор Пивень, тоже силушкой не обижен, а в нашем деле это очень важно...

«В юности мне очень полюбилось поэтическое выражение Маяковского о соревновании: «Держа и вздымая друг друга...» Бригады помогают друг другу внедрять и осваивать новую горную технику, не было у них друг от друга производственных секретов... И пусть никогда в молодых сердцах не найдет места равнодушие к результатам своего труда. Рабочему человеку недостаточно только гордиться этой своей принадлежностью к рабочему классу — необходимо еще и самому постоянно стремиться к созиданию, к творческому поиску, профессиональному росту, к открытию новых горизонтов в труде для себя и своих товарищей...»

Алексей СТАХАНОВ

# ПРЕДПОЧТЕТ БРИГАДА?

Я внимательно пригляделся к работе ребят и понял, почему Анатолий так упорно говорит о физических данных товарищей. Слабому здесь действительно делать нечего. Обрубка литья — операция трудоемкая. Рабочим приходится орудовать тут и нелегким пневмомолотком и тяжелой кувалдой. Ворочать увесистые чугунные болванки — диски, задвижки, кронштейны, которые нужно очистить от оставшегося после формовки облоя.

Плюс ко всему обрубка — конечная стадия чугунолитейного производства. Сколько отливок бригаде поступает, столько она и должна обработать. При индивидуальной сдельщине обрубочки не всегда поспевали за формовочным участком. Хотя работали ненамного хуже и заработать могли не меньше. С появлением бригады уже формовка стала отставать от обрубки.

Почему? Не объяснишь же это только ростом физических затрат. И почему снижение расценок, связанное с повышением производительности труда, теперь не воспринимается рабочими так же болезненно, как прежде? Наоборот, бригада иногда добровольно идет на удешевление своей работы. Почему, наконец, несмотря на значительные физические нагрузки и строгую дисциплину, ребята все-таки держатся за эту бригаду? Больше желающих попасть в коллектив, чем уйти из него.

За кратковременный репортерский налет я не успел рассмотреть всех этих проблем на фоне блестящей трудовой победы. Впрочем, тогда я и не искал ответов на возникавшие вопросы, не докапывался до глубинных причин убедительного успеха бригады. Он казался мне закономерным уже потому, что сплоченный, дружный коллектив работать иначе не должен. Более глубокие — экономические — корни самого коллективизма остались в материале за кадром. К счастью, в газете материал не появился. Слишком чувствовалась в нем поверхностность анализа, замаскированная внешним «производственным» антуражем.

Поражение было для меня обидным, но поучительным. Я уже не мог отказаться от мысли написать об этой бригаде. Чтобы добыть факты для более аналитичного исследования успехов коллектива, я снова пошел к молодым обрубочкам. На той встрече мне и довелось познакомиться с Виктором Вороновым, незадолго перед тем вернувшимся на родной завод из Череповца и рассчитывавшим занять свое прежнее бригадирское место.

Но бригада ему в этом отказала. Наблюдая за взаимоотношениями членов коллектива, расспрашивая ребят об истории становления бригады, я понял, что причина такого отказа, как и главная причина резкого роста производительности труда обрубочков, коренится в самой форме бригадного подряда. Именно укрепление подрядных производственных отношений способствовало повышению сознательности молодых рабочих, изменению их отношения к делу и к стилю руководства коллективом.

## ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

До 1975 года, пока обрубочки не были объединены в работающий на единый наряд коллектив, темпы производства зависели от стихии индивидуальной

сдельщины. Каждый поодиночке трудился только на себя, стараясь ухватить работу повыгоднее. Если он успевал раньше других отобрать литье почище, то при минимуме затрат за полдня делал больше остальных и остаток смены бил баклуши. Халнув свой заработок, он не спешил на помощь отстающим. Тот же, кто приходил к шапчному разбору, иногда оставался ни с чем, поскольку тратил на обрубку грязного литья намного больше времени. И хотя в подобном положении мог оказаться любой обрубочик, сути это не меняло — кто-то все равно не успевал сделать задание и оставлял часть необработанных деталей на следующий день.

Становление чугунолитейного производства на «Петрозаводскмаше» сопровождалось частыми срывами на плавильном и формовочном участках, поэтому перебои на обрубке в глаза не бросались и работу цеха не сдерживали. В крайнем случае должники в конце месяца выходили на аврал и все подчищали.

Потом литья пошло все больше. Заминки на обрубочном участке стали грозить увеличением незавершенного производства. Чтобы обеспечить стабильность на конечной операции, создали бригаду.

Почти год она лишь формально числилась коллективом, объединяя людей, работавших вместе, но зарабатывавших по отдельности, каждый за себя. Это мало изменило положение дел. Наконец, в декабре 1975 года обслуживавшему малый конвейер коллективу обрубочков, утвердив его комсомольско-молодежным, дали единый бригадный план.

Тогда ребятам впервые пришлось задуматься и о распределении работы и о дележе заработка. Ясно было одно: чтобы больше заработать на бригаду, надо больше сделать всем вместе. Увеличение производительности труда стало выгодно каждому, незавершенное производство не выгодно никому.

Сдерживать темпы работы или вовсе отлынивать от нее коллектив теперь тоже не мог позволить даже самым сильным обрубочкам. Поэтому к снижению расценок, следовавшему за ростом производительности труда, пришлось относиться как к неприятной, но необходимой процедуре.

Поскольку с тем количеством отливок, которое поступало с формовочного участка, бригада общими усилиями справлялась легко, высвободилось время для более тщательной обработки деталей. Качество обрубки повысилось.

Первым бригадиром комсомольско-молодежного коллектива обрубочков назначили как раз Виктора Воронова, рабочего, пожалуй, самого сильного в индивидуальном отношении, который и прежде всегда был на виду. Опыт руководства людьми Виктор приобрел еще на флотской службе, где он, старшина 2-й статьи, командир отличного отделения мотористов, был принят в члены КПСС. Правда, организаторские навыки оказались у него своеобразные — армейские. Однако на первом этапе становления бригады именно его волевой стиль руководства сыграл, на мой взгляд, положительную роль.

Виктор твердо взял управление бригадой в свои руки, укрепил трудовую дисциплину и, показывая личный пример в работе, повел комсомольско-молодежный коллектив по курсу произ-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

# СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

## № 9 (1319) МАЙ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:  
кавалеры высших  
солдатских орденов  
отец и сын  
Ваначи  
из села Лыхны  
Гудаутского района  
Абхазии.

Фото  
Льва  
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** МОЙ СЪЕЗД  
Письмо первого секретаря  
Заводского райкома комсомола г. Днепродзержинска  
Людмилы ДРАГАН.
- 2** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.  
«КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ:  
ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ».
- 9** Рассказ Николая ЧЕРКАШИНА  
«ТРАНЗИТНЫЙ КАРАУЛ».
- 12** 9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ. «ЖИВАЯ ПАМЯТЬ».
- 14** МИР КАПИТАЛА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР.  
Владислав ЧИРКОВ. «МУНДИР В ПОРТРЕТНОЙ РАМЕ».  
Стихи Юрия АДРИАНОВА.
- 16** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.  
«ОДНА, НО ПЛАНЕРНАЯ СТРАСТЬ».
- 17** Стихи Людмилы КУДРЯВСКОЙ.
- 18** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 20** Елена ГОЛОВАНЬ. «АВТОМОБИЛЬНЫЙ АЛФАВИТ».
- 21** Слава ТАЙНС. «ПРИВУЛКАНИЛИСЬ!»
- 22** Алексей КУСУРГАШЕВ.  
«И ВИДЕЛ ЗЕМЛЮ С ВЫСОТЫ».
- 24** Раиса ЩЕРБАКОВА.  
«СОКОЛОВЫ: ЭТЮД В СВЕТЛЫХ ТОНАХ».
- 25** Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ.  
«ГОДОВ ДОРОЖНЫЕ СТОЛБЫ».  
Воспоминания о Константине Симонове.
- 28** Виктор ПОЛОЖИЙ. Роман «ПЕПЕЛ НА РАНЫ».
- 31** Стихи Юстинаса МАРЦИНКЯВИЧЮСА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,  
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ  
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный  
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,  
В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный  
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН,  
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исавва.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

водственных побед. Вскоре его имя замелькало в газетах, появилось на заводской Доске почета.

За короткий срок бригада В. Воронова, насчитывавшая тогда девять человек, добилась неожиданно высоких результатов. Уже первый год десятой пятилетки доказал ее жизнеспособность и огромные потенциальные возможности. Коллектив сразу стал занимать призовые места в социальном соревновании комсомольско-молодежных бригад объединения, выступил инициатором соревнования за право подписать рапорт Ленинского комсомола к 60-летию Великого Октября. Добился этого права, первым досрочно выполнив план двух лет пятилетки.

Правда, к тому времени в бригаде осталось только четверо: Воронов, Шкуропадский, Иванов, Скураускас. Остальные по разным причинам покинули коллектив. Кто не выдержал предложенных темпов и жесткой дисциплины, кто повздорил с бригадиром.

В 1978 году оставил бригаду и сам Виктор Воронов. По семейным обстоятельствам он переехал в Череповец, где устроился обрубщиком на металлургический завод. Тогда-то его и сменил на бригадирском посту Анатолий Шкуропадский, бывший комсорг бригады.

Уход Воронова ничуть не ослабил коллектив. Наоборот, при Шкуропадском он стал еще сильнее, дружнее, боеспособнее. Пополнившись братьями Лукиными и Виктором Пивнем, бригада досрочно праздновала завершение десятой пятилетки. По итогам пятилетия бригадир Анатолий Шкуропадский был удостоен медали «За трудовую доблесть».

### ЛОГИКА ВЫБОРА

Виктор Воронов, которому такая награда тоже досталась бы по праву, не нашел себя на новом месте и возвратился на «Петрозаводскмаш» в сентябре 1980 года. Бригадиром его обратно не взяли, рядовым обрубщиком под начало Шкуропадского не пошел сам — гордость помешала, что ли.

Решил доказать бывшим товарищам, что зря они отказались от его услуг. Добился назначения бригадиром вместо Анатолия Матвеева в коллектив обрубщиков, обслуживавший средний конвейер. Снова бригада Воронова заставила говорить о себе. Вскоре она уже не уступала своим соперникам, иногда даже опережала соседей по участку.

Сам не умея работать плохо, Виктор Воронов и бригаду заставил выкладываться в полную силу. Выяснилась, правда, и другая, менее лестная причина успехов нового вороновского коллектива.

Дело в том, что средний конвейер выпускает детали основной номенклатуры и поэтому является более важным, более производительным. А стабильно работавшая на малом конвейере комсомольско-молодежная бригада Шкуропадского порой испытывала нехватку фронта работ. Тогда ребята решили своими силами выполнять операцию по галтовке литья. В галтовочном барабане очищается от прилипшей к металлу земли грязное литье с обеих линий. Взяв на себя галтовку, молодые обрубщики получили право на обработку некоторой доли отливок среднего размера, чего вполне хватало для полной загрузки коллектива.

Когда Воронову удалось подхлестнуть рост производительности труда второй бригады, она тоже стала иногда ощущать недостаток деталей. Начался спор за отливки среднего размера, проходившие через галтовку. Когда спор выигрывали обрубщики Воронова (а у них это

получалось чаще благодаря неуступчивости бригадира, порой забиравшего среднее литье в запас, без острой нужды), ребята Шкуропадского лишались возможности выполнять свои привычно высокие нормы. Случалось и наоборот. Словом, то один, то другой коллектив оказывался на голодном пайке. Настоящего соревнования не получалось, ритмичная работа уступила место чередованию рывков и простоев.

В конце концов, увеличивая численность своей бригады, Воронов вообще мог оставить без дела соседей. Как выразился один из обрубщиков: «Он бы просто-напросто «съел» наш коллектив». Добиваясь передачи всех деталей среднего конвейера на обрубку в свою бригаду, Виктор вовсе не искал компромиссного решения, выгодного и производству в целом и его бывшим товарищам.

Такое решение родилось в бригаде Шкуропадского, члены которой увидели не только сиюминутные выгоды спора за галтовку, но и перспективы стабильной работы всего обрубочного участка. Их предложение объединить силы коллективов обрубщиков нашло живой отклик у соперников.

Администрация цеха сначала неодобрительно отнеслась к замыслу рабочих, но потом признала временную целесообразность такого шага, соответствующего производственной мощности формовочного участка. Виктор Воронов тоже был категорически против объединения и мнения своего не изменил. На общее собрание обрубщиков он не явился. Нетрудно догадаться, что вновь созданный коллектив назвал бригадиром Анатолия Шкуропадского.

Такой выбор несет в себе оценку стиля руководства бригадиров. Чем же приглянулся обрубщикам Шкуропадский и почему они прокатили Воронова? Попробуем объяснить это хотя бы на примере отношения бригадиров к системе определения коэффициента трудового участия (КТУ).

### МОНОЛОГ ВИКТОРА ВОРОНОВА:

— При работе бригады на один наряд прежде всего необходимо обеспечить в коллективе крепкую трудовую дисциплину. Причем нужно добиться не только того, чтобы рабочие не допускали прогулов, но и того, чтобы они не сачковали на рабочем месте, а ежедневно бы выкладывались в полную силу.

Иногда получается, что один на всю катушку целый месяц работает. Другой — поначалу раскачивается, потом рвет и мечет, хоть в ударники записывай. А получают они в конце концов одинаковую зарплату, потому что при определении месячного коэффициента трудового участия оплошности первых дней обычно забываются, их перевешивает впечатление от ударного труда на финише.

Или взять качество работы. У одного к качеству никогда не придерешься. А продукцию другого словно по традиции на переделку возвращают. То есть он делает меньше остальных ребят, поскольку его недоделки приходится устранять всем. В конце месяца бракодел тоже может постараться и чисто обработать детали в расчете на человеческую психологию — мол, исправился парень. И КТУ получит, как у всех.

По-моему, нужно ужесточить систему определения КТУ, подводить коэффициент ежедневно, потом суммировать и выводить среднемесячный показатель. Дело бригадира — следить за правильностью оплаты труда, за наказанием лентяев и бракоделов.

### МОНОЛОГ АНАТОЛИЯ ШКУРОПАДСКОГО:

— На мой взгляд, ежедневное определение КТУ — лишняя бумажная работа. Да и вообще это не бригадирское

дело, а функция совета бригады. Совет для того и создается, чтобы обеспечить, в частности, справедливое распределение заработка. Единолично такие вопросы не решаются. А вот когда сами ребята, тобой же в совет избранные, скажут тебе, что тогда-то ты недодал к плану, тогда-то брак допустил, тогда-то на перекуре задержался, и снизят тебе КТУ, ты с ними поневоле согласишься. Они же с тобой бок о бок работают, все про тебя знают, видят, как ты на деле выкладываешься. Их не обманешь ни каждый день, ни в конце месяца. Своё кровное никто тебе отдавать не будет, если сам ты работал плохо. И если раз-другой совет может дать нерадивому поблажку, поверив его обещаниям, то не до бесконечности же.

Поэтому неважно, снизят ли тебе коэффициент в конце месяца или выведут такой же по средним оценкам за день. Более того, ежедневное подведение КТУ может лишний раз рабочее настроение человека испортить. Скажем, беда у него какая сегодня, из рук все валится, а ты ему коэффициент тычешь. Глядь, обидел человека. Он бы на другой день с лихвой норму выполнил, а теперь еще неизвестно...

Во всяком случае, в нашей бригаде сачков никогда не было, хотя мы даже

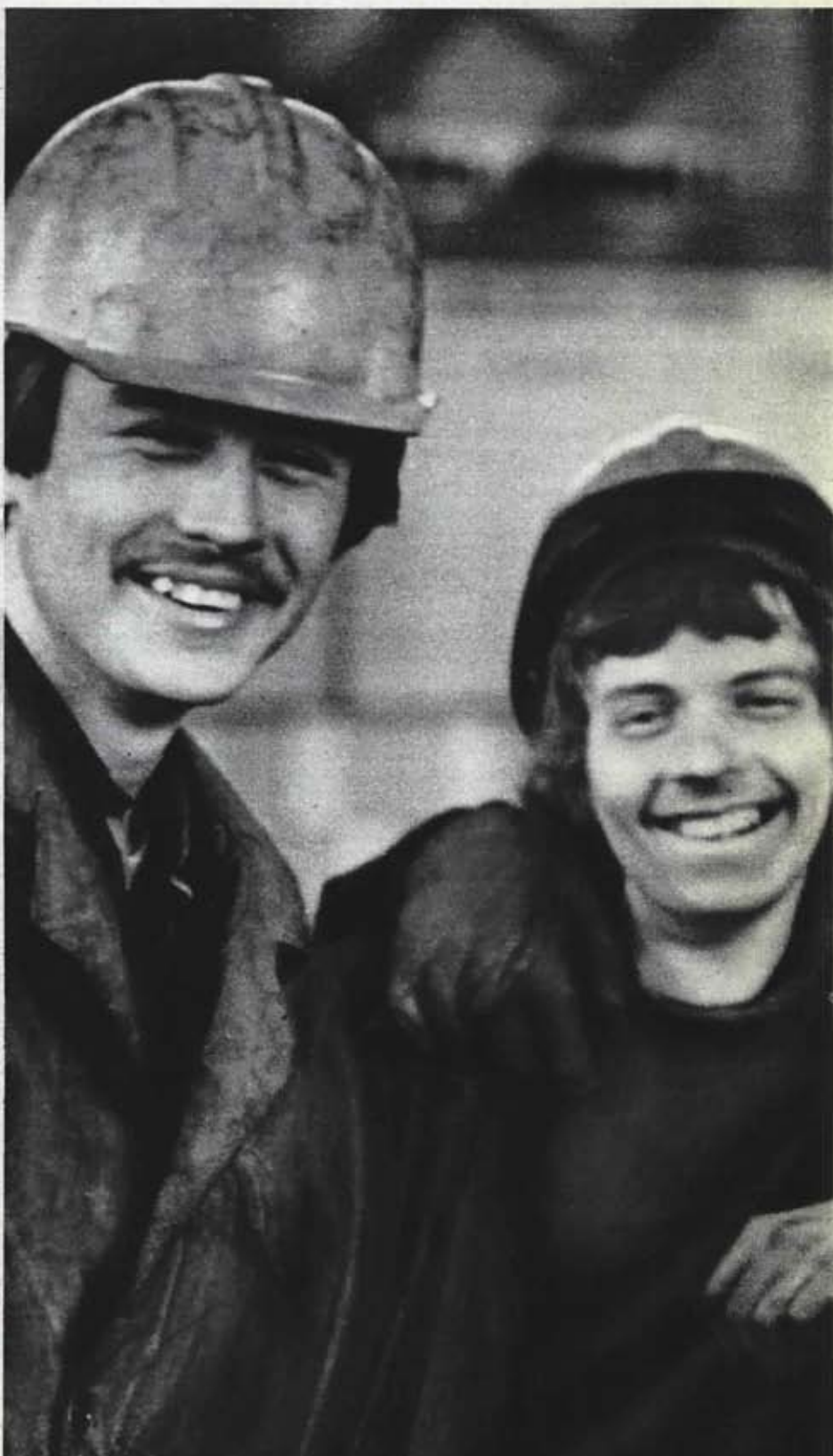
не по коэффициенту заработка делили, а по фактически отработанному времени. Бывает, конечно, силенка парню не позволяет за передовиками угнаться. Но разве он виноват — старается-то не меньше. Не беда, что у него выработка чуть меньше, ведь труд свой он вложил наравне со всеми. Не снижать же за это коэффициент! По труду платить надо.

Совет объединенной бригады, в который вошли по три человека от каждого коллектива, принял систему определения КТУ, предложенную Шкуропадским. Совет справедливо решил, что пока все работают на виду, не стоит обижать людей недоверием.

### ДИАЛОГ С НАЧАЛЬНИКОМ ЦЕХА 02 А. А. ШМЕЛЕВЫМ

Эта беседа помогла мне яснее понять роль бригадного подряда в совершенствовании производственных отношений внутри коллектива, в повышении требовательности к деловым и человеческим качествам руководителя бригады. Прежде всего мне хотелось подтвердить фактами влияние подряда на рабочую сознательность обрубщиков.

— По сравнению с индивидуальными





сдельщиками рабочие, объединенные в бригаду, относятся к делу намного ответственнее.— говорит Анатолий Алексеевич.— Приведу вам несколько примеров, а там— судите сами.

Раньше не каждый обрубщик брался за обработку особенно грязного литья. Такая отливка могла оказаться списанной в брак или пролежать на участке не один месяц, пока мастеру не удавалось договориться с кем-нибудь выполнить невыгодную работу за добавочную плату. Теперь бригада лишнего вознаграждения не требует, все детали обрубает качественно да еще сама же предлагает снизить расценки, за что поощряется премией.

Раньше галтовщику было все равно, какое литье он загружает в барабан. Он получал отдельно— с тонны прогалтованного литья, мог и бракованные отливки «не заметить». Теперь он такого уже не допустит, поскольку получает вместе со всей бригадой только за конечную продукцию— за обрубленные детали. Зачем же ему загружать в галтовочный барабан брак, который не бригада, так ОТК завернет на переплавку?

Раньше обрубщики неохотно делились секретами своего мастерства. Теперь то и дело показывают друг другу

наиболее рациональные приемы труда, каким зубилом удобнее выполнять ту или иную операцию, с чего лучше начинать обрубку... Новички быстро приобретают профессиональные навыки и даже догоняют передовиков.

Благодаря таким вот штрихам и растет производительность труда, повышается качество обработки деталей. Если в 1976 году на каждого обрубщика при хорошем качестве работы приходилось 767 тонн обработанного литья, то в 1980-м— уже 1085 тонн, а в бригаде Шкуропадского и побольше. За 1981 год каждый из пятнадцати членов объединенного коллектива добавил к этой цифре еще в среднем по 40 тонн литья.

Нужно признать, что на такой прибавке, несомненно, отразился эффект объединения. Кстати, само желание рабочих объединиться вопреки рекомендациям администрации тоже говорит о выросшей сознательности обрубщиков.

— Почему же администрация цеха была против предложения рабочих?

— Видите ли, когда наш цех выйдет наконец на проектную мощность, когда и малый и средний конвейеры будут работать в полную силу, нам все равно придется формировать на обрубке две бригады. Вот и не хотелось идти на временное изменение структуры под-

разделений цеха. А обрубщики доказали производственную необходимость такого шага, связанного с недостаточной мощностью формовочных линий.

— Значит, ошибочным было и упорство Виктора Воронова. Его несогласие с коллективом, видимо, сказалось на выборах руководителя объединенной бригады. А как, на ваш взгляд, есть ли иные основания решения рабочих выбрать бригадиром именно Анатолия Шкуропадского? Оцените деловые качества двух бригадиров обрубщиков.

— Воронов— человек честолюбивый, гордый, в отношениях с людьми предпочитает жесткую линию. Его командирские методы, его требовательность помогают повысить трудовую дисциплину и улучшить организацию труда в той бригаде, члены которой относятся к своей работе с разной мерой ответственности. Но не срабатывают в коллективе, где уже достигнута высокая рабочая сознательность каждого.

Шкуропадский поскромнее, за славой не гонится, лишнего не требует, но свое возьмет. В бригаде его уважают за ровные отношения с людьми, за доверие к товарищам, за деликатность, что ли. Его точка зрения обычно совпадает с мнением коллектива, поскольку он прислушивается к оценкам товарищей,

часто советуется с ними, не стремится решать все вопросы в одиночку.

При условии одинакового выполнения остальных бригадирских обязанностей—заботы о правильной организации и улучшении условий труда, о достаточном фронте работ и готовности руководства Шкуропадского больше по душе рабочим, чем административные методы Воронова. Выбор бригады это лишний раз подтверждает.

— Существует все-таки опасение, что коллектив выбрал в руководители человека более покладистого, мягкого, с которым всегда можно найти общий язык. И потом, Виктора Воронова я знаю

**К ОТКРЫТИЮ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ  
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ  
БРИГАДА  
НИКОЛАЯ ЛОГУНОВА  
ИЗ ДЕПО  
МОСКВА-СОРТИРОВОЧНАЯ  
ОБЯЗАЛАСЬ ОТРЕМОНТИРОВАТЬ  
5 ЭЛЕКТРОВЗОВ ТОЛЬКО  
НА СЭКОНОМЛЕННЫХ  
МАТЕРИАЛАХ.  
КАЧЕСТВО РЕМОНТА МАШИН  
У БРИГАДЫ ВСЕГДА ОТЛИЧНОЕ.**

Фото Алексея ФЕДОРОВА



как увлеченного делом парня, горячего в работе, на лету схватывающего передовые идеи об улучшении организации труда. Заслуживает, наверное, внимания его предложение о создании сквозной комплексной бригады. Бывает мнение, что такие люди имеют право на ошибку. Как, по-вашему?

— Во-первых, Анатолия Шкуропадского нельзя назвать мягким и сговорчивым человеком. В принципиальных спорах он умеет отстаивать свою точку зрения, бывает, и вспылит иногда... Но главное, что отличает его отношения с людьми, — это понимание рабочих, готовность признать собственную ошибку. Ребятам такое нравится, поэтому обиды на бригадира никто не держит.

Во-вторых, я тоже уважаю Виктора Воронова как передового рабочего, как увлеченного и ищущего человека. Действительно, есть такая поговорка: ошибка не делает тот, кто ничего не делает. А вот насчет права на ошибку — это уж слишком.

Дело в другом — как ты к своим ошибкам относишься. Мы, например, неправильно оценили сначала то спорное предложение рабочих, но объединению бригад не препятствовали и вынуждены были согласиться с его временной целесообразностью. Анатолий Шкуропадский тоже может допустить промах. Но он ошибется — исправится и сам потом посмеется с ребятами над своей вспыльчивостью или заблуждением. А Воронов слишком самолюбив, ошибки переживает тяжело.

Например, его предложение о создании сквозной комплексной бригады, несомненно, имеет будущее, но сегодня, сейчас мы не можем воплотить его в реальность целиком. Ну, объединим мы рабочих разных специальностей по технологической цепочке цеха — от формовки до обрубки, что дальше? Деятельность такой бригады все равно будет зависима от поставки жидкого чугуна с плавильного участка, находящегося за пределами цеха. В такой ситуации создание сквозной бригады — шаг формальный, неэффективный.

А вот черты комплексности комсомольско-молодежному коллективу Шкуропадского уже присущи. К комплексной организации труда обрубщики пришли от взаимозаменяемости, от овладения смежными специальностями галтовщика, стропальщика, транспортничка. Теперь пятнадцать человек, объединенных в бригаду, выполняют по мере необходимости и эти операции, уже высвободив пятерых рабочих. Сегодня они могут сократить еще одного-двух...

Поэтому не стоит отчаиваться Виктору — его предложение пусть медленно, но находит применение. Однако он по-прежнему недоволен. Ему кажется, что, будь он бригадиром, дело пошло бы быстрее, энергичнее, лучше.

Обиделся Витя на ребят, замкнулся в себе. Жаль будет, если надумает уйти из бригады. Обрубщик он замечательный, опытный. Да и парень хороший.

## ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Оказывается, чтобы отвечать на бригадирском посту требованиям времени, мало быть просто хорошим парнем или просто индивидуально сильным профессионалом. Сто раз прав Герой Социалистического Труда В. Сериков, написавший в одном из номеров «Смены», что «бригадир обязан быть добрым уже по долгу службы». Ведь в подрядных бригадах он сегодня имеет дело с людьми коллективного склада мышления, которых работать эффективно заставляет не похвала и жесткость, а рабочая сознательность самой бригады.

# ПЛАСТЫ БЕРЕЖЛИВОСТИ

Виктор ХМЕЛЕНКО,

горнорабочий очистного забоя шахты имени 50-летия Октябрьской революции производственного объединения «Карагандауголь», лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, комсорг комсомольско-молодежного участка имени 60-летия ВЛКСМ

Н епыльной нашу работу никак не назовешь. Наверх поднимаемся — только глаза и зубы сверкают. Первое дело для горняка после смены в забое — под горячий душ встать. Но что, если прикинуть: почти тысяча человек в смену, около четырех тысяч в сутки — сколько же надо воды и топлива, чтобы эту воду нагреть? Того самого топлива, которое нам так нелегко достается? Конечно, на необходимом экономить не следует, однако всегда есть грань между необходимостью и излишеством, и переступить ее очень легко. В данном же случае экономия, насколько не ущемляя нужд горняка, достигается путем простого технического решения: в душевых нет... кранов. Вместо них рационализаторы поставили ножные педали. Нажал — пошла вода нужной температуры, отошел — мгновенно отключилась, напрасно литься не будет ни секунды. Здесь не крохоборство. Просто, если под нами миллионы тонн топлива — это не значит, что можно пускать его на ветер. Потому что там, внизу, на пяти-сотметровой глубине, у нас каждый килограмм на счету — без всякого преувеличения. Несмотря на то, что производительность добывающего комбайна более тысячи тонн в смену, вслед за ним идет шахтер, подбирает куски, упавшие мимо конвейера, подкидывает на ленту. Вроде бы мелочи, но часто с мелочей все и начинается — в первую очередь отношение к делу, к общему добру. Мне пришлось одно время работать на шахте, где со всякими «мелочами» не считались. Был бы выполнен план добычи угля, а какой ценой — вопрос второстепенный. В нашем комсомольско-молодежном коллективе мы считаем иначе: выполнить план — еще не успех. Действительно эффективная работа не просто в том, чтобы как можно больше сделать, а чтобы как можно меньше потерять при этом.

Пока спускаешься в шахту, добравшись до угольного пласта, видишь, сколько труда сотен людей, сколько средств и материалов вложено сюда еще до того, как лава дала первую тонну топлива. Вынуты тысячи кубометров породы, проложены километры рельсов, кабелей, труб, укреплены своды, смонтирован механизированный комплекс, установлены конвейеры, аппаратура... Но на некоторых шахтах случается так, что многое из этого добра потом, когда весь уголь взят, добычные бригады бросают в выработанных лавах — хороший лес, металл, даже исправную технику. Не буду говорить о моральной стороне дела и о неуважении к чужому труду: оно очевидно. Давайте взглянем с точки зрения экономики. Потери — они не только в том, что сколько-то леса или металла пропало зря. Тут цепочка дальше тянется... Попробую пояснить.

Если спросить любого шахтера, что

сдерживает добычу угля, он наверняка ответит — проходка. Я знаю, что проходчики намного отстают от добычных бригад, не успевают готовить новые лавы. У них есть вполне справедливые претензии к проходческой технике, она несовершенна. Это так. Но я знаю и другое: то, что многие проходческие бригады простаивают из-за отсутствия металлической крепи. А в то же время — сколько ее еще пропадает в старых выработках на многих шахтах! Считайте сами: две ножки крепи — 120 килограммов металла, и стоят они через каждые 75 сантиметров на протяжении сотен метров. Все это оказывается похорошенным. Так одни потери автоматически ведут за собой другие — потери в добыче угля. И у нас на шахте это бывало. Сейчас мы стараемся каждую раму крепи из пройденной выработки извлекать, чтобы ее можно было использовать повторно (таким образом в прошлом году сэкономили тысячу шестьсот тонн металла). Если она деформирована — отправляем на переплавку.

То же самое и с лесом, «забытым» в лавах. Иногда экономия каких-то десятков кубометров определяет, будет ли бригада работать нормально. Вот лишь один пример.

Начинали мы отработывать новую лаву. Доставку крепежного леса не сразу организовали — а как шахтеру работать без крепи? Могли, правда, таскать лес на собственных плечах (километра за полтора), но на такую тяжелую вспомогательную работу необходимо было отвлекать многих шахтеров. Добыча непременно упала бы. Я говорю «упала бы», потому что отсутствие доставки, не застало участок врасплох. Еще раньше, когда закончился монтаж комплекса, мы извлекли из монтажной камеры уже ненужный там лес, сложили неподалеку от лавы, а потом по мере необходимости использовали его повторно. Я понимаю, что нам пришлось исправлять чей-то промах с доставкой. Но так или иначе, а добыча велась ритмично благодаря экономии леса.

Вот такая зависимость получается между добычей угля и экономией материалов. Экономленные лес, металл дают — и немалую — прибавку топлива. Шахта и участок работают ритмично, стабильно — во многом за счет бережливого отношения к ресурсам. Поэтому и уголь берем не любой ценой, снижаем затраты на добычу: в прошлом году, например, экономия на себестоимости составила на шахте более двухсот тысяч рублей. На участках заведен порядок: при определении коэффициента трудового участия учитывается и то, что рабочий сделал для экономии материалов.

Наш комсомольско-молодежный участок никогда не ставил в особые, тепличные условия. Еще свеж в памяти период, когда молодой коллектив держал экзамен на зрелость — это было вскоре после организации участка. Работали мы тогда в очень сложных геологических условиях, из-за частых завалов продвижение лавы за смену составляло иногда меньше метра. Но

духом не упали и даже дали сверхплановый уголь — за что нам и присвоили звание коллектива имени 60-летия ВЛКСМ. Что же мы противопоставляем капризам горных пород?

Самое важное — чтобы каждая смена в лаве проходила с наибольшей отдачей: чтобы техника не ломалась, люди не простаивали. Потому что все поломки и простои приносят дополнительные потери. И если против капризов природы иногда трудно что-то поделать, то уж организация труда — полностью в наших руках.

Ежесуточно одна смена отдается ремонтной бригаде. У нас говорят: как ремонтники поработают — такая и будет добыча. Почему на нашем участке техника редко подводит? Потому что действует персональная ответственность за ремонт, профилактику механизмов. По предложению рационализаторов за каждым узлом комбайна, комплекса, за конвейерами, аппаратурой закреплены постоянные рабочие. Таким образом ликвидировали обезличку, и бригада всегда точно знает, с кого спрашивать, если тот или иной механизм неисправен. Хорошо подготовленная техника экономит немало времени нам, добычным бригадам. Мы, в свою очередь, эту экономию увеличиваем: на участке принято передавать комбайн сменщикам на ходу, не выключая его из работы. Раньше, случалось, отсутствие одного рабочего лихорадило весь участок — нечем заменить было. Теперь, когда все молодые ребята прошли школу смежных профессий, получилась полная взаимозаменяемость.

...У бережливости тоже есть свои «пласты». Одни очевидны, лежат почти на поверхности: до других, бывает, докопаться не сразу. Не так давно под руководством нашего начальника участка Александра Николаева взяли коллективно решить одну непростую проблему: увеличить мощность пласта. Обидно было смотреть, как, экономя во всем, теряем самое главное — уголь. Вернее, недобираем его сотнями тонн. Дело в том, что после комбайна остается часть нетронутого пласта примерно в полметра толщиной. И ведь все по проекту, по технологии делается, но комбайн рассчитан на пласт мощностью три с половиной метра. Усовершенствование мы внесли вроде бы небольшое: немного приподняли комбайн, наварив снизу специальные «лыжи». Но теперь он смог расширить зону захвата на 10 сантиметров. Велик ли экономический эффект? Каждый метр продвижения комбайна дал прибавку в 30 тонн угля. Думаем поднять мощность пласта до четырех метров, для этого готовятся нужные приспособления. Тогда мы решим сразу две задачи: увеличим добычу и не так быстро «съедем» пласт — значит, у проходчиков будет больше времени подготовить нам новую лаву.

Следующая наша цель — войти в число «тысячников», то есть ежесуточно выдавать на-гора по тысяче тонн угля. Хватит ли у молодежи профессионального опыта? У нас профессионалами быстро становятся. Например, мой товарищ Вадим Бабаков еще учеником ГПТУ был участником Всесоюзной выставки НТТМ, получил медаль ВДНХ за действующую модель механизированного комплекса. А сейчас он уже мастер на все руки, владеет любой шахтерской специальностью. В свои 24 года Вадим — «Почетный механизатор угольной промышленности», депутат райсовета... И таких умелых ребят у нас много. План первого года пятилетки пересматривали и вместо пятисот добыли семьсот тысяч тонн угля. А к дню открытия съезда комсомола, как решили на общем собрании, осилили и миллион.

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!  
ЖДЕМ ОТ ВАС ПИСЕМ О ЖИЗНИ  
КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ  
КОЛЛЕКТИВОВ,  
В КОТОРЫХ ВЫ ТРУДИТЕСЬ.**

**К**ончался декабрь, самый ветхий месяц этого года... Метель гоняла белые колеса по пустынным перронам. Снег толкся под ногами, мелкий и сухой, как мел. Задористо покрывал маневровый тепловоз.

В затылок сержанту Шорникову шел Вьюнцов, за ним переваливался в постовом тулупе матрос Адырбаев. Все трое отдувались клубами морозного пара. На крышах подземных колодцев грелись, словно на железных проталинах, притихшие воробьи.

На стрелках запасной ветки караул встречал помощник военного коменданта — бравый лейтенант с тоненькими усиками. Лейтенант, несмотря на мороз, щеголял в новенькой фуражке с чернobarхатным — танкистским — окольшем, хотя к его железнодорожным эмблемам полагалось обычное сукно. Он здорово промерз, этот щеголь, в своих зеркальных «хромочках» и писконской фуражке и потому рысцой кинулся к воротам из колочей проволоки, перегораживавшим рельсы. Там, у бетонной рампы, стояли два товарных вагона, густо запорошенные пургой. В одном из них находился воинский груз, в другом надлежало жить караулу.

Шорников придирчиво осмотрел пломбу на отдвижных дверях, пластилиновые печати, расписался у лейтенанта в бумагах, и с этой минуты ответственность за груз, за Вьюнцова и за Адырбаева, за все, что может случиться с ними в дальней дороге, легла на его плечи всеми нештучными своими параграфами строгих инструкций, суровых уставов, неумолимых кодексов. Стас даже пошевелил лопатками от такой тяжести. Поскорее бы этот вагончик прикатил на место...

Лейтенант попрощался и исчез. Адырбаев, скинув вешмешок и расчехлив карабин, затоптался у опломбированного вагона — его смена первая.

— Ну и колотун! — отбивал чечетку по дощатому полу теплушки Вьюнцов. — В таких вагонах только мамонта Диму возить. Померзнем, командир!

Надо было бы сразу его оборвать, как это умел делать Кисурия, мгновенно переходя с запанибратского тона на официальное «вы». Шорников пропустил мимо ушей небрежное «командир». Не хотелось стычек в самом начале пути. Прикрикивать и одергивать Стас никогда не любил; во всех караулах под его началом сам собой возникал ровный лад того товарищества, какое бывает в небольших рыбацких артелях или иных сообществах, где каждый знает, что ему делать, и делает это без понуканий и без уверток.

— Так померзнем, говорю, шеф! — приплясывал старший матрос.

— Держи брезент, фирма! — вскочил в вагон Стас.

В настывшем железе оказалось холоднее, чем снаружи. Шляпки болтов поросли махровым инеем. Промерзшая газета на полу захрустела, как целлофан. На куске резинового жгута, запасливо прихваченного из казармы, Шорников подвесил ведро с водой — не расплещется в качку.

Едва растопили печку, подкатил толкач, тоненько свистнул и потащил кушый состав через сортировочную горку туда, где формировался поезд. Их поставили почти в самую голову: в трех вагонах от локомотива. Но тепловоза пока не было, его вот-вот должны были подогнать к зеленому почтовому пульману. Шорников прыгнул вместе с Адырбаевым размять перед дорогой ноги. Увесистый снежок стукнул в спину.

— Привет, служба!

В дверях почтовика обнимал за плечи двух железнодорожных девиц парень в черном картузе. Девчата хихикали: снежком запустил кто-то из них.

— Соседями будем! — Парень прыгнул в снег и сбил картуз на затылок; вместо ремешка фуражку украшал шнур, сплетенный из разноцветных проводков. — Так что гони сигарету! Лучше парочку... Тань, будешь? Нет, конечно. Ну, мы за тебя с Зинкой...

Парень выбрал из пачки три «примы», одну сунул за ухо, а две другие раскурил. Стас сразу понял причину столь непринужденного знакомства: легкий винный дух шел от почтара. Лязнул откидной лист, и обе девушки спустились по приступке. Зина, плотная румяная молодая с железнодорожной кокардой на шапочке из розового мохера, отменно

# ТРАНЗИТНЫЙ КАРАУЛ

затянулась и выпустила через ноздри двурогую струйку. Другая, пышно кудрявая и ясноглазая, грызла яблоко.

— Ну, что? — обнял парень девчат. — Махнемся не глядя? Меняй своих орлов на моих лебедей! А?! — И захохотал, довольный шуткой.

Шорников усмехнулся, пыхнул дымком. Парень не отставал:

— Куда едем, начальник? Ага... Понимаю! Военная тайна. А что везем? Бомбу? Ах, пардон! Опять тайна. «Мо-оя тайна с черными глазами... Я слишком устала быть тайной!»

Но тут печально пробасил тепловоз — все бросились по вагонам.

В теплушке за брезентовой перепонкой малиново пылала печка. Иней на болтах растаял. Вьюнцов в одной фланелевке шуровал в топке кочергой, как заправский кочегар.

Шорников ушел на холодную половину, облокотился на брус, перегораживающий проем. Поезд мчался, выметывая из-под колес снег, угольную пыль и пространство. Ночная тундра убегала к северу вместе с чередой телеграфных столбов. На крутых выгибах виден был тепловоз, видно было, как боются в луче лобового прожектора спутанные плети пурги, как светятся окна почтового вагона...

Ну, вот и последний рейс. И счет службы пошел уже не на сутки, а на версты. Куда потом? В батальон несколько раз наведывались зызывали с местного завода. Манили «поляркой»\*, большими деньгами. Но ребята постановили ехать всем взводом на БАМ. Всем взводом не удалось — увольнялись не вдруг, а по возвращении из командировок. Только шесть человек добрались до Тынды и прислали оттуда письмо: мол, ждем, приезжайте, кто не передумал. Тындинский адрес Стас хранил за обложкой военного билета.

Ночью холод пробирал и под наброшенными шинелями. Уголь попался дрянной, зашлаковал всю топку, печка то и дело остывала. Сначала Адырбаев еще слезал с нар и ковырял кочергой в топке, орудовал в ней, будто дантист в дупле больного зуба. Под утро и ему надоело. Дремали, тесно прижавшись друг к другу, причем Вьюнцов оказался в «золотой серединке».

Шли хорошо, без остановок, так что к утру полярная ночь заметно поредела, а за теплушечным бортом побегал художочный, но все же лесок.

В проеме дверей пронеслись черные, облитые нефтью цистерны, высокие зерновые вагоны, порожние и потому грохочущие платформы... Шорников глянул на часы: шесть.

— Подъем! — крикнул сержант, оттянув край брезентовой переборки. Адырбаев привычно встрепенулся и вылез из-под шинели. Вьюнцов сел, сладко зевнул в рукав.



Рисунок Владимира РОДИНА

— На зарядку — становись!

Адырбаев резво соскочил с нар. Вьюнцов изумленно вытаращил глаза:

— Вы что, ребята?

Конечно же, за такую реплику старшего матроса надо было немедленно поставить на место. Но повод был слишком мал, чтобы взрывать всерьез. Тем более что в транзитных караулах проводить зарядку регулярно все равно не удавалось: всегда кто-то отсыпается за ночную смену. Там, на холодной половине, где покачивалось на резиновом жгуте ведро, Стас с Адырбаевым истово приседали, отмахивались, отжимались, стараясь угадывать толчки и броски вагона. Разогрелись славно, так что от фланелевок пар пошел.

После завтрака Шорников прикинул к дощатой стенке «Распорядок дня в подвижном карауле». Вьюнцов изучил документ с насмешливым прищуром.

— Что, и занятия по уставам будут?

— Будут, — подтвердил Стас.

— Ну-ну... Тише едешь — шире морда.

Вышли покурить на холодную половину. Поезд тянулся на подъем, выбирался на высокую насыпь; заснеженный лес провалился вниз, и потому зеленые штыки еловых макушек мелькали теперь где-то на уровне пола. Вьюнцов вдруг легко подпрыгнул и отжался на брус. Не дав никому опомниться, он сделал стойку на руках, чуть покачиваясь над срезом вагонного пола, над струящимся полотном встречной колеи. Резким махом он швырнул тело в проем, но, крутнувшись на перекладине, как на турнике, благополучно приземлился в теплушке.

— Тебе что — жить надоело?! — накинудся Шорников.

— Йй-йй-йй! — не то восхищенно, не то осуждающе цокал языком Адырбаев.

\* Надбавка к зарплате за работу в условиях Арктики.

Вьюнцов отряхнул ладони.

— Ну, чего раскудахтались? Легкая разминка. Полезно после завтрака.—И добавил, должно быть, вычитанную где-то фразу:—Капля риска вспенивает чашу жизни!

Худощавое лицо его приняло надменное выражение, а прикушенная сигарета задралась круто вверх.

Заскрежетали колеса. Потянуло горелым железом тормозных колодок. Встали в предполье большой станции. Вьюнцов—его смена—спрыгнул с карабином в снег.

Мороз глушит запахи, и давно бы пора было исчезнуть горелому запаху из-под колес, но ноздри щекотала противная тряпичная гарь, непонятно откуда взявшаяся и, похоже, нарастающая с каждой минутой.

— Адырбаев!—заглянул Шорников за полог.—Что горит?

— Угль гарит.

Казах невозмутимо помешивал в печке кочергой.

— Какой, к черту, уголь! Тряпка горит. Шинель не прожрет?

Адырбаев обиженно вскинулся:

— Шинель жег?! Я что—совсем глупый?!

Сержант метнулся к проему—прошелся взглядом по колесам состава. Из-под почтового вагона выбивалась сизая струйка дыма. Снег мешал бежать, и полтора метра, отделявшие теплушку от почтовика, сорвали Стасу дыхание. Он стукнул кулаком в запертую дверь, прокричал, выдыхая слова в два приема:

— Эй, вы, там!.. Горите!

Дым шел от первой колесной пары с правой стороны—Шорников нырнул под вагон. Горела букса, точнее, ветошь, забытая кем-то между рессорных пружин. Если бы не случайная остановка, встречный ветер раздул бы хорошее пламя... Стас выдернул глеющее тряпье и стал затапывать в снег.

— Что случилось?—из-под вагона выбралась проводница. Беленькая. Таня.

— Да вот—ветошь оставили. Загорелась. От трения, наверное... Где начальник-то ваш?

— Спит.

— Кто спит? Кто спит?!—послышался недовольный голос, и из-под колес вылез Паша, начальник вагона, с опухшими от пересыпа глазами.

Брякнув прикладом о рельсу, вылез и Вьюнцов.

— Что случилось? Горим или тонем?—лихо сбил ушанку на затылок старший матрос. Таня улыбнулась. Шорников нахмурился.

— Почему бросили объект?

— Да я на минуточку,—отмахнулся Вьюнцов, не замечая официального «вы».

— Вернитесь на пост!—строго приказал Стас.

— Да там Адырбаев,—с деланной наивностью сообщил Вьюнцов.

— Ну, чего пристал к человеку!—заступился Паша-почтарь.—Кто его тронет, твой объект?

Шорников повернулся к нему спиной. Шагнул к Вьюнцову.

— Я еще раз вам повторяю,—заиграл желваками сержант,—вернитесь на пост!

Но и на Вьюнцова нашло—нехорошая улыбочка кривила губы. Старший матрос явно артачился.

Самое неприятное, что здесь стояла Таня, Шорников спиной ощущал ее взгляд—настороженный и чуть испуганный, такой, каким смотрят все женщины в ожидании мужской драки. Стас уже пожалел, что затеял эту перепалку. Никогда в жизни ни на кого не повышал он голос, не требовал, не кричал, не приказывал и делать это сейчас, да еще при посторонних людях, мало того—при девочках, было втройне неловко и тягостно. Сверля глазами поблудневшее лицо Вьюнцова, напрягшееся, злое, упрямое, он с тоской признавался себе, что списанный с кораблей строптивец меньше всего собирается повернуться как надо и отправляться к вагону с грузом.

И тогда Стас произнес последнее заклинание, после которого над ними обоими распростерлась неумолимая сила закона.

— Старший матрос Вьюнцов! Я приказываю вам заступить на охрану объекта!

С этой минуты Вьюнцов и Шорников—ровесники, они вполне могли бы кончать один и тот же десятый класс, с равным воодушевлением болеть за «Спартак» или быть приятелями—стояли друг против друга, как у дуэльного барьера, как у некой роковой черты, за которой для одного начиналась длинная и постыдная цепь злоключений: трибунал, приговор по всей строгости военного времени, ибо служба в карауле приравнивается к боевым действиям, а открытое неповиновение начальнику в боевой обстановке чревато вешами куда более серьезными, чем дисбат; для другого цепь эта оборачивалась событиями по-своему тягостными и безрадостными: письменный рапорт коменданту ближайшей станции, вызовы в трибунал, немые укоры товарищей: «Не мог справиться сам».

Стычка с каждой секундой грозила превратиться в воинское преступление. Стоило только сержанту Шорникову, начальнику караула, произнести фразу не менее роковую, чем предыдущую: «Отставить! Снимаю вас с поста»,—как старший матрос Вьюнцов, часовой, покинувший охраняемый объект, автоматически становился преступником. Похоже, до Вьюнцова это дошло, или припомнились былые инструктажи, наставления, уроки, с лица его сошел запал бешеного упрямства, но он по-прежнему стоял на месте, словно оценев.

«Ну, иди же, иди!»—молил его глазами Стас.—Ну иди! Тебе же хуже будет... Ну, что ты в самом деле!»

Почуввав недоброе, замолк и Паша.

Кажется, нашлись последние спасительные для Вьюнцова слова:

— Старший матрос Вьюнцов—смирно!—Стас не узнал собственного голоса. Вьюнцов по привычке дернулся, опустил руку, и этого было достаточно, чтобы выйти из опасного столбняка.

Вьюнцов усмехнулся, нагнулся и полез под вагон, придерживая карабин за приклад. Оглянувшись на невольных зрителей и поймав облегченный взгляд Тани, Шорников ссутулится и неловко перемахнул через рельсы. Обратный путь он проделал с трудом, едва волоча ноги.

Ночью смешанный поезд с воинским транспортом перепетлял по распадкам Уральский хребет. В теплушке опять малиново светилась печка, раскопчегаренная Адырбаевым, покачивались на жестких подушках матросские головы, дребезжал разношенной крышкой гажельный чугунный чайник.

Стас не спал, разглядывая алые отсветы на стене. Представилось вдруг, как загорелся от той глеющей ветоши почтовый вагон, и как он, сержант Шорников, первым взламывает дверь и выносит на воздух почти задохнувшуюся Танию-проводницу...

За Уралом поезд вошел в полосу лютой сибирской стужи, принесенной таймырскими ветрами и застоявшейся у хребта, словно вода перед плотиной. Границу между Европой и Азией в теплушке ощутили так, будто и в самом деле открыли некий ледяной шлагбаум, и поезд въехал в иную землю с иным воздухом под иным небом. Первым зашевелился и поднялся Адырбаев—он лежал дальше всех от печки—и сразу же стал навивать приостывший чугунный зев углем. За ним, зябко поводя плечами, слез с нар Шорников и тут же натянул шинель и постовые рукавицы.

— Ну и колотун!—подавал голос Вьюнцов. Но ему было лучше всех: ноги его утопали в

глубоких валенках, а сам он кутался в овчину, поскольку время его смены еще не истекло, и старший матрос до шести утра имел право носить сверхтеплую постовую одежду.

Теперь вокруг печки сидели втроем, облокотясь на колени. Печка грела плохо, скверный уголь дымил и не хотел разгораться. Шорников обругал себя за лень дать с предыдущей станции заявку на новый уголь. Теперь надо было бежать в Дивноюрске к военному коменданту и просить наудачу топливо.

Таких морозов Стас не помнил даже в Заполярье. Дед, когда на село обрушивались крепкие холода, уверял внука, что в морозные ночи на церквях трескаются колокола, а у петухов отмерзают гребни. Насчет колоколов вопрос, может быть, и спорный, а вот рельсы в стужу ломаются. Стас знал это доподлинно и побаивался слегка, как бы не подвело дорожное железо.

Дивноюрск открылся поутру весь в дымах и огнях. Поезд загнали в коридор между двумя нефтеналивными составами где-то на задворках станции, так что о скором отправлении нечего было и думать. Да Шорников особо и не торопил время. Если стоять, так уж—кому не ясно—лучше на больших узлах, чем на малых полустаках.

Побриавшись, надрав ботинки и выбив шинель, Стас отправился на вокзал разыскивать военного коменданта. В огромном зале ожидания он слегка растерялся, отвыкнув от шумного многолюдья. У журнального kiosка мелькнула знакомая фигурка—Таня! Шорников вспомнил, что давно хотел раздобыть свежих газет. Девушка—в платке и нейлоновой куртке—выбирала дивноюрские значки. Вместо приветствия Стас тронул ее за локоть.

— Не замерзните в куртке-то?

— Вообще-то холодно. Да я бегом...

— Значки собираете?

— Брат у меня гербы городов коллекционирует.

— Тогда вот этот берите—с медведем...

— Ой, кажется, наш уходит!

Стас не поверил глазам: вагонные крыши их поезда, загороженного цистернами, медленно уползали одна за другой.

«Так не бывает!»—вскрикнул про себя Стас.—Этого не может быть! Просто перегоняют на другую ветку...» Но чужой подсказывало—уходит. Уходит его поезд, с обоими препорученными ему вагонами—с грузом и караулом,—и ничего нельзя поделаться: ни сорвать стоп-кран, ни выпалить ракету экстренной остановки.

Первой пришла в себя Таня и бросилась к выходу, расталкивая пассажиров. Стас ринулся за ней и обогнал ее на перроне. Они проскочили под большой желтой цистерной, и Шорников с ужасом заметил, как быстро уже возвращаются колеса последних вагонов поезда. Несколько секунд он бежал рядом, пытаясь приблизиться к скорости состава. Но удар при прыжке на тормозную площадку все равно получился такой сильный, что Стас едва не сорвался.

Таня нагоняла его из последних сил. Перевесившись с подножки, Шорников тянул ей руку. Он видел, как сменялся на ее лице, искаженном напряжением бега, азарт погони гримасой надрывной боли, боль—отчаянием выбившегося из сил человека. Все было как в другом сне—близко, рядом, вот-вот, у кончиков пальцев, и не достать, не дотянуться... Больше всего Стас боялся, чтобы она не споткнулась. Круглые лезвия колес вращались у самых ее ног. Должно быть, машинист чуть сбавил ход на стрелках, или Таня нашла силы для последнего рывка, но только сержант почувствовал, как пальцы девушки вцепились наконец в его ладонь, и он подтянул ее к площадке, так что проводница смогла ухватиться свободной рукой за край подножки, приподнял нетяжелое тело и осторожно помог утвердиться на висячей ступеньке. Все! Успели!

Переведя дух, Таня влезла на площадку и присела на откидное сиденье.

— Догнали!—тяжело выдохнул Стас.—И чего его понесло раньше времени...

— Тут не угадаешь,—откликнулась Таня,—наверное, «окно» открылось.

Они помолчали, глядя, как убегают назад кривоватые рельсы, потом девушка застегнула «молнию» на куртке до самого верха и подняла легонький вязаный воротник. Студеный ветер, взвихренный поездом, прохлестывал тормозную площадку насквозь. Напрасно Стас и Таня вжимались спинами в торец вагона. Ветер трепал полы шинели, леденил колени, бил в лицо, забирался под фланелевку. Таня, разгоряченная бегом, еще не ощущала холода. Но едва поезд выбрался из таежного коридора, и по обе стороны полотна открылась белая степь, как ветер ударил во всю свою злую мощь, запуржил, завизжал в щелях разношеного вагона, и девушка втянула голову в плечи, засунула руки под мышки, и даже присела, надеясь укрыться за бортиком площадки.

— Слушайте!—перекричал Стас грохот колес.—Идите-ка сюда!

Он расстегнул шинель, чувствуя, как улечиваются последние струйки тепла, почти насильно привлек попутчику к себе, поплотнее запахнул полы.

— А то и до остановки не доживем,—неуклюже пошутил Шорников.—Да вы просовывайте руки за спину—а то тепло выходит.

Тане невольно пришлось его обнять.

— Часа через два разъезд должен быть!—простучала зубами Таня.—Успеем добежать.

— Хотя бы на минутку остановился, и то бы успели,—откликнулся Стас.—Главное, что не отстали!

Его даже передернуло при мысли, что он мог бы отстать в Дивноюрске... То-то сейчас Вьюнцов в теплушке злорадствует: пропал и сгинул наконец «учитель жизни», «законник», «начальник»... Ну, ничего.

Вагон пошвыривало, пол площадки ходил ходуном, и Шорников, упираясь в него широко расставленными ногами, бережно придерживал девушку. Это походило на странный танец, состоявший из рывков, толчков и покачиваний.

— Не зря проводницам хвостовых вагонов десятку доплачивают,—усмехнулась Таня.

Стас изо всех сил пытался стянуть у нее на спине полы шинели, но ничего не получалось—черное сукно едва прикрывало девушку с боков.

— А вы, наверное, какой-нибудь почтовый техникум кончали?

— Нет. Поступать только буду. В техникум связи. Я в текстильный институт поступала. Не поступила. Ушла работать на фабрику наглядных пособий. Глобусы клеила. Потому, наверное, и потянуло на путешествия.

— А этот ваш тип, начальник вагона... Жить не мешает?

— Паша-то? Да нет... Это он с виду такой, шепотной... Ой, холодно, пробирает прямо до костей. Бр-р-р!

Шорников обнял девушку крепче и стал отогревать дыханием маленькое ухо, выбившееся из-под волос и платка. Несколько раз он коснулся его губами. Впрочем, это легко могло пройти и из-за качки, которая сотрясала вагон нещадно.

— Подождите,—высвободилась Таня.—Кажется, к разъезду подъезжаем.

Она выглянула за угол вагона и Стас тоже: сквозь слезы, выхлестанные встречным ветром, завиднелись три черных домика, опущенный шлагбаум, да едва проступающая из снега запасная ветка. Пора бы начать торможение, но снегоотбойные щиты мелькали все так же быстро, как и прежде. Далеко-далеко, в голове состава, торопливо звыль тепловоз, предупреждая, что остановки не будет, и очень скоро мимо тормозной площадки проскочил рубленый домик с дежурным путейцем на крыльце. Путеец в форменном треухе с опущенными ушами кутался в доху и держал перед собой, словно свечу, свернутый желтый флажок. В избенке топились печь—над трубой кружили, греясь, озябшие вороны. Все это промелькнуло и исчезло в снежной пыли, взбитой поездом.

— Ну и дела! — протянул Стас.  
— Теперь до самой Кедровки не остановится...  
— А это сколько?  
— Много. Часов пять.  
Шорников присвистнул, но ветер сорвал свист с губ.  
— Двигаться надо, шевелиться... А то и вправду замерзнем.  
Сержант стал первым приседать, вращать руками, отбивать поклоны. Таня с трудом сделала несколько взмахов и присела на откидное сиденье — одеревеневшие руки и ноги повиновались ей плохо.

Вагон прогрохотал над заснеженной рекой. За коротким мостом снова пошли, заструились вровень с полом площадки крепко сметанные, отглаженные сибирскими сиверами сугробы. Мертвая вода лежала вокруг, стертая морозами в белый сыпучий прах. Снег здесь так промерз, что, казалось, никакая доменная печь не способна была выплавить из него хотя бы ручеек...

— Вот что! — расстегнул Стас шинель. — Надевайте! А я пока полный комплекс отработаю. Мне она только мешать будет...

— Что вы делаете?! — неприятный ужас расширил глаза. — Не надо! Я все равно не стану надевать! Слышите?!

Но Шорников уже кутал плечи девушки в слишком просторную для нее шинель. Он остался во фланелевке и в зимнем плотном тельнике. Мороз пропитал эти два слоя сразу, как вода, и у Стаса заняло дух от острого холода. Он лег на пол площадки и отжался раз пятнадцать. Стало чуть теплее.

«Ерунда... До Кедровки часов пять, — успокаивал он себя. — Продержусь! Пять часов непрерывной работы! Отжиматься, подтягиваться, приседать... Подумаешь, пять часов...»

Потом стал подтягиваться на скобах, ведущих на крышу. Подтягиваться было удобно, почти как на турнике. Но Шорников прервал упражнение и полез наверх. Осмотрев крышу вагона, он спустился к Тане.

— Кажется, есть шанс перебраться в теплушку!

— Как?

— Можно пробежать по вагонам! А на крыше нашей теплушки есть люки. Через них можно спуститься... Ты как? Сможешь?

— Не знаю...

— Пока мы совсем не заоченели, надо перебраться. До Кедровки еще долго. Я-то выдержу, а вот ты...

— Ветром сбросит... Скользко.

— Не сбросит. Там смотровые дорожки проложены. Десять минут, и мы у печки с горячим чаем! Ну!? Ты только не трусь! Вспомни, как в кино по крышам бегают, да еще отстреливаются.

— Так то в кино. А тут контактный провод рядом, только задень — три тысячи вольт...

— Если пригнись бежать, не заденешь! Да и дорожка сбоку. Посмотри сама, а там решишь.

Покатые спины вагонов ходили из стороны в сторону и вверх-вниз. Поезд шел на подъем и потому весь состав, вся длинная цепочка качающихся крыш просматривались до самого тепловоза, видно было даже, как дымилась труба заветной теплушки — четвертой от головы. Эта видимая цель дразнила своей благодатностью и своей досягаемостью. Она обещала тепло, пахучий печной жар, в какой можно было окунуться с головой, сразу всем телом — от промерзших мочек ушей до скрюченных холодом пальцев на ногах. Дымок из трубы тянулся к ним ариадниной нитью, указывал путь к спасению, и Таня решилась.

Стас подсадил ее на крышу, и девушка ухватилась за край дорожки. Они приподнялись, но при первом же резком качке чуть не слетели с узенького настила, проложенного вдоль крыши. Шорников первым успел присесть и рывком за руку удержал девушку на дорожке. Ему очень хотелось перебежать на четвереньках — так было надежнее, но постеснялся Тани. Ветер пронзал фланелевку ледяными иглами.

Впереди чернел разрыв между вагонами, который надо было перепрыгнуть. Стас подвел к его зыбким и лязгающим краям Таню за руку. Прыгать предстояло поодиночке — в этом не было никакого сомнения, но девушка вцепилась в него двумя руками, и Шорников не знал, как освободиться.

— Не бойся! — кричал он ей в испуганное лицо. — Делай, как я!.. Ну, смотри! Все очень просто...

Таня страшно было выпустить самую надежную на этой жуткой крыше опору — Шорникова; она припала на колени, боясь, как бы ветер не стащил ее за полы шинели вниз под колеса.

— Не бойся! — упрощал он. — Ты боишься, потому что валит ветром. Из-за шинели у тебя большая парусность... Сними ее, станет ловчее...

Он сам расстегнул крючки и помог стащить тяжелое, хлопающее по ветру сукно. В куртке Таня и в самом деле почувствовала себя увереннее. Она наконец отпустила Стаса, и тот, скрутив шинель жгутом, прыгнул с ней на крышу следующего вагона. Он приземлился удачно, упав сразу на четвереньки и смягчив удар прыжка скрученной шинелью. Таня подошла к краю межвагонного промежутка, но тут же отступила. Он протянул ей шинель, и ветер выстелил ее по воздуху, словно мост, словно страховочный конец. Девушка ухватилась за воротник, впила в него всеми пальцами, и, зажмурившись, прыгнула вперед. Стас так и не понял — перелетела ли она сама, или это он перетянул ее за шинель, гадать было некогда — побежали, пригнись, как в атаке, к новому препятствию.

...Последние промежутки они перескакивали легко и смело. Стас даже не заметил, как под ногами загрохотала крыша родной теплушки: догадался по запаху угольного дыма.

— Стоп! — Оба присели у крышки вентиляционного люка. Сержант замолотил в нее кулаками.

— Адырбаев! Вьюнцов! Люк откройте!

Он слышал, как по полу теплушки забухали «прогары» матросов, как кто-то из них подпрыгивал, пытаясь достать запор люка.

— Доской от нар попробуйте! — орал Стас в крышу сквозь сложенные ладони. Через минуту-другую в люк стукнули снизу, сильнее, еще сильнее. Проклятая крышка то ли примерзла, то ли прижавела — не поддавалась никак.

— Доска короткий! — кричал из вагона Адырбаев.

— Олжас! Возьми карабин! Врежь из карабина. Только осторожней.

Они перебрались подальше от люка и стали ждать. Из теплушечного нутра гахнул глухой выстрел. Пуля пробила кровельный лист рядом с люком. Вторая продырявила крышку. Третья попала, должно быть, в запор — крышка привскочила и упала.

— Стой! Не стреляй! Открылась.

Стас распахнул люк и кивнул Тане: давай!

Девушку приняли внизу в четыре руки. Шорников не замедлил соскользнуть следом, повисел, обдирая пальцы, и тоже попал в крепкие руки матросов.

Чугунная печка сылала неизмеримым теплом. Стас грел ладони о кружку с дымящимся чаем, ту самую, которая мерещилась там, на такой далекой и такой немислимой теперь тормозной площадке. За его спиной под овчинным тулупом пребывала в забытье Таня, напоенная сладчайшим чаем и обряженная в адырбаевский верблюжий свитер. Хозяин свитера чистил в углу карабин, напевая себе под нос что-то родное.

Вьюнцов подсел к Шорникову, разминая сигарету.

— Слушай, корешок... Я думал, ты зануда. А ты и по крышам бегать умеешь...

— Невелика хитрость.

— Может, и невелика. Но вот я еще ни разу не бежал — через весь состав.

— Невелика потеря.

— Да что ты заладил: «Невелика, невелика»... Велика! Может, это моя будущая работа...

— Что?! По крышам бегать?

— Вот это самое... Понимаешь, я хочу каскадером устроиться... На киностудию. Я ведь до службы с парашютом прыгал три раза. На коне могу. У нас в совхозе кони были. В седле стоять могу... На корабле нештатным легководолазом был. Акваланг знаю. Ну и все такое прочее: стрелять, кувыряться... Я на киностудию три раза писал. У меня и вызов есть! Во, видал!..

Вьюнцов достал из-за обложки военного билета сложенный листок. Стас развернул. В глаза бросилась эмблема киностудии, знакомая по многим фильмам. «Уважаемый тов. Вьюнцов! Приглашаем Вас на собеседование... Собеседование состоится... При себе иметь...»

— Ну что? — отобрал Вьюнцов бумажку. — Может, вместе поедим? Я им расскажу, как ты по вагонам бежал. Примут!

— Спасибо. Не могу. У меня ведь тоже вызов есть.

— Откуда?

— С БАМа.

— Тью!.. Хватился. Да его уже почти построили.

— «Почти» — не в счет. Серебряный костыль еще не забили.

— Ты забьешь?

— Может, и я...

На остановке Шорников сбегал к почтовому вагону и в двух словах рассказал выглянувшей Зине, что с ними приключилось.

— Она сейчас спит. Лучше до следующей станции ее не будить... — попросил Стас.

— Вот еще! — обиделась почему-то подруга. — У нее свой дом есть...

Но Таня сама уже спешила к почтовому вагону.

Она помахала ему из тамбура.

— Счастливо!

— Пока!

На выходе загорелся зеленый, и Шорников зашагал к теплушке.

Он лег на то место, где только что спала Таня. Подушка хранила еще тепло ее щеки... К ногам подкрался легкий озноб. «Только бы не заболеть», — подумал Стас и, согрев затылок ладонью, уснул.

Проснулся от тишины и неподвижности вечно трясущегося ложа. В верхнее оконце било полуденное солнце, отчего сумрак, стоявший по углам теплушки, казался еще темнее.

— Стоим?

— Стаим! — радостно откликнулся Адырбаев. — Маладец! Хорошо спал. Балеть не будешь!

Шорников осторожно кашлянул, но дышалось хорошо и полно. Голова была свежая, ломота не ощущалась. Здоров!

Вчерашнее приключение — в него уже плохо верилось — обошлось, похоже, без последствий.

Надо было узнать, как там Таня: так ли легко она отделалась, как он? Стас нахлобучил ушанку и выскочил из теплушки.

Желтые сопки, голубое небо, черные вороны.

Стас повернулся в сторону локомотива и протер заспанные глаза: почтового вагона не было!

— Где почтовый?!

— Хватился! — Вьюнцов встряхнул карабин за спиной. — Нас в Чулимске переформировали. Всю ночь с горки катались...

Еще не веря услышанному, Стас перебрал глазами весь состав. В нем появились три платформы, которых раньше не было, черная цистерна с желтой надписью: «Осторожно! Улучшенная серная кислота».

— Не бери в голову, — понимающе усмехнулся Вьюнцов. — Найдешь ты свою беленькую в Москве. Зайдешь в резерв проводников или в почтовый отдел, спросишь, кто сопровождал вагон до Чулимска такого-то числа.

— Да как я спрошу?! Я фамилию не знаю.

— Журавлева Татьяна Викторовна. Двадцать один год. Замужем не была. Под судом и следствием не находилась... Что еще?

— Откуда знаешь?

— Хо! На флоте бабочек не ловят!

Крик полустачного петуха совпал с отправлением. Петух прокукарекал — и поезд тронулся. Смешно...

Воинский транспорт, уступая дорогу курьерским и бамовским поездам, неспешно продвигался на восток. Зима еще с самых первых приамурских верст пошла бесснежная, желтая от пожелтой травы, сухих тростников да не сбросивших побуревшую листву кустарников.

С того дня, как дорога подступила к границе, сержант Шорников решил провести с караулом беседу о повышении бдительности. Он приготовился было к вьюнцовским насмешкам насчет некоторых перестраховщиков, но Вьюнцов промолчал, всегда же серьезный Адырбаев стал еще серьезнее.

Теперь большую часть дорожного времени они проводили не у печки, благо и морозы послабли, а стояли в проеме, опершись на брус и разглядывая невиданные доселе края: желтые поля с косматыми кочками, старинные башни паровозных водокачек из черневшего кирпича, переселенческие придорожные деревеньки, где украинские мазанки с васильковыми ставнями стояли подле донских куреней — бревенчатых кубышек под четырехскатными крышами, а курени соседствовали с вологодскими пятистенками в резных наличниках, с белорусскими хатами, которые Шорников узнавал по неизменным двум окнам фасада, драконьим крышам да круглым скворечникам.

И снова струились в проеме желтые травы, серая земля, бурные холмы, красноватые кустарники... В такие минуты им, всем троим, казалось, что великий путь от океана до океана, через страну незакатного солнца, вобравшую в себя центр Европы и центр Азии, будто бы путь этот весь до последнего метра прощупан их глазами и даже как бы проделан не на колесах, а собственными ногами.

На станции Тайга Стас купил газету «Строитель БАМа». Заголовки дразнили и звали на север, в тайгу, на трассу: «Есть 209 километров до Улькана!», «Впереди — Нижневартовск!...». Точный километраж, имена городов, деловой тон полос манили пуще самых громких лозунгов. Шорников дольше всех стоял у проема, вглядываясь в край, куда вот-вот предстояло ему вернуться, чтобы очень хорошо поискать здесь свою долю, свой путь...

Теплушка подпрыгивала на железных кочках, кренилась и моталась. Стас жадно внимал этим толчкам — подумалось вдруг: все эти неровности пути возникли, может быть, оттого, что дорога вобрала в себя движения живых людей, своих строителей, она вобрала дрожь натруженных рук и удары сердец, как грампластинка вбирает звуки, и теперь вагон в бешеном раскате воспроизводит их общий пульс. Надо только внимательно вслушаться в эту стальную кардиограмму, и тогда ты поймешь, что такое дорога...

# ЖИЛВАЯ

## ПИСЬМА ИЗ ОКОПА, СОХРАНЕННЫЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Историю этой переписки я узнал, будучи в одной из журналистских командировок. Меня до глубины души взволновали письма девушки и молодого бойца, которых разлучила война. Я много раз перечитывал их и не мог не поразиться их человеческой трогательности, прекрасному духу истинного чувства. Его звали Николай Царев. Имя той, кому эти письма адресовались, мною изменено. Ей тогда еще не было и двадцати. А впереди у нее была целая жизнь.

Говорят, что разлука для любви — это ветер для огня: маленькую гасит, а большую раздувает еще сильнее. Если так, то у них с Колей была большая любовь. Потому и разлука не погасила ее.

Она регулярно получала от него письма с треугольным штампом «солдатское». Письма из окопа. Она потом рассказывала мне, что эти серые бумажные листочки пахли сгоревшим порохом. То был запах жестокой битвы. Вот эти письма.

«Здравствуй, дорогая Нина!

Итак, я на фронте. Родная, близкая с детства природа окружает меня.

Мог ли я думать, что навещу свой край в такое время? Мог ли поверить, что мои поля и луга будут топтать враг? Да, неизбежность этого мы знали, но верить не хотелось. И теперь, когда угроза стала реальным фактом, кровь забурлила в наших жилах. Лютая ненависть к врагу, жажда мести за поруганную честь наших людей, за захваченную советскую землю, за жизни юных, храброй смертью павших, за замученных женщин и детей, жен и невест наших наполнили солдатские сердца.

Наше грядущее — бой. Мы знаем, что будут жертвы. Грузина, узбека, русского или белоруса примет навеки родная земля. Но за каждого нашего будет уничтожено двадцать врагов. Враг будет разбит!

Дорогая Нина! Теперь, в ожидании боя, я, как никогда раньше, почувствовал всю силу любви к тебе.

Как я счастлив, что люблю и любим! Твой образ, твое имя будут со мной всегда. И что бы со мной ни случилось, Нина, помни и храни мою любовь — любовь смешного наивного белоруса.

Знаешь, я встретил беженцев из города, в котором живут мои родные. В первые дни войны город часто бомбили немцы. Разрушили сильно. Где моя мать и сестры — трудно сказать. Может, они выехали, как эти повстречавшиеся мне люди, а может... Время ответит на этот вопрос. Так что теперь ты, Нина, — единственный дорогой моему сердцу адресат.

Как живешь ты? Что нового в Воронеже?

Привет всем, маме — особенно горячий привет. И членам бюро передач, если они еще в Воронеже.

**ХРАНИТЬ И ПРИУМНОЖАТЬ  
СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ОТЦОВ —  
ЗАКОН, ПО КОТОРОМУ ЖИВЕТ  
ВСЕСОЮЗНАЯ  
ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ  
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА,  
ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕЧАЮЩАЯ  
В ЭТИ ДНИ СВОЕ 60-ЛЕТИЕ.**



# ПАМЯТЬ

До свидания. Правда, не скорого, но обязательного.

Целую тебя крепко. Твой Коля.  
13 июля 1941 года».

До того памятного вечера она почти ничего не знала о нем. Знала только, что зовут его Николаем Царевым, что он секретарь комсомольской организации 103-го артполка. С ней он разговаривал почтительно, с уважением, как и подобает говорить с «начальством». Нина была секретарем райкома комсомола.

Тогда бюро горкома комсомола затянулось допоздна. И Николай вызвался проводить Нину до дома: «Время позднее... Да и потом, нам почти по пути...»

На следующий день Николай зашел за Ниной. Прямо в райком. Так началась их любовь...

«Здравствуй, дорогая Нина!

Ровно месяц прошел после первого боя. Бои идут непрерывно, жестокие, кровопролитные. Вой артиллерийских снарядов, разрывы мин, смерть родных, близких сердцу товарищей — все это закалило нервы, замкнуло сердце для всех чувств и ощущений, кроме одного — жажды борьбы и мести. Я стал суров, наверное, жесток.

Фронт оставляет свой отпечаток на всех. Люди закаляются. Воля к победе растет, и ничто не в состоянии подорвать эту волю.

Нина! Меня не раз разрывы засыпали землей, фашистский самолет застал в открытом поле и с глубокого пики стал бросать бомбы, на моих руках умирали товарищи. Но ни разу врагу не удалось вызвать у меня страх.

Вот здесь, на фронте, особенно понимаю, как много дали мне комсомол и партия.

Жить хочется каждому. Особенно теперь. Но счастье коммуниста, сила его заключаются в том, что борьба его лишь закаляет. Жизнь кажется бессмысленной, если не ведешь вперед людей, не увлекаешь личным примером...

Нина! По твоему письму я понял, что ты рвешься на фронт. Я понимаю это стремление, но не разделяю его. Нас и без тебя здесь хватит. Там, в тылу, ты принесешь во много раз больше пользы.

Мы изрядно треплем фашистов. Не один изверг становился на колени перед нашими бойцами и просил: «Рус, не убивай!» Недалек тот час, когда мы погоним захватчиков с нашей земли...

Август 1941 года».

«Моя дорогая Нина! Здравствуй!

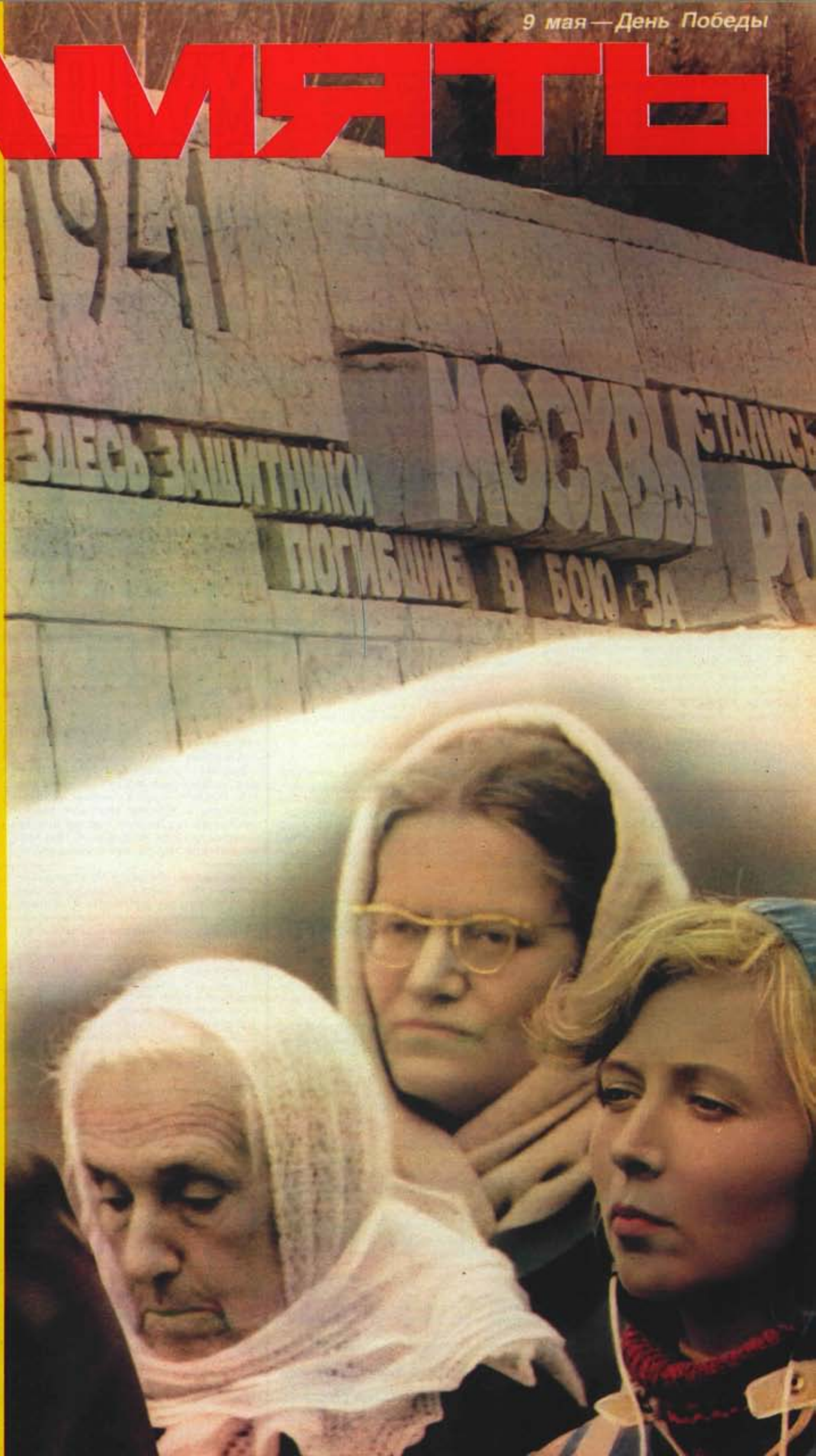
Только сегодня смог написать тебе. Нина, твои письма я читаю с великой радостью. Я счастлив. Счастлив тем, что у меня есть друг, который горячо любит и уважает меня. Твоя любовь — награда за все пережитое.

Теперь, когда фашистские ублюдки отняли у меня мать и сестер, ты единственный человек, который живет в моем сердце, как самый родной и близкий.

Сегодня ровно три года, как я служу в Красной Армии. Этот своеобразный юбилей мне приходится справлять в обстановке войны, точнее, боя. Ну что ж, постараюсь отметить эту дату достойно! Лютый враг недосчитается еще кое-кого в своих рядах. Клянусь тебе в этом!

**НЕРАЗРЫВНА  
СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ.**

Фото  
Владимира ПЕТРОВА



...Ты прости меня, Нина, но я выслал тебе через товарища 450 рублей. Половину я внес в Фонд обороны, а половину отослал тебе. Мне они не нужны. А тебе пригодятся. Ты только не сердись. Теперь о родных. Где они — ответит время. Если живы, Родина спасет их. Мне пока остается только мстить...

1 сентября 1941 года.

«Здравствуй, дорогая Нина!

Обстановка, в которой я пишу это письмо, несколько необычна. Глубокий, крытый в четыре наката окоп. Ходовая щель завешена шинелью. Посредине окопа из досок и бревен — стол. На столе горит свеча. Кругом тихо. Рядом на соломе, укрывшись шинелью, спит мой товарищ.

Скоро два месяца, как я в боях. Многие пережить это время. Но скажу тебе главное — с каждым днем растут наши силы и мощь. Мы раскусили уловки и хитрости фашистов и бьем их без пощады. Теперь наша ненависть к врагу дополнилась опытом. Стойкость стала невиданной.

Твоих писем я получил два. Это были для меня праздничные дни. Радость, как после победного боя. И каждый раз, когда почтальон проползает возле меня, бросаешь ему как бы невзначай: «Письмишко есть?» — а сам замираешь в ожидании. А он отвечает: «Вам, политрук, газеты». Становится немножко грустно...

Кончаю. Время будить товарища — и в путь. Ночью враг особенно труслив.

Коля.

4 сентября 1941 года.

...Проходили через деревни, села и город, в которых хозяйничали фашисты. Сволочи, как они издевались над беззащитными женщинами и детьми, ранеными красноармейцами! Я видел шестнадцатилетнюю девушку, над которой глумился враг. Ей отрезали грудь, исполосованное ножами тело обсыпали солью. ...Женщины и дети, старики и старухи со слезами на глазах бросались целовать наших бойцов и командиров за освобождение!

То, что ты организуешь посылку писем нашим героям, очень хорошо. Наш полк славно дерется. О нем немножко было и в «Правде». Ты обязательно прочти статью в газете «Правда» от 4 сентября 1941 года на второй странице под заголовком «Огонь на себя». Это о нашем герое Бутко. Писал Ставский.

...Пройдут годы, замечательная жизнь будет у молодого поколения. И если у тебя, Нина, будет когда-нибудь сын, назови его Колей.

Целую крепко-крепко. До свидания, моя хорошая. Коля.

10 сентября 1941 года.

«Здравствуй, дорогая Нина!

Я пишу на присланной тобой бумаге, курю твой табак. Сегодня у меня слишком много радости. Я получил твою посылку и два письма сразу. И вот, забравшись в окоп и попросив товарищей закрыть вход в него соломой, чтобы огонек моей свечи не демаскировал нас, сел за письмо.

Сейчас ночь. На горизонте — зарево пожаров. Как всегда — немецкие ракеты. Враг что-то закопшился, и мы начеку. Думаю, что успею написать письмо.

Нина! Я не стану благодарить тебя за посылку. Это будет сухо и избито. Скажу тебе, что я счастлив и горд за своего любимого друга. Каждая вещь в твоей посылке дорога для меня. Она пробуждает во мне радость незабываемого прошлого, мечту и надежду.

Твою посылку мы вскрывали коллективно. Кто-то спросил: «От родных?» — а я возьми и скажи: «От жены!». Сказал и испугался. А потом решил: поправляться не стану. Пусть думают, что от жены. Ты не сердись на меня за это. Не отнимай у меня моей радости.

Проклятые гитлеровцы мешают за-

кончить письмо. Стреляют. Спешу ответить на твои вопросы.

Кто мой боевой друг и товарищ? Фронт спаял нас всех в единый коллектив. Но было у меня два друга. Одного звали Сашей. Сашей Сурьгиным. Другой — Лева Бутко. Тот самый, о котором писалось в «Правде». Ты спрашиваешь имя моей мамы? Звали ее Александра Кузьминична. Александра Кузьминична Царева. Ей было пятьдесят лет...

Всего наилучшего, любимая. Твой Коля. Привет всем товарищам.

25 сентября 1941 года.

«Нина! Любимая Нина!

Твое внимание и заботы волнуют меня. Вчера получил от тебя посылку и письмо. Я не знаю, чем можно отблагодарить тебя. За все. За твою дружбу, любовь, уважение. Они дают мне новые силы, укрепляют мою волю, делают мою юность полной и счастливой.

Чем могу ответить я? Своей дружбой и любовью! Своей борьбой без страха с врагом, борьбой за будущее нашего народа, страны.

...У тебя и у товарищей из горького работы по горло. Она утомляет не меньше, чем наша. Без вашего труда и мы не сила. Ты вот пишешь, что я доблестно сражаюсь и т. д. Мне почему-то стыдно читать эту похвалу. Правда, в бою я не трусил и никогда не струшу. Так это же фронт. Тут нельзя иначе...

Нина, одно место твоего письма я просто хотел зачеркнуть. Скажи, что за умник, который зовет жену на фронт? И ты под легким впечатлением задаешь мне этот вопрос: можно ли?

Это Neubudmanno. Война, Нина, — суровая, страшная штука. У нас есть медсестры. Честь им и слава! Но все-таки это девушки. И их гибель, даже незнакомых, переживаешь в несколько раз сильнее, чем гибель самых близких друзей.

30 сентября 1941 года.

Это письмо было последним.

Из Архива Министерства обороны Союза ССР: «103 гаубичный артиллерийский полк сформирован в 1939 году в городе Воронеж. С июня по сентябрь 1941 г. полк входил в состав 19-й стрелковой дивизии. С сентября по октябрь 1941 г. полк вел боевые действия в составе войск 24-й армии и принимал участие в Ельненской операции. В октябре 1941 г. полк прекратил свое существование».

Он погиб, когда до победы еще было далеко. Но именно тогда, осенью 1941 года, ковалась победа, ковалась такими, как он. Они стояли у начала дороги, которая пролегла к Берлину.

В одном из писем, уже через много лет после войны, она писала: «Николай был хорошим человеком. Я его все-таки мало знала, но наше чувство окрепло в переписке. Хорошие он присылал письма. И хотелось бы, чтобы знала молодежь, как красиво умело дружить наше поколение, как умели беречь, уважать любимых. Мы оба были комсомольскими работниками, встречались редко. Однажды он зашел, а меня не было дома. Оставил записку. «Зайду завтра, пойдем погуляем, но лишь при условии, что ты как следует отдохнешь». Ему тогда было 19 лет! Какая чуткость, какая человечность!»

Сама я тогда была секретарем райкома комсомола, а в дни оккупации Воронежа — секретарем горкома ВЛКСМ. После войны много лет работала педагогом».

\*\*\*

Она исполнила его желание: своего первенца в память о нем назвала Колей. Когда сын вырос, мать рассказала ему, почему у него это имя.

Публикацию писем  
подготовил  
Василий СОКЛОВ.

# МУНДИР В ПОРТРЕТНОЙ РАМЕ

мир капитала:  
политический  
террор

Владислав ЧИРКОВ

«Случалось порой, что очень дурной человек бывал назначен вдруг на высокий пост. И что же, высокий пост этот становился для него позорным столбом, к которому привязывают преступника: личность его и преступления делались тем самым еще более явными, и его больше начинали ненавидеть».

Эти слова графа Честерфилда, видного английского политического деятеля XVIII века, можно сегодня с полным основанием отнести к главарю чилийского режима Пиночету.

## КОРМИЛО И КОРМУШКА

Профессия Пиночета — предательство. Генерал, гордо именуемый себя «верховным руководителем нации», в свое время клялся в верности президенту Сальвадору Альенде, а вскоре Альенде был убит по его приказу. Был момент, когда Пиночет советовал покойному главе государства отдать под суд офицеров, настроенных враждебно к правительству Народного единства, а затем зачислил этих офицеров в свои сообщники, чтобы предавать вместе.

Для характеристики его личных качеств вполне подходит следующее высказывание итальянского журнала «Эуропа»: «Генералы хунты — это серые, непримиримые буржуа, какими всегда бывают люди с низким уровнем культуры и большой властью». Ничтожества на пьедестале высшей власти. Самая страшная комбинация. Чем ничемнее властитель, тем больше зла он принесет.

Его идолы — Гитлер и Муссолини. Пиночет — этот палач в профессорских очках — толкует о возврате к «испанской традиции», об «органической демократии», о «неодемократии», а все это оказывается поразительно близким к идее империи Муссолини, является «суррогатом расистских теорий, характерных для нацизма», как отмечал в журнале «Монд дипломатик» французский журналист Арман Маттелар.

Его высший идеал — обогащение. Подобно кардиналу Мазарини, первому министру Франции в XVII веке, он любит власть любовью ростовщика, путая кормило с кормушкой.

В Чили с ее 10-миллионным населением не хватает 700 тысяч квартир. В столице Сантьяго 800 тысяч человек прозябают в трущобах. И просвета не видно. Зато «жилищную проблему» для себя и своих многочисленных родичей Пиночет решил с блеском.

До переворота 11 сентября 1973 года он довольствовался домом на улице президента Эррасуриса, который занимал как командующий сухопутными войсками. После путча он велел снести дом и на его месте построить особняк стоимостью 1,7 миллиона долларов. Пока шло строительство, генерал коротал время в другом особняке, который для него купило правительство за 240 тысяч долларов. Переехав в новое жилище, Пиночет уступил прежнюю резиденцию одной из своих замужних дочерей. Но, оказалось, и новые хоромы на улице президента Эррасуриса не соответствуют возросшим запросам диктатора, и был отдан приказ начать строительство

новой резиденции площадью 15 тысяч квадратных метров, которая обойдется казне более чем в 15 миллионов долларов.

Страсть Пиночета к новосельям истинно неистребима. 11 марта 1981 года он перебрался на место преступления — во дворец Ла-Монеда, где в сентябре 1973 года был убит президент Альенде. Во время путча здание — одна из исторических достопримечательностей столицы — было почти полностью разрушено военщиной, подвергшей его варварским авиабомбардировкам.

После пиночетовской «реставрации» Ла-Монеду не узнать. Это не дворец, а благоустроенный, по последнему слову бункер, который должен укрыть диктатора от гнева народного. Главная «архитектурная достопримечательность» нового комплекса — многочисленные подземные сооружения, оборудованные лифтами, автономными системами радио- и телевизионной связи, складами продовольствия. В бункере помимо «генерального секретариата» Пиночета разместились его репрессивно-полицейская служба — министерство внутренних дел.

В жилищных и прочих частных заботах домохозяином Пиночета все дается удивительно легко. Если «простому» покупателю этаж в доме на авениде Витакура в Сантьяго обходится в 170 тысяч долларов, то супруге диктатора — Лусии Ириарт такой же этаж в том же доме достался за сумму, вчетверо меньшую. Кто покрыл разницу, осталось глубокой тайной. Матери Пиночета вообще не пришлось раскошелиться на улучшение жилищных условий — ее без всяких формальностей вселили в дом, принадлежавший видному ученому Энрике Парису, расстрелянному в первые дни после переворота. Своим сыновьям генерал презентовал загородный дом для лыжных прогулок в местечке Фарельонес, неподалеку от столицы. Младший сын Пиночета, Марко Антонио, при своем скромном жалованье армейского капитана разъезжает в «мерседесе» за 45 с лишним тысяч долларов. Кроме того, он приобрел за 50 тысяч долларов участок земли в районе Майпу.

К этим фактам, изложенным в листовке, которую корреспондент испанского журнала «Триунфо» подобрал в центре Сантьяго, можно добавить и другие. Например, вспомнить о свадьбе одной из дочерей Пиночета. Во дворце «Коусиньо» присутствовало более трех тысяч гостей, и никто так и не узнал, по какой статье «государственных» расходов было списано более 1,5 миллиона долларов. С таким же размахом диктатор празднует свои дни рождения в том же дворце «Коусиньо», некогда предназначавшемся исключительно для приема глав государств и правительств, прибывших в Чили с официальными визитами.

Поразительны успехи семейства Пиночета в бизнесе. 17 ноября 1978 года в нотариальной конторе Абрама Карраско Ульоа в Сантьяго было юридически закреплено создание новой строительной фирмы «Конструктора И. П. К. лимита», которая уже через два месяца заключила шесть выгоднейших конт-



раков, обходя все старые строительные монополии. Когда министр гражданского строительства попытался помешать захвату новой фирмой всех крупных контрактов (министр и сам был пайщиком одной из обиженных компаний), Пиночет в двадцать четыре часа отправил бедолагу в отставку. Секрет коммерческих удач «Конструктора И. П. К. лимитада» прост: основателями фирмы были супруги Мария Вероника Молина Карраско и Аугусто Освальдо Пиночет Ириарт, сын диктатора...

Почти каждое большое коммерческое или промышленное предприятие в Чили имеет в своем административном совете кого-либо из близких родственников Пиночета. Принадлежащая его сестре обувная фабрика поставляет чилийской армии сапоги. Заодно с легкой руки брата она директорствует в порту Икике, что очень удобно для всякого рода торговых операций семейства. Зять Пиночета — директор административного совета национальной лесопромышленной корпорации, с выгодой сбывающий чилийскую целлюлозу в Китай.

## ХАОС ПО РЕЦЕПТУ

«Каждый вечер Пиночет выступает в роли главного героя в последних известиях по телевидению — перерезает ленточки, принимает иностранных гостей, прибывающих в его резиденцию, чтобы выразить ему свое глубокое уважение. По правде говоря, он скорее напоминает голливудского актера на вторых ролях...» Так пишет о Пиночете корреспондент итальянской газеты «Коррьере делла сера».

Впрочем, фиглярю в генеральском мундире никак не удается создать о себе представление как о добродетельном и великодушном «отце нации».

Обманом веет от витрин чилийских магазинов. Они «полны всевозможных товаров», «потребление виски увеличивается», — пишет «Коррьере делла сера». Да, иностранные товары заправили чилийский рынок. Даже спички ввозятся из ЮАР. Импорт значительно превышает экспорт, в результате чего дефицит внешнеторгового баланса превысил миллиард долларов.

Но купить товары могут не многие. «Чилийское экономическое чудо» — только для богатых. В угоду последним в стране проводится курс на денационализацию экономики. Режим Пиночета за мизерную цену передал финансовой олигархии государственные предприятия, оцениваемые в 3 миллиарда долларов. Начиная с 1973 года, когда было свергнуто правительство Народного единства, Пиночет пустил с молотка более 500 предприятий, многие из которых захватили иностранные, в основном американские, монополии. Они-то в первую очередь потирают руки, видя, как рьяно Пиночет внедряет в экономику «чикагскую модель» — рецепты, разработанные профессором университета Чикаго Милтоном Фридманом. Их суть в первую очередь сводится к свободному доступу в страну иностранного капитала.

Компания «Анаконда» купила за 20 миллионов долларов несколько небольших медных рудников близ Саламанки. Это была разведка боем. Результаты разведки: все о'кей — прибыли будут. Тогда последовал контракт стоимостью 1,5 миллиарда долларов на разработку крупного месторождения меди «Лос-Пеламбрес». В Чили до сих пор из старых, заброшенных шахт извлекают трупы патриотов, замученных теми, кто так радуюно распахивает двери перед американскими бизнесменами. А из новых шахт эти бизнесмены с приходом к власти Пиночета олять стали извлекать доллары...

Пока владельцы монополий набивают карманы, многие чилийские семьи не могут свести концы с концами. Средняя месячная зарплата рабочего — 5,5 тысячи песо (39 песо — один доллар). Подсчитано, что только самое необходимое для рабочей семьи из четырех человек обходится в 11 тысяч песо. Однако

работа есть далеко не у всех. Как писала недавно бразильская газета «Фолья ди Сан-Паулу», занятость в промышленности сократилась в Чили по сравнению с 1973 годом на 20 процентов. Более 500 тысяч человек не могут в настоящее время найти работу.

Ребенок, протянувший руку за подающим, — типичная для любого чилийского города сценка. В стране десятки тысяч беспризорных детей, чьих родителей пиночетовские палачи убили или бросили за решетку. Как сообщает мексиканская газета «Эксельсиор», один из ближайших подручных диктатора предложил свой способ «решения» проблемы детской беспризорности. Органы безопасности регулярно устраивают облавы на маленьких бродяг. Их отправляют на сборные пункты, а потом продают в Соединенные Штаты и другие страны. Цена колеблется от 5 до 17 тысяч долларов за «единицу» живого товара.

## ЦАРСТВО ТЕРРОРА

«В политике, как и в торговле, необходимо иметь доброе имя. Ни в той, ни в другой обманывать много раз невозможно», — говорил упоминавшийся нами граф Честерфилд. Но это золотое правило не для Пиночета. Ему больше по душе принцип геббельсовской пропаганды: чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят.

К каким только уловкам не прибегает диктатура, пытаясь снять с себя ответственность за убийства! Когда в поселке Лонкен близ Сантьяго в заброшенной шахте были обнаружены останки замученных палачами патриотов, официальный представитель властей не моргнув глазом назвал тайное кладбище... древней усыпальницей индейских племен. Но скрыть правду не удалось. Были обнаружены следы пыток на телах жертв, пулевые отверстия в черепах. Имена многих замученных патриотов, опознанных родными и близкими, стали известны. Все они были сторонниками правительства Альенде.

Для содержания гигантского репрессивного аппарата Пиночет вынужден обращаться за финансовою помощью к местной олигархии. По сообщению выходца из Сантьяго еженедельника «Ке паса», власти специальным декретом санкционировали создание промышленниками и финансистами «частных наемных подразделений». Непосредственный контроль за их образованием и деятельностью возлагается на Национальный информационный центр (НИЦ) — пиночетовскую охранку. Отборные и зачисленные в эти специальные отряды убийцы и прочие уголовники проходят специальную военную и идеологическую подготовку для последующей борьбы с «политическими преступлениями». В стране уже действуют официально более 20 таких формирований. На самом же деле их намного больше, отмечает «Ке паса».

Противников режима судят в «узком кругу» военных трибуналов, где, конечно, не может быть и речи ни о какой правовой защите. Тирания независимой от того, какой цвет рубашек она предпочитает — коричневый, черный или хаки, независимо от того, господство ли это узурпатора-самодержца, хунты генералов или безликой плутократии, спаянной круговой порукой тотального обмана, — тирания всегда боится открытой схватки идей. Потому режим вновь подтвердил в мае свое намерение и далее препятствовать возвращению чилийцев, покинувших родину из-за гонений властей. Как объявило министерство внутренних дел хунты, в связи с тем, что подавляющее большинство чилийских эмигрантов — марксистские активисты, въезд в Чили им запрещен.

Помимо трусости, пиночетовскую Фемиду отличает удивительная изворотливость. Было, например, неопровержимо доказано, что шеф прежней чилийской охранки — ДИНА генерал Контеррас и два его помощника — полковник Эспиноса и капитан Фернандес — возглавляли заговор с целью убийства Ор-

ландо Летельера, министра правительства Альенде. Это они подослали бандаитов, взорвавших 21 сентября 1976 года в центре Вашингтона, на Шеридан-серкл, автомобиль, в котором ехали Летельер и его секретарь американская гражданка Ронни Моффит. В канун пятой годовщины их гибели на Шеридан-серкл был открыт памятник. Хунта тоже по-своему отметила годовщину трагедии: объявила о своем решении снять обвинения с Контерраса и его подручных. Когда на церемонии открытия монумента журналисты попросили брата Ронни Моффит — Гарри прокомментировать это решение, он с горечью сказал, что и в Соединенных Штатах проявлено поразительно милосердие к убийцам: одного из непосредственных исполнителей террористического акта наказали так, будто он всего лишь украл кусок колбасы, а двух других и вовсе отпустили с миром. «Вряд ли преступники избежали бы заслуженного возмездия, если бы нам разрешили представить все имеющиеся у нас доказательства их вины», — с горечью заметил Гарри Моффит. — Увы, и в Чили и у нас блюстители законов даже не поинтересовались этим». Другого и не следовало ожидать — по убеждению многих обозревателей, убийство было осуществлено ДИНА с ведома и при содействии Центрального разведывательного управления и госдепартамента США: активная антифашистская деятельность Орландо Летельера в США и других странах сильно вредила чилийской хунте и ее американским покровителям.

## СКАЖИ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

Чилийский тиран — большой «домосед». И это понятно, мало кому в мире охота принимать у себя гостя, у которого руки по локти в крови. Несколько лет назад Пиночет решил «прорубить окно в мир» и впервые отправился за пределы Латинской Америки, в страны Тихого океана. Но дальше островов Фиджи дело не пошло. В следующую же страну, включенную в маршрут, на Филиппины, его в последний момент не пустили. Это стоило портфеля пиночетовскому министру иностранных дел.

Друзей диктатора можно пересчитать по пальцам. И самый постоянный, несмотря на определенные показные «трения» в прошлом, — администрация США. Пиночет, которого еще недавно кое-кто из высокопоставленных лиц в Америке называл «сумасбродом» и даже «психопатом», «вновь снискал благосклонность Вашингтона». Это было написано французской газетой «Монд» еще в 1976 году. Сегодня можно уже говорить не о благосклонности, а о горячей привязанности. Впрочем, сотрудничество с хунтой в духе «свободного предпринимательства» США не прекращали даже в те дни, когда в Вашингтоне и других западных столицах делали кислую мину в связи с «некоторыми эксцессами» по части прав человека в Чили, а конгресс США накладывал вето на продажу оружия путчистам. С приходом же в Белый дом Рональда Рейгана явственно обозначилась линия на официальную «реабилитацию» режима. Как писала газета «Сан-Франциско изкэмпер», новая администрация дала ясно понять, что режим Пиночета она относит к числу «друзей США». В июле государственный секретарь США Александер Хейг одобрил предоставление Чили займов американского Экспортно-импортного банка.

В Вашингтоне высоко ценят таланты Пиночета. Например, его познания в геополитике. Но больше — в геологии: он с таким знанием дела разбазаривает богатства чилийских недр. С некоторых пор генерал студирует геометрию: ему поручено сделать Чили одной из сторон треугольника Вашингтон — Претория — Сантьяго. Это должен быть некий суррогат Южноатлантического пакта (САТО).

В Пентагоне и натовских штабах решено проталкивать идею САТО в усеченном виде, а соответствующие сове-

щения стали напоминать тайные масонские сходки. Одну из них пришлось замаскировать под торжество по случаю Дня независимости Чили. В качестве особо почетных гостей в Сантьяго были приглашены командующий Южным военным округом США генерал Наттинг и юаровский генерал ван дер Вестхоузен. Оба генерала вместе с Пиночетом и обсуждали при закрытых дверях вопрос о создании в Южной Атлантике военного блока — пока в виде треугольника.

Укреплению альянса Чили и ЮАР служил и визит в Преторию пиночетовского эмиссара генерала Маттеи, который, выступая затем на пресс-конференции, рассыпался в похвалы южноафриканским расистам и благодарил их за готовность предоставить хунте новые партии оружия. По словам Маттеи, он договорился с ЮАР о приобретении боевых самолетов для чилийских ВВС. В начале 1981 года Претория поставила Пиночету ракеты класса «земля — воздух» на сумму 40 миллионов долларов. В обмен на оружие и финансовую помощь для развития военной промышленности Пиночет посылает наемников на подмогу расистам в их карательных операциях против борцов за освобождение юга Африки.

Среди немногих друзей Пиночета — террористическая хунта Сальвадора, ведущая войну на истребление собственного народа. Беседа с сальвадорским послом, генерал вновь предложил его правительству «техническую помощь» в борьбе против сил национального освобождения. И едва ли не последний из тех, кто не стесняется являться с Пиночетом, — диктатор Гаити Жан-Клод Дювалье, который посылает на выучку к Пиночету своих полицейских офицеров.

## «ПРЕВРАТИМ СТРАДАНИЯ В СИЛУ»

В беседе с репортером «Нью-Йорк таймс» Пиночет пытался уверить его читателей не больше, не меньше, как в том, что-де чилийский народ «доволен» правлением хунты, а если и есть в стране люди, которые желают его, Пиночета, ухода, то это всего «несколько политиков и один-два священника»...

Нет, не спокойно диктатору на его троне. В стране нарастает борьба за свободу. Об этом говорят мощные забастовки на медном руднике «Эль-Теньенте», на заводе «Гудьер», «Паналь», «Калетонесе», стачка портовых рабочих и моряков, поджоги правительственных зданий, нападения на карателей. К вооруженным акциям приступила «милиция народного сопротивления». Дряпку операцию провели патриоты в центре Сантьяго — обстреляли машину, в которой находился шеф разведки чилийской армии полковник Роджер Вергара. В результате нападения он был убит. Вергара непосредственно участвовал в свержении правительства Альенде.

Как боевой клич прозвучали слова женщины-индианки из племени малуче, которая на последней первомайской манифестации заявила: «Надо превратить страдание и слезы в силу, превратить нищету и бедность в ненависть, превратить унижение в гнев, а страх — в мужество». На решительный бой с диктатурой зовут патриотов чилийские коммунисты. В сентябрьском манифесте Компартии Чили говорится: «Чили находится под властью абсолютного деспота. Никогда еще в стране не совершалось столько преступлений и не чинилось такого произвола, как сейчас. Так дальше продолжаться не может. Чилийский народ родился не для того, чтобы быть рабом. Необходимо покончить с тиранией, которая и так уже существует слишком долго! Только путем борьбы и единства, путем усилий и жертв народ Чили вернет себе свои поправные права!»

Труден путь к свободе, но чилийские патриоты не свернут с него. И пусть трепещет палач в профессорских очках перед праведным гневом народа.

Юрий АДРИАНОВ



...За ярусом ярус, свинцово,  
Цепь туч наплыла не спеша.  
Опять обратилась к Кольцову  
Моя городская душа.  
К судьбе молодой горемычной,  
Подобной упавшей звезде,  
К судьбе до отчаянья личной  
И общей в мирской суете:  
Где горе в любви и укоры,  
И бранный предчувствия страх,  
И песни — сестрицы узором  
Старинных крестьянских рубаш.  
...Гул стада,  
Трактирные кружки,  
Болезненность стылой груди,  
И сам удивительный Пушкин,  
Обнявший в начале пути!  
Как близко от вехи начала  
Крестовая вежа конца...  
Но слышу я:

        вновь зазвучала  
Печальная радость певца  
И век электронной основы,  
Отняв у кончины права,  
Вдыхает кольцовское слово  
Родное,  
        как в поле трава.

## На переправе у Дона

Речной вечерний перевоз,  
Молчанье жесткое осоки...  
Лиловых облаков обоз  
Ползет над степью от востока.  
Сидим на бревнах у реки,  
Кто с чемоданом, кто с корзиной,  
Мы, как слова одной строки,  
Крещенные дорогой длинной.  
Забыл о точности минут  
Паром,  
Уставший от поломки...  
Шушукаясь, кого-то ждут  
В штормовках выцветших девчонки.  
А мой сосед с глотком вина  
Вновь повторяет,  
Глядя в дали,  
Как к Дону шла беда войны...  
И здесь, вцепившись,  
        на смерть встали!..

Ни шагу дальше!  
Помнит Дон,  
Как вздыбилась година злая...  
Попутчик — из Сибири он —  
Вздыхнет и снова вспоминает.  
Здесь Русь, сородичи, река...  
Закат.  
От зноя отдохнуть бы!  
Со всех сторон издали  
Сошлись сюда случайно судьбы.  
Мир для меня здесь добр и свеж,  
Мир для девчат здесь —  
        час влюбленный.  
А для него всегда рубеж,  
Рубеж последней обороны...

## Дельтаплан

Подобна ящеру и странна,  
Не потревожив небосклон,  
Бесшумно тень от дельтаплана  
Скользнула под овражный склон.

На старорусские соцветья  
В своей мечте и смел и чист  
В конце двадцатого столетья  
Спустился рукотворный лист.

В котором, кстати иль некстати,  
Слились в единый силуэт  
И допотопный птеродактиль  
И юной дерзости ответ.

Вадим СКВОРЦОВ.  
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА

# одна, но планерная страсть



РАЗБОР ПОЛЕТОВ ПРОВОДИТ ДИРЕКТОР  
ШКОЛЫ НИКОЛАЙ МАЛИНОВСКИЙ.

ВПЕРЕДИ — СТАРТ.

**В**зревел мотор, планер начал разбег. Вскоре он оторвался от земли и взмыл вверх.

Планер и мотор — что за странность?.. Но все верно. Речь идет о моторе стоящей неподвижно автомашины ГАЗ-63, на базе которой и создали стартовое устройство для запуска планеров.

Такая катапульта подбросит тебя на высоту семизэтажного дома, а с нее можно лететь и лететь. Особенно если планер большой, а сам ты еще не очень. Но уже управляешь этой птицей вполне по-настоящему и чувствуешь свою власть над нею, а значит, и силу. Летишь, чуть покачивая крыльями, и кажется, не 15—20 метров под тобой, а бездна. Ветер крепкий задувает порой, а коли повезет, то и поболтает. Ах, как здорово! Да не зевай, парень, пора садиться — это в летном деле самое трудное. Что же касается вообще полетов на малых высотах, то это — искусство особое даже для опытных летчиков...

В Москве, во дворе одного из домов на Новослободской улице, висит табличка: «Юношеская планерная школа МГК ДОСААФ». Свыше двадцати лет существует эта необычная школа. Народу сейчас много — около 600 человек. Учатся здесь старшеклассники, учащиеся техникумов и ПТУ. Занимаются основательно. Сначала в классах.

Урок наземной подготовки ведет старший тренер Анатолий Степанович Дьяконов:

— На посадке нужно смотреть вперед под углом двадцать — двадцать пять градусов и на тридцать — сорок метров вперед. Лишь при таком положении можно правильно видеть землю, а значит, и правильно определять расстояние до нее.

— А почему? Разве мы ее и так не видим?

— Чтоб вы поняли, почему нужно именно так, попробуйте, спускаясь по лестнице, определить расстояние, глядя прямо под собой, а затем так, как я вам рекомендовал.

— Но почему нужно смотреть влево, а не вправо?

— Так по традиции установилось во всей авиации. Потому,

что на самолетах все приборы, которыми пользуется пилот при посадке, расположены именно с левой стороны. В общем, нужно привыкать сразу.

В другом классе начальник школы Николай Николаевич Малиновский читает курс аэродинамики. Впрочем, скорее рассказывает. Так уж повелось — обстановка на занятиях непринужденная, доверительная.

— Таким образом, ребята, под крылом создается разрежение и над ним тоже, но гораздо меньшее. Стало быть, в общем случае можно говорить, что под крылом у нас область высокого давления. Благодаря разности давлений возникает общая аэродинамическая сила, которую, в свою очередь, мы с вами можем разложить на две составляющих, одна из которых параллельна набегающему потоку, а другая перпендикулярна ему. Первая — это сила лобового сопротивления, а вторая — подъемная, благодаря которой и летают наши с вами планеры и самолеты...

— Николай Николаевич, а как направлена общая аэродинамическая сила?..

— А что больше — сила лобового сопротивления или подъемная?..

— А от чего зависит величина подъемной силы?..

— А почему у планеров применяются крылья прямые и длинные, тогда как на всех современных самолетах стреловидные?..

— А не могут ли на крыльях наших планеров возникнуть завихрения?..

Вопросам нет конца. Конечно, для того, чтобы научиться мальчишкам летать на планере, можно ограничиться куда меньшим кругом сведений, чем те, что постигаются на занятиях. Но что такое цель? Вот в чем вопрос. Месяц назад на страницах «Смены» космонавт Георгий Гречко сказал о том, что даже само участие в космическом полете не самоцель. Важно, чтобы было решение интересных задач, постижение нового, преодоление.

Цель этих ребят далека, но достижима. К ней они будут идти и сейчас и после окончания планерной школы в

СЕРГЕЙ МОРОЗ—  
ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ  
ПЛАНЕРИСТОВ ШКОЛЫ.



ЕСТЬ У ЛЕТЧИКА МЕЧТА...

В НЕБЕ ТОВАРИЩ.

авиационных училищах, институтах. Если же их пути пойдут по земле, а не в воздухе, все равно, спасибо тебе, планерная школа.

Большое дело вершит она—выковывает личность. Старший инструктор-методист школы Иван Федорович Бобарыкин уже свыше полувека в авиации. Можно представить себе, что значат для ребят его рассказы о летчиках и самолетах, о воздушных боях.

С Тушинским аэродромом связана вся история нашей авиации, много поколений летчиков повидал он. Теперь принимает новое. Нескрываясь гордится это поколение, у которого сегодня самый заветный день—полеты.

Приехали. Поначалу все сдали полетные карточки, у летчиков это называется летными книжками. В каждой карточке записано, какие упражнения и с какими оценками выполнял курсант.

Если ты сегодня здесь впервые, то летать пока подожди—каждому овощу свое время. Во время первых занятий на аэродроме курсант выполняет на планере лишь пробежки, но с помощью того же штатного стартового устройства. Затем—подлеты, надо научиться отрываться от земли и, немного пролетев, правильно приземляться. Высота при этом минимальная—1—2 метра. И только лишь через десяток, а то и больше занятий полет на «рабочей» высоте.

Построились: Николай Николаевич зачитывает плановую таблицу—кому, на каком планере летать.

— Сегодня ожидается ветер свыше шести метров в секунду. Стало быть, это обстоятельство необходимо учитывать при взлете.

Первый полет выполняет, как обычно, сам Малиновский. Вернувшись к старту, он сообщает:

— На высоте больше десяти метров болтанка. Поэтому Володину и Дергачеву полеты выполнять с балластом.

Те, кому лететь с балластом, вопросов не задают. Знают, что планер легкий и что сами пока веса не набрали. Вот и приходится добирать вес. Ну, да ничего, пора и «по машинам»!

Чуть подробнее о стартовом устройстве. Кардан заднего моста автомобиля перебрасывается на вращение барабана в лебедке, а барабан приводит в движение трос. На тросе укреплен замок, к которому крепится буксировочный фал. Замок перемещается по неподвижно укрепленному тросу. Скорость буксировки дозирует сидящий в автомобиле Малиновский нажатием педали газа.

Забрался в кабину планера Эдик Дергачев, поднял руку вверх—готов! В свою очередь, стартер поднял белый и красный флаги—взлет разрешен.

Малиновский отжимает сцепление, включает вторую передачу. Метров через 30—40 планер отрывается от земли и плавно набирает высоту. Еще через несколько сот метров буксировочный фал будет отцеплен, для этого Малиновский сбросит газ.

С вернувшимся на старт Дергачевым разговаривает старший тренер:

— Эдик, почему получилось у тебя взмывание, как думаешь?

— Не могу понять, Анатолий Степанович. Вроде взял-то немного, а планер вспух.

— Дело в том, что подход у тебя получился на повышенной скорости, а потому движения рулями должны быть более мелкими.

Очередь теперь Володина, который на предыдущей тренировке умудрился дважды сотворить «козла», что у всех летающих означает отделение летательного аппарата от земли после посадки.

— Помнишь, что и как?—спрашивает его Дьяконов.

— Так точно,—отвечает смешливый Володин.—Коль отмоучу «козла», придется на капусте сидеть, а я капусту не ем. Я люблю шашлык.

— Ну, смотри у меня!

Володин уже сама сосредоточенность. Поднял руку вверх.

Сейчас эти ребята на пороге неба. Впереди у них ответственные соревнования. Впереди вся жизнь. И множество добрых взлетов.

Людмила КУДРЯВСКАЯ



Пусть это вечно длится,  
Пока стоит земля.  
Прощай, моя синица!  
Я верю в журавля.

Другие держат крепко  
В руках своих синиц  
И обживают клетки:  
Не упустить бы птиц...

А мой журавль у солнца.  
И он, конечно, прав,  
Что в руки не дается,—  
На то он и журавль.

Простой земной потребности  
Мне сердцем не понять,  
Пока журавль в небе  
И хочется летать...

## Улица ведет в аэропорт

Улица ведет в аэропорт.  
Булочная, магазин игрушек...  
Как ей знать, что может быть нарушен  
Ход привычных,  
будничных забот?

Как ей знать, что там, на полпути,  
За чертой, не различимой зреньем,  
Ей войти в иное измеренье  
И иные помыслы нести?

И отныне не принадлежать  
Ни себе, ни собственным заботам  
И свободным воздухом дышать,  
Распрямляясь,  
словно перед взлетом.

И уже, широкой и прямой,  
Ей ни в площадь шумную не влиться,  
Ни дорожкой в сквер не просочиться,  
Ни продлиться улицей другой...



Когда в одинокой квартире  
Пронзительно вскрикнет звонок,  
Я вспомню, что есть еще в мире  
И север, и юг, и восток.

Есть город в весеннем убранстве,  
Дороги к другим городам...  
Все эти земные пространства  
По тонким войдут проводам.

Друзья познаются в болезни.  
Болящий всегда одинок.  
И всех аспиринов полезней  
Один телефонный звонок.

Друзья, поспешите с лекарством!  
Минутам теряется счет.  
И нет никакого пространства,  
Одно только время течет.



Мне так нужна твоя поддержка  
Среди забот, среди трудов!  
Скажи мне что-нибудь, не мешкай!  
Ну просто улыбнись—без слов.

В своих сомненьях, как в трех соснах,  
Я заблудилась на беду.  
Взгляни светло!  
Я лишь по солнцу  
Дорогу из лесу найду...

# А ЧТО У ВАС?

ОБЪЯВЛЯЕМ ПОИСК

## ОТЗОВИТЕСЬ, СОЛДАТЫ!

Вот уже много лет под стеклом моего письменного стола лежит одна фотография, вырезанная из журнала. Ее сделал фронтовой фотокорреспондент Аркадий Шайхет, и называется она «На оборону Москвы». И каждый раз, когда я вглядываюсь в эти лица, мне передается их внутренняя сила, спокойная решительность. Особенно поражает взгляд

совсем еще молодого солдата, сидящего в центре. Вот таким же, совсем еще молодым пареньком уходил и я на военную службу. Но я уходил на мирную военную службу, а он ушел в бой, который, возможно, был для него последним. О чем думает он, всматриваясь в заснеженную даль? Мне хочется попросить тебя, «Смена», объявить все-

юзный поиск. Где вы, пассажиры этого грузовика, несущегося навстречу врагу? В какой воинской части вы служили? Как сложилась ваша дальнейшая судьба? Отзовитесь!

**Игорь СТЕПАНОВ,**  
инструктор Тюменского  
обкома комсомола



ВОСПОМИНАНИЯ

### СЪЕМКА ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

Это было сорок лет назад. Однажды вечером в кабинете директора Свердловской студии кинохроники раздался звонок:

— Будьте готовы завтра к очень важной съемке. Никому ничего объяснять не нужно: сами понимаете — время военное...

Утром опытный оператор И. М. Косицын установил свою камеру в Кольцовском аэропорту под Свердловском.

Иван Мефодьевич потом рассказывал:

— Мы приехали к месту работы затемно. В небо взлетела зеленая ракета, и какой-то самолет стремительно побежал по взлетной полосе... Я включил аппаратуру, хотя до самого начала съемки никто так и не объяснил мне, что же, собственно, происходит на аэродроме.

А происходило что-то очень важное. На поле находилось большое количество военных и гражданских лиц, которые внимательно следили за стремительным взлетом незнакомого мне самолета. Прошли секунды, и уже только яркая точка пламени в небе напомнила о машине.

Помню, волновался страшно: боялся, а вдруг старая камера «Дебри» откажет... Но все окончилось благополучно. Когда колеса машины вновь коснулись земли, все присутствовавшие закричали «ура». Летчика обнимали, целовали...

Только много лет спустя Иван Мефодьевич узнал, что он был в тот день единственным кинооператором, снявшим один из полетов первого советского реактивного само-



лета «БИ-1», созданного под руководством известного ученого и конструктора В. Ф. Болховитинова. А летчика звали Григорием Бахчиванджи, впоследствии он стал Героем Советского Союза.

**Борис ЗЕЛИЧЕНКО**

СУДЬБЫ  
ЛЮДСКИЕ

### Встреча

Как-то, отдыхая в санатории, я познакомился со степенным, уравновешенным человеком. Мы оказались ровесниками. Сойдись ближе, почувствовал, что когда-то уже встречался с Прошиным. Но когда, где, вспомнить не мог.

Я сказал ему об этом. Он отшутился: «Меня часто путают». Однажды я, измученный болью от старых фронтовых ран, сидел в кресле, вспоминал пережитое. Вошел Прошин. И я узнал его, солдата, который вот так же склонился надо мной, истекающим кровью, недалеко от станции Мга, под Ленинградом.

Шел прорыв блокады. После артподготовки я поднял взвод в атаку. Мы рванулись вперед, несмотря на частый заградительный пулеметный огонь гитлеровцев. Я бежал, как и все, не чувствуя усталости. Но вот вблизи разорвалась мина, и осколки ударили мне в плечо и бедро. Упал, потерял сознание. Придя в себя, подумал, что меня не найдут санитары: я лежал в одиночном окопе. Потом опять беспомощность.

В очередной раз сознание вернулось от резкой боли в раненом плече: кто-то меня поднимал. Открыл глаза, увидел лицо солдата со шрамом, пересекающим левую бровь.

— Потерпи, браток, скоро доставлю тебя в перевязочный пункт, а там и в медсанбат, — произнес он. И поволок меня, раненого, сам кусая губы от боли: у санитаря была перебита кисть левой руки.

Я напомнил Сергею Прокопьевичу, как все это было. Мы расцеловались. Вот ведь какие встречи бывают!

**Прокопий МОЧАЛОВ**

ЖИВЫЕ — ПАВШИМ

### ПАМЯТНИК В ШКОЛЬНОМ ДВОРЕ

Запомнился мне этот памятник давно, еще с тех пор, когда он памятником не был. Весна 1968 года. На Кузнецком мосту, 11, — групповая выставка московских художников. Цветы, улыбки, поздравления. В главном зале, как бы в стороне от всеобщего праздника, на высоком постаменте пять бронзовых фигурок. «Рекаем 41-го», — прочла я табличку. И фамилию автора: Д. Митлянский.

Не было в тех бронзовых мальчиках, вчерашних школьниках, ничего от воинов — защитников Отечества. Нескладно, совсем не солдатски сидели на них шинели, и то, как неумело стояли они в строю, стараясь ровно держать винтовку с примкнутым к ней штыком, вызывало сначала чувство шемящей жалости и удивления: «Неужели эти мальчики могли защищать?»

Теперь памятник стоит в центре Москвы, в маленьком школьном дворе, зажатом двумя огромными кирпичными стенами уходящих авось зданий, и кажется оттого еще меньше. В двух шагах отсюда — Никитские ворота, Садовое кольцо, арбатские переулочки. Весной и ранней осенью из открытых окон слышны школьные звонки, гул голосов...

У подножия памятника — бронзовая плита, а на ней — сто фамилий выпускников школы, не вернувшихся с полей сражений. Автор памятника, сам бывший солдат и выпускник этой 110-й московской школы 1941 года, заслуженный художник РСФСР Даниэль Митлянский изваял портреты своих пятерых друзей-однокурсников.

...Я держу в руках тонкие листки солдатских писем, слушаю его рассказ о погибших друзьях. Художник волнуется, его речь часто прерывается, и я чувствую, что еще немного, и он заплачет...

**Ирина МЕШАЛКИНА**

традиция

«Наверх вы,  
товарищи!  
Все по местам!»

Тула. Вход в Комсомольский парк... Мне видятся бушующее море, дымящиеся трубы корабля и капитан, стоящий под осколками снарядов на мостике. Вот он, командир легендарного крейсера «Варяг», уроженец села Мышенки Алексинского уезда Тульской губернии Всеволод Федорович Руднев. В его честь воздвигнут памятник.



На снимке: памятник Всеволоду Федоровичу Рудневу у входа в Комсомольский парк Тулы.

Советские люди не забыли легендарный подвиг «Варяга». На Краснознаменном Тихоокеанском флоте несет свою почетную вахту ракетный крейсер с прежним гордым именем на борту. И вот уже двенадцать лет шефствуют над ним комсомольцы города оружейников. По традиции в его экипаж принимают лучших представителей рабочей Тулы — земляков первого командира крейсера.

Одним из первых отбыл по комсомольской путевке на «Варяг» Владимир Правдин. Сейчас он начальник передового цеха на одном из тульских заводов. Знаком матросской доблести удостоился за время службы на «Варяге» слесарь Тульского машиностроительного завода имени Рябикова Николай Морозов. Поощрялись командованием Александр Должанкин и Александр Кузнецов, проходившие на крейсере срочную службу.

Сложился добрый обычай: перед призывом, кому из тульской молодежи выпала дорога на флот, тот приходит к памятнику Всеволоду Федоровичу Рудневу и клянется быть достойным подвига варяжцев.

**Валерий ПЛЕШАКОВ.**  
Фото  
**Николая МЕЛЬНИКОВА**

НА ДВА СЛОВА!

Видел я силу дружбы наших народов в битве под Москвой, а горнила Сталинградской битвы, на Южной Ленинградском и 1-м Украинском фронтах.

Вот только один пример из боевых будней нашей артиллерийской батареи в 1945 году. Еще засветло мы заняли огневую позицию недалеко от населенного пункта Рейнсвальде. Бой складывался для нас не очень удачно: вражеским артиллерийским поврежденная радиостанция и телефонная связь. Под прикрытием тумана к нам крались фашистские автоматчики. Первым их увидел казах ефрейтор Фазыл Джансаликов. Плечом к плечу отражали атаку командир отделения разведки чухачь сержант Иван Васильев, русский младший сержант Костя Семенов и Андрей Новиков, телефонист армянин Ашот Саакин и другие.

Этот бой мы выиграли.  
**В. ШВЕЦОВ, Москва**

## УТИЛЬ — ТОЖЕ ХЛЕБ ЭКОНОМИКИ

— считает начальник Главного управления вторичных ресурсов при Госнабс СССР Николай Яковлевич Мирошниченко.

«Сейчас многих людей волнуют проблемы экономики. Меня, в частности,— проблема переработки вторичного сырья. Очень прошу вас на страницах журнала рассказать о положении дел в этой важной отрасли!»— пишет нам В. Шумихин из Тюмени.

Поскольку его письмо далеко не единственное в нашей почте, мы предложили наиболее типичные вопросы из читательской почты начальнику Союзглаввторресурсов Н. Я. Мирошниченко. Итак:

«Мне скоро тридцать, с детства слышу: собирайте вторсырье, берите богатства. Но лично я не

чувствую и не вижу уменьшения этих самых природных богатств. Все вокруг будто бы как было, так и есть. Может, и не стоит, как говорится, огород городить?»— (И. Баландин, Кемерово).

— В последнее время в связи с большим ростом населения в городах, развитием промышленности и т. д. ежегодно образуется около 40 миллионов тонн твердых бытовых отходов, что составляет на душу населения в среднем до 300 килограммов в год. А площадь земли, занятая под свалки,— это ведь свыше четырнадцать тысяч гектаров. Только затраты на их вывоз обходятся государству в шестьсот миллионов рублей.

Сегодняшние бытовые отходы—это и более четыре миллионов тонн макулатуры, свыше миллиона тонн текстильных материалов и всевозможных металлов... Словом, горы мусора, равно неприятных как для человека, так и для окружающей среды.

У нас по городу понаставили ящичков для сбора макулатуры. Они такие маленькие, что в них помещается лишь малая часть выбрасываемой на свалку бумаги. Вдобавок никто за весь сезон так и не удосужился ящики опорожнить. А раз некуда девать бумагу, то и валят все в мусоровоз» (Н. Карандашов, Мурманск).

— Действительно, не везде еще осознали, какие материальные блага таятся в «мусоре». Ведь использование только одной тонны макулатуры при производстве бумаги и картона взамен древесного сырья и целлюлозы позволяет сэкономить четыре кубометра древесины. За прошедшую пятилетку собранная в стране макулатура заменила для народного хозяйства 39 миллионов кубометров леса. Чтобы заготовить такое количество древесины, нужно было бы создать 135 лесопромышленных хозяйств, которым пришлось бы вырубить около 600 тысяч гектаров лесных угодий. Поэтому давайте скажем спасибо всем пионерам и школьникам, которые собирают металлолом и макулатуру. Ведь именно в детстве закладывается иное, чем прежде, отношение к природным ресурсам. Задача сейчас—создать на будущее наиболее рациональную технологию

переработки, открыть новые области применения вторичных ресурсов. Но заготовка вторсырья, заверю читателей «Смены», растет, хотя возможности его использования—пока не очень.

Вполне возможно, что ящички, о которых пишет товарищ Карандашов из Мурманска, не приживутся. Наша отрасль сегодня—широкое поле для экспериментов ученых, от которых-то мы и ждем серьезных рецептов. Вот в Горьком, например, в одном из районов также в порядке эксперимента утильсырье собирает по дворам в определенное, известное всем жильцам время специальная машина...

Данные экспериментов сейчас обрабатываются. Но потребуются, конечно, значительные капиталовложения, прежде чем мы сможем ввести в практику разработки наших ученых и проектировщиков.

Проблема сырья—проблема мирового масштаба. Вторичное сырье, давайте еще раз скажем об этом,—серьезное подспорье экономики, ее хлеб...

Беседу вел  
Борис ПЕТРОВ

### ИСТОРИЯ РОДНОГО КРАЯ

## НОВОСЕЛЬЕ «Борисова камня»

Летом прошлого года экспедиция белорусской республиканской газеты «Знамя юности» обнаружила в Западной Двине, между Полоцком и Новополоцком, огромный валун. На нем славянской вязью было высечено: «Господи, помоги рабу твоему, Борису».

Существует несколько версий, как появился здесь этот валун, прозванный в народе «Борисовым камнем». Одни утверждают, что еще в XII веке удельный князь Борис Полоцкий отмечал такими валунами мелкие места на Двине, по которой проходил тогда знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Другие считают, что это была своеобразная языческая святыня и при нашествии орды полочане, не желая отдавать свою святыню в «поганые руки», просто утопили камень в реке.

Однако так или иначе, но со временем валун приобрел безусловную историческую ценность. Поэтому члены экспедиции задумали достать этот камень из воды и установить возле Софийского собора в Полоцке. Кстати, собор этот тоже был построен при князе Борисе Полоцком.

Летом, когда уровень воды в реке падает, начались работы по извлечению из воды исторического камня. И вскоре валун, восемьсот лет пролежавший в реке, весом не менее семидесяти тонн, переселился на сушу. А недавно его установили возле Софийского собора.

Юлия АДУШКИНА

ОТ РЕДАКЦИИ:  
Юридическая консультация продолжает работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ—или на страницах журнала, или отдельным письмом.

### НА ДВА СЛОВА!

Недавно в наш город переехал... дом! Памятник архитектуры XVIII века был перевезен в Тбилисский музей истории архитектуры и народного быта за триста километров, из города Ахалциха. Музей под открытым небом в столице Грузии—это республика в миниатюре: здесь уже собрано более полутора сотен построек, характерных для различных этнографических областей Грузии.

Владимир ДАДИАНИ,  
Тбилиси

### «СМЕНА»—ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

## «ПЕРВОГО МАЯ ВЕЧЕРОМ ЗАЖГЛИСЬ ОГНИ ДНЕПРОГЭСА»

— Такова основная новость двух майских (девятого и десятого) номеров журнала пятидесятилетней давности. На одном из журнальных разворотов—стихи-плакат поэта Семена Кирсанова: «БУДЕМ БЕТОННЫЕ ТОЛЩИ КЛАСТЬ, ВЫГНАТЬ ИЗ ИЗБЕ ЛУЧИННОЕ ТЛЕНИЕ. КОММУНИЗМ—ЭТО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ (ЛЕНИН)». Под стихами—одиннадцать фотографий, однанадцать документальных свидетельств успешного воплощения в жизнь плана ГОЭЛРО, одиннадцать электростанций, полным ходом строившихся в разных районах страны. А «во второй пятилетке нужно достигнуть мощности, равной по программе десяти планам ГОЭЛРО»,—сообщает журнал.

И вот еще что важно: на одном из снимков—десятым—запечатлен новый генератор, установленный на АртемГРЭС в Шахтах. На новеньком его боку ясно читается название фирмы-производителя: «Сименс-Шукерт». Да, многие тогдашние наши электростанции использовали импортное оборудование. Но уже брошен лозунг недалекого завтрашнего дня: «ВОЛГОСТРОЮ—ЦЕЛИКОМ СОВЕТСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ!» («Смена» № 9.)

### НОВЫЕ ОБРЯДЫ

## «...ГОРЬКО!»

Дорогие товарищи!  
По просьбе комсомольцев нашего поселка Преображение обращаюсь к вам за помощью. У нас много молодежи, приехавшей сюда из разных областей нашей страны. Работают все хорошо, а вот отдыхать, отметить праздник в новых условиях, вдали от родственников, от семейного уюта еще не научились. А ведь каждому хочется, чтобы его день рождения, а тем более свадьба или регистрация новорожденного прошли торжественно и запомнились надолго.

Поэтому просим: помогите нам, пожалуйста, узнать что-нибудь о новых гражданских обрядах. Можно ли, например, проводить регистрацию и свадьбу в Доме культуры, если нет подходящего здания? А каков порядок бракосочетания во Дворцах? Очень хочется, чтобы и у нас было больше счастливых семей...

А. ЧИКАЛОВ,  
Приморский край

Субботний день—день свадеб. Бурлят улицы грузинского города Цхакая, особенно те, что ведут к районному Дому бракосочетания.

Гремит в зале музыка. Открываются парадные двери. Величаво, не торопясь, входят жених и невеста. Рядом—чем-то вроде почетного эскорта застыли молодые пары в «чох-ахалуки»—национальной одежде. Вдруг, когда жених и невеста проходят мимо них, пары одновременно выхватывают из ножен кинжалы и скрепчивают над собой.

— Это символ охраны, благополучия, покоя будущего дома молодоженов.—объяснял Томаз Кикабидзе, сотрудник республиканской комиссии по традициям.—Но подождите, после регистрации брака молодоженов ожидает еще не один сюрприз...



И действительно: как только гости поздравляли супругов, грянул хор почтенных жителей города. Седобородые ветераны поют о мире, о любви, о счастье... Едва умолкли многоголосые свадебные песни, как поплыли по залу в танце юноша и девушка.

— Свой танец они посвящают сегодняшним героям дня, в их честь они его исполняют.—тихонько пояснил Кикабидзе.

Но вот танцоров снова сменил хор. Под его пение молодые супруги и гости покидали Цхакайский районный Дом бракосочетания. Впереди была еще свадьба...

Игорь КОНСТАНТИНОВ,  
Фото автора

От редакции: мы рассказали лишь об одном варианте торжественной и трогательной регистрации брака. Но, конечно, традиций, в том числе и современных, существует множество.

А что у вас?

Давайте совместно поможем советом молодым людям из поселка Преображение. Ждем писем и от комсомольских работников Приморья.

# А ЧТО У ВАС?



Привычно оттолкнувшись, Вячеслав Федоров выпал из проема «аннушки» в пустоту. За ним последовали его товарищи. Морозный воздух упруго и колко бил в незащищенное лицо, когда парашютисты в затычном прыжке проваливались в бездну с высоты 3700 метров. Затем, как короткая пулеметная очередь, пять хлопков: раскрылись парашюты. Вячеслав сидел под куполом и со смешанным чувством тревоги и решимости смотрел вниз под ноги, где чадила наполненная дымом и газами чаша вулкана.

Прыгали не новички, а мастера парашютного спорта, к тому же «высотники», специалисты экстремального класса. Они рвались покорить эту вершину сверху так же, как альпинисты — снизу. Конечно, парашютистам покорить можно ее значительно быстрее, но можно ли соизмерить степень опасности? Для скалолаза она длинной в половину светового дня, для парашютиста исчисляется минутами. При восхождении в связке можно отступить, сорваться и зависнуть на «страховке». Парашютируя же, каждый спортсмен мог рассчитывать только на свою силовую. Но их, парашютистов Камчатки, давно влекло к вершине Авачи, и хотелось им испытать не только себя.

Старший тренер группы парашютистов Вячеслав Федоров каждый день смотрел из аэропорта Елизово, где базируется воздушный десант пожарных, на округлую фигуру Авачи и мечтал прыгнуть на вулкан. О том, что такой прыжок можно осуществить, он подумал года три назад, когда впервые услышал о прыжках на вершины гор. Но горы горами, а вулкан вулканом. Приземлиться, вернее, привулканичиться, в дышащем зеве Авачи значило для Вячеслава заглянуть за горизонт страха.

Товарищи по работе заметили его чрезмерное внимание к огнедышащей сопке и подтрунивали над Федоровым: «Умный в гору не пойдет...» А так как все уже знали, что Вячеслав собирается «махнуть в кратер», не поднимаясь по проторенному туристскому маршруту, то шутка эта имела свой особый подтекст. И однажды кто-то полушутя-полусерьезно посоветовал: «Поговори с вулканологами, авось, заинтересуются твоей идеей». Так и

натолкнули его на встречу с учеными. Она состоялась, и спортивный интерес парашютиста нашел горячую поддержку. Оказалось, сотрудники Научно-исследовательского института вулканологии давно обсуждали варианты быстрой доставки аппаратуры в кратер Авачи в моменты его пробуждений или сразу после них. Редкие мгновения вулканической активности для ученого, как поклевка для рыбака: прозеваешь — останешься с носом, уйдешь с пустыми руками. Много неразгаданного еще таится в недрах притихшего до поры до времени Авачи, и каждый его глубокий «выдох» — ключ к разгадке. Вовремя подцепить на крючок научной удочки вулканическую «рыбку» — это значит приблизить завтра, когда можно будет точно предсказать дату проявления внезапного буйства этого великого тихони. И предложение спортсмена-парашютиста, казавшееся слишком дерзким, рождало в мире ученых надежду на скорое решение проблемы снятия пепки с активнейшего вулканического «молока», пока оно еще не остыло.

Вулканологи снабдили Федорова фотоаппаратом, по которым он изучал рельеф чаши кратера и верхней кромки вулкана. И он и загоревшие этой идеей его коллеги, парашютисты-высотники, долгими вечерами горячо дискутировали, прикидывали всевозможные варианты прыжков как в сам кратер, так и на «крышу» вулкана.

Все в этой операции «Кратер» было продумано до мелочей. Вертолетам отводилась трудная роль. Поднявшись над вулканом, они должны были зависнуть над венцом кратера, доставить туда необходимое оборудование для группы горноспасателей. Чтобы проделать это на высоте три тысячи метров над дышащим, как дымя, кратером, надо было не только иметь мужество, но и отлично владеть искусством пилотирования.

Герман Кузьминов и Виктор Дербенев оказались на высоте. Максимально облегчив вес машин и

бери на борт минимум горючего, они будто выполняли сложные цирковые трюки, маневрируя в разреженном высокогорном воздухе, где вертолет проваливался в дыи и мгновение мог налететь на каменные утесы. Летать в горах и между сопками умеют многие, а зависнуть над кратером Авачи — эту задачу на порядок выше они решали впервые.

Герман Кузьминов аккуратно «положил», повисев над венцом дышащего кратера, снаряжение для спасателей, поднявшихся налегке. Они должны были забросить веревки в кратер, чтобы вытащить оттуда привулканившихся парашютистов. А в это время, получив приказ, Владимир Киселев вывел свою «аннушку» на курс к Авачи. И вот уже «воздушный снайпер» дал команду парашютистам.

Федоров, через шесть секунд рванувший кольцо троса-замка парашютного ранца, после стабилизации сразу оценил: Киселев сработал отлично. Дальше все зависело от их мастерства.

Лидера здесь не выбирали. Вячеслав стал им по праву, нарушая принцип старшинства. Его товарищи, выпрыгнувшие вслед за ним, — мастера парашютного спорта, имеющие за плечами более тысячи прыжков. А он еще только подбирался к этому заветному рубежу. Но все как-то, не договариваясь, уступили ему пальму первенства. Федоров приземлился точно в кратер. Вслед за ним «привулканились» Лев Желонкин, Виктор Шелопутин, Валентин Дмитриенко и Виктор Уддин.

Это была победа. И отважных парашютистов первыми поздравили поджидавшие их горноспасатели.

Быстро надвигались сумерки, и радость омрачилась предстоящей ночевкой на покоренной высоте, а хотелось, очень хотелось разделить ее с теми, с кем в общей упряжке они упрямо шли к цели. И «смежники» также жаждали сжать в крепких объятиях своих коллег. Виктор Дербенев, вертолет которого барражировал над десантниками, запросил по радио: «Разрешите снять людей с площадки приземления?»

Вопрос застиг начальника оперативного штаба Бориса Ивановича Ксендзова врасплох. Первое движение его педантичной натуры было отказать. Немыслимо на такой верхопуре, где за эти дни и так перенервничали многие бывшие представления авиаторов, пойти на новый риск.

Вулканологи умоляюще смотрели на человека, от решения которого зависело не только то, когда будут чествовать победителей. Они смотрели дальше со своей научной колокольни. Если сегодня вертолет сможет снять десант с лысины Авачи, то, значит, потом можно будет садиться на вершины других вулканов, куда ученым практически добраться пока невозможно. И руководитель авиаторов понимал это. Его колебаниями положило конец сообщение метеостанции, предупреждавшее о возможном приближении холодного циклона. Дербенев получил разрешение сесть на площадке, находящейся на отметке 2580 метров над уровнем моря. И с наступлением сумерек вертолет Дербенева, дрожа всем телом на зависании, снял с верха Авачи героев дня. Экспедиция «Кратер» была завершена.

— Это не конец, а начало наших исследований кратера с помощью авиации и спортсменов-парашютистов, — считает заместитель директора Института вулканологии Борис Владимирович Иванов. — Удачный эксперимент положил основу для возможности научных изысканий на вулканах в экстремальных условиях.

Уже в этом году вулканологи планируют совершить аналогичные экспедиции «Кратер». На сей раз мужественным и отважным первооткрывателям предстоит забраться еще выше. Например, высота Ключевского вулкана — 4850 метров. Но трудности уже не пугают, а обостряют интерес и вулканологов, и летчиков, и спортсменов. Впереди у них новые напряженные будни. Научно-спортивный эксперимент продолжается.

Слава ТАЙНС.  
Фото Игоря ВАЙНШТЕЙНА

# ПРИВУЛКАНИЛИСЬ!



ВУЛКАНОЛОГИ  
НА ДНЕ КРАТЕРА АВАЧИ

# И ВИДЕЛ ЗЕМ

**В**ремя спешит! Оно приносит с собой не только новые образы и понятия—само отношение к миру принимает иной масштаб. Если прежде спорили, допустима ли такая характеристика движения, такое сравнение, как «со скоростью курьерского поезда»—в значении «быстро», то сегодня скорость измеряется движением светового луча, а услышав по радио о запуске очередного космического корабля, мы относимся к этому событию как к рядовому. Космос вошел в круг наших интересов столь же органично, как радио и лазер, атомный реактор и синтетические материалы. Спешит время, торопится, не дает оглянуться...

— Недалек тот день, когда в космосе на благоустроенных орбитальных станциях будут работать коллективы ученых,—сказал школьный учитель физики.—Мечта Циолковского о создании космических научных лабораторий станет повседневной реальностью!

Мысль эта была высказана после запуска первого искусственного спутника Земли. Но тогда в «космические поезда», которые смогут стыковаться в космосе, мало кто верил. Относились к этому, как к рекламному буму вокруг первого спутника.

Сегодняшние полеты в космос, работа на орбитальной станции действительно стали «повседневной реальностью». Нерешенных проблем много. Но главное сделано—удалось создать коллектив людей, для которых работа в космосе стала профессиональным занятием.

И все же профессия космонавта по-прежнему окутана ореолом загадочности, неординарности. Часто говорят об исключительности космонавта, спрашивают, почему именно на него пал выбор.

Думал об этом и я, готовясь к встрече с одним из «звездных братьев» — командиром космического корабля «Союз-32», летчиком-космонавтом СССР, Героем Советского Союза полковником Владимиром Ляховым. На мой вопрос о времени и месте встречи Ляхов сказал: «Прямо сейчас и приезжайте... Да, домой. У меня есть свободное время—сажу на больничном...»

...Дверь мне открыл невысокий, плотно сбитый крепш, улыбнулся. Улыбка широкая, доверчивая. Чуть приподнятые брови, светлые глаза, зачесанные на пробор волосы. Крепкая рука, с широкими пальцами и выпуклыми ногтями—такие руки бывают у людей, привыкших к постоянному физическому труду.

Мы прошли в небольшой кабинет Ляхова. Одну стену комнаты занимал книжный стеллаж, другая была увешана плакатами, вымпелами, памятным медалями, фотографиями—теми домашними реликвиями, что хранит каждый как память о встречах с друзьями, о знаменательных событиях жизни. Только у моего собеседника их было особенно много, этих дорогих сердцу вещей... Близился вечер. Мы сидели, не включая свет. Сумерки сгладили контрасты, придав очертаниям предметов мягкость, спокойствие.

— Почему-то бытует мнение, что космонавт перед первым полетом испытывает нечто вроде радостного удивления перед грядущей встречей с неизведанными мирами. Я этого не ощущал.

Чем ближе был день запуска, тем сильнее становилось чувство ответственности. Пожалуй, именно так можно охарактеризовать мое «предстартовое состояние». Оно, это чувство, как гвоздь, сидело во мне и ни на минуту не позволяло забыть о себе. Я ощущал тяжесть двенадцати лет подготовки к этому полету, тяжесть долга. Мне приходилось встречаться с людьми, которые считают, что слова «тяжесть» и «долг» несопоставимы. Я же убежден, что только ощущение тяжести ноши позволяет донести ее до конца, не потерять главного. Ни одно стоящее дело не бывает легким. Не случайно же «труд» и «трудно» — родственные слова.

Так вот, меня не покидало сознание того, что я не только космонавт, но и представитель своей державы в космосе. И полет мой вовсе не праздник—это испытание...

Ляхов откинул занавеску, и темнота зимней непогоды подступила к окну. Внизу чернела кромка леса, блестящая полоса дороги. Вдалеке размытым контуром проступал массив учебного центра. В окнах домов зажигались огни и жирными кляксами дрожали на асфальте.

— ...23 февраля 1979 года погода была великолепная, искрящаяся, по-весеннему теплая. А в ночь перед



запуском началась метель. Утром 25 февраля, когда мы вышли из теплой духоты гостиницы, в лицо ударил снег. А я, честно говоря, думал, что день обязательно должен быть солнечный.

По пути на стартовую площадку, в автобусе, мысленно прокручивал тренировки и, как студент перед экзаменом, сетовал: «Ох, еще бы денек! Здесь бы повторить, тут кое-что подшлифовать...» Меня мучило довольно неприятное ощущение, что я не до конца подготовился. Это уже после полета, когда делился впечатлениями с ребятами, спросил, были ли у них сомнения в стопроцентной подготовке. Мне в ответ улыбнулись: не ты первый, не ты последний. Все сомневаются—все мы живые люди, а не машины.

Прибыли на стартовую, надели скафандры, проверили их герметичность. Все в порядке, никакой спешки, суеты. Не знаю, как у Валерия Рюмина—он же не первый раз летел,—а у меня от волнения сосало под ложечкой...

Два года прошло, а, наверное, до конца жизни не забуду, как вошли в стартовый комплекс, проверили системы. И вот контрольный отсчет времени. Три... два... один. Старт!

...Девять минут потребовалось кораблю, чтобы выйти на орбиту. Все шло нормально, вовремя и точно проводились сверхсложные маневры и корректировки. Владимир был спокоен. И выполнял все операции точно по программе. Единственное, что он сразу не смог исполнить, так это свое давнее, заветное желание—вдоволь насмотреться на Землю. Еще до полета он испытывал мальчишеское нетерпение—посмотреть, какая она, планета, сверху. Хотелось заглянуть поглубже в иллюминатор, в синеватую дымку, но только через двое суток удалось ему удовлетворить

свое любопытство. В свободное время он устраивался поудобнее у иллюминатора (насколько это вообще возможно в состоянии невесомости) и смотрел на нашу, как говорил Гагарин, «маленькую, голубую планету». Убедился, что это действительно так—маленькой и такой одинокой казалась Земля в этом огромном пространстве. Картины, знакомые с детства по географической карте, проплывали внизу: вот Италия, вот Крым. Прошло еще несколько минут—Сахалин, знакомый и родной: как-никак три года жил он здесь и летал. Всего полтора часа нужно для того, чтобы облететь вокруг Земли, правда, и скорость приличная—28 000 км/час...

Владимир Ляхов продолжал:

— Когда над Россией пролетаешь, чувствуешь себя, как иголка над магнитом—тянет Родина.

Родина—это не только территория. Это и люди, среди которых живешь, язык, на котором и во сне говоришь, книги, которые читал история. Это и Ленинский комсомол, который закалил тебя, дал тебе душевную силу на пороге самостоятельной трудовой жизни. Это и партия, к многомиллионной армии бойцов которой я принадлежу. Это и семья... Во время полета я часто задумывался над тем, почему для меня воедино слились слова «Мать» и «Родина».

Меня воспитала мама—отец погиб на войне. Все, что она могла, сделала: выкормила меня, вырастила, дала возможность получить образование. А Родина... В какой другой стране мог бы я, парень из простой шахтерской семьи, исполнить три заветных желания? Я стал летчиком, летчиком-испытателем, летчиком-космонавтом! Потому для меня и неразрывны два этих слова—Родина и Мать. Потому и обрели они для меня высший смысл, слились воедино.



# ЛЮ С ВЫСОТЫ

Владимир Ляхов родился в Донбассе, в городе Антраците. Отец его приехал сюда из курского села, мать — из Воронежской области. Отец был человеком незаурядным. В родном селе одним из первых вступил в комсомол. На шахте работал бригадиром. Учился в перерывах между сменами, но самостоятельно изучил шесть языков. Как бы в дальнейшем сложилась его судьба, не начнись война?

Всего месяц-то и видел Афанасий Ляхов своего сына: ушел на фронт. Так и не довелось им больше встретиться: в 1943 году погиб отец на Курской дуге. Семья осталась на матери. Работала — из последних сил — в шахте, коногоном. Нелегким было детство будущего космонавта — таким же нелегким, как у миллионов других советских ребят. Послевоенный год, разруха...

Когда наступала весна, Володя забирался на подсохшую крышу и, укутавшись в старое пальтишко, часами смотрел, как самолеты отрабатывают замысловатые фигуры высшего пилотажа. Небо притягивало его сначала безотчетно, но постепенно родилась мечта. Немаловажную роль сыграл здесь и рассказ матери о том, что отец мечтал об авиации, пробовал поступать в Ворошиловградское авиационное училище, но не прошел комиссию.

В музее школы № 6 города Антрацита лежит сочинение ученика 9-го класса Владимира Ляхова на тему «Кем ты хочешь стать!». В нем будущий космонавт написал, словно удивляясь поставленному вопросу, что не только хочет, но обязательно станет летчиком.

— Написать-то легко, а дома я и заикнуться не мог об этом, — смеется Ляхов. — Мама считала, что мне уготовлены лавры знаменитого музыканта. Я ведь с детства играл в школьном оркестре Дома культуры — и на альте, и на кларнете, и на саксофоне. Музыку я любил, но чувствовал, что цель моей жизни не оркестр, а небо, что не смогу стать профессиональным музыкантом и добиться чего-то стоящего на этом поприще... И после окончания школы сказал, что еду в Калинин поступать в музыкальное училище, а сам — напрямик в военкомат...

Кто знает, кем стал бы Владимир Ляхов, не ослушайся он тогда матери? Может быть, известным музыкантом. Ведь и так бывает, что, ближе познакомившись с профессией, познав тонкости ремесла, обретаешь любовь на всю жизнь. Но чаще случается по-другому. Избегая неудобств, споров, идя по пути наименьшего сопротивления — так, мол, легче, привычнее, — человек однажды начинает ощущать неудовлетворенность, осознает, что занимается не своим делом, что не нашел свое призвание. Приходит расплата — жестокая и долгая. Есть люди, которые находят в себе силы изменить устоявшийся, но опостылевший ритм и уклад жизни. Другие же каждое утро с неохотой идут на свои рабочие места и, едва начав рабочий день, думают о том, чтобы он поскорее кончился. Люди эти, как правило, жалуются на свою судьбу, восклицают риторически: «Ах, если бы начать сначала!», но начинать сначала поздно, да и не хочется...

— Встречался я с такими людьми. — Ляхов постукивает пальцами по столу. — Я часто задумывался над тем, вправе ли я заранее выбирать профессию своим детям, а значит, диктовать им их собственное будущее, опираясь лишь на то, что у меня больше опыта, что я лучше знаю жизнь, основываясь на пресловутой житейской мудрости: «Плохого родителя не посоветуют». Нет! Можно, конечно, к совету прислушаться. Но, если человек начинает свою жизнь с уступки, пусть даже близким, если он уже в начале пути предаст мечту — а мечта всегда труднодостижима, — из него вырастает приспособленец или неудачник...

Владимир Ляхов нашел свое место в жизни. Об этом говорят характеристики и рекомендации, которые ему дало командование при зачислении в отряд космонавтов в 1967 году. Но до этого были три года службы на Сахалине. А мечта о космосе родилась раньше, когда Ляхов, будучи курсантом Харьковского высшего военного авиационного училища, узнал, что в космос полетел Ю. А. Гагарин — человек, биография которого мало чем отличалась от его собственной, услышал, что совсем недавно первый космонавт летал на том же МИГ-17, который осваивал Ляхов.

Кто знает, может быть, совсем рядом, вот сейчас, в ту самую минуту, когда я пишу эти строки, родился человек, который первым ступит на Марс. Знаю

точно, что и его будет мучить вопрос: «У них в жизни все так же, как и у меня. Они стали космонавтами. Почему я не смогу?» И из простого вопроса, который волновал и волнует многих людей, родится мечта и станет целью жизни, и наступит день, когда вновь раздастся команда «Старт!».

В 1967 году Владимир Ляхов был зачислен в отряд космонавтов слушателем. Начался космический этап его жизни. Летчик первого класса стал абитуриентом. Два года постигал азы космических наук, дававшихся поначалу нелегко: астронавигацию, введение в ракетную технику, астрономию и многое другое. И в 1969 году услышал долгожданное: «Зачислен в отряд космонавтов».

Началась практическая подготовка к полету. Владимир не забывал и основную профессию. Окончил Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина. Стал летчиком-испытателем. В 1975 году Ляхов готовился непосредственно к полету на космическом комплексе «Союз» — «Салют». А 25 февраля 1979 года настал и его «звездный час»...

Как видите, биография интересная, но не уникальная. Так же, как и его товарищи, ребенком перенес войну. Так же, как и они, упорно шел к своей цели, к осуществлению своей мечты. И я поймал себя на мысли, что сравниваю его биографию с биографией его же товарищей — космонавтов. Но почему не с людьми других профессий? Ответ прост.

Сегодня, говоря о космонавтах, мы подразумеваем не героев-одиночек, а большую коллектив людей, объединенных одной специальностью. Ведь говоря о геологе, мы не сравниваем его со строителем; говоря об инженере, мы и рассуждаем о людях этой профессии, а не какой-то другой. Вот и космонавтика стала для нас конкретной земной специальностью со своей спецификой, со своей романтикой. Сходство с другими профессиями налицо, но есть и серьезное отличие: если в других профессиях мы можем допустить риск, выраженный в словах «выбрал не свою специальность», то в космонавтике, как и в авиации (недаром говорят, что авиация — колыбель космонавтики), это недопустимо. Случайных людей здесь нет, сюда приходят по призванию. Призвание — право на исключительность. А в остальном космонавты такие же земные люди. Даже там, в космосе, Земля тянет их. Петру Климуку приснились грибы, и, проснувшись, он даже растерялся, когда не увидел рядом корзинки. Ляхову страстно хотелось «попробовать сальца с чесночком "да с черным хлебом"», Александр Иванчиков искренне радовался немедленному подарку — гитаре, которую в числе других грузов доставил «Прогресс». С юмором вспоминают об этом космонавты, но в этих маленьких забавных эпизодах «звездной» жизни подтекст вполне серьезный: дела человека, как и его привычки, неразрывно связаны с Землей.

— Космос начинается с Земли. И все то, что мы делаем в космосе, делается на благо нашей планеты, — говорит Владимир Афанасьевич. — Космические полеты не так часты, вот и получается, что каждый из нас немного и биолог, и химик, и медик — мы посредники между учеными и Вселенной. Поэтому нам приходится быть в курсе последних научных и технических достижений. Ведь мы сами ставим опыты в той или иной области научных исследований. Нас знакомят с гипотезами, которые после наших полетов становятся открытиями или так и остаются только предположениями.

Многое успели сделать Владимир Ляхов и Валерий Рюмин на борту орбитальной станции «Салют». Работали, что называется, не покладая рук. Как-то в начале полета, во время разговора с оператором Ляхов спросил: «Здесь в программе записано «Активный отдых». Что это такое?! И когда объяснили, что это время каждый проводит по своему усмотрению, экипаж успокоился: «Значит, можно работать...»

Имена Ляхова и Рюмина внесены в книгу рекордов, как имена участников самого продолжительного космического полета. И это не только рекорд по времени пребывания в космическом пространстве в состоянии невесомости, это и рекорд по продолжительности производственного труда. Полгода — этого времени достаточно для того, чтобы долететь от Земли до Марса. Такие полеты — дело ближайшего будущего. Проблема психологической совместимости членов экипажа в условиях столь длительного полета приобретает особое значение. И я задаю своему собеседнику традиционный вопрос:

— Владимир Афанасьевич, а за полгода вы друг другу не надоели?

— Вопрос этот — все об этом спрашивают — для меня непонятен. Но попытаюсь ответить. На нас, советских космонавтов, смотрел весь мир, смотрел, что и как мы делаем. У нас была огромная программа, которую мы должны были выполнить, и мы понимали, какое дело нам поручено. А теперь ответьте вы мне — было ли у нас время, чтобы думать о пустяках? А потом, как два нормальных человека могут друг другу надоеть?

Программа действительно была колоссальная: проведены работы по ремонту двигательной установки, заменен ряд приборов. Но не надо думать, что экипаж корабля — только «ремонтная бригада». Одновременно проводились эксперименты, наблюдения за Землей. С первого же дня на борт станции перенесли из «Союза» биотермы с семенами лука и огурцов, плодовыми мушками-дрозофилами и другими объектами для опытов и наблюдений. Произвели посадку арабидопсиса — карликового дерева. В печи, прибывшей с «Прогрессом-5», вырастили кристаллы, выполнили космические плавки. Космонавты занимались замером светимости звезд, и по данным этих измерений были определены степень загрязненности атмосферы и другие ее параметры. Фотографировали земную поверхность. Многие сделано и для народного хозяйства. Сфотографированы несколько горных массивов, и с помощью этих фотографий геологам удалось нанести на карту новые линии разломов земной коры, вдоль которых концентрируются обычно залежи полезных ископаемых. Наблюдала также за движением ледников. Сколько лавин было предотвращено, сколько селевых потоков остановлено благодаря этому!

После прибытия на Землю, на пресс-конференции, посвященной 175-дневной космической экспедиции, были названы цифры, которые лучше всяких слов говорят о проделанной работе: «... За время работы товарищи В. Ляхов и В. Рюмин разгрузили три автоматических грузовых корабля «Прогресс» и беспилотный корабль «Союз-34». Суммарное количество грузов, доставленных на станцию во время этой длительной экспедиции, составило 4538 килограммов, получено более шести тысяч снимков земной поверхности и акватории Мирового океана общей площадью около 100 миллионов кв. километров...»

Владимир Афанасьевич берет в руку гитару, поглаживает ее:

— Сам-то я не играю — это сына гитара. Да вот нет его, и совсем она запылелась.

— А где он?

— Поступил в Кировоградское авиационное училище гражданской авиации. Решил, что тоже летчиком будет, но ... гражданским. — Ляхов смотрит в окно. По стеклу бегут мелкие ручейки воды. — Именно в космосе, когда смотришь на Землю, начинаешь отчетливо понимать, как мало бережем мы природу. И сегодня старое присловье, что человеку нужно за свою жизнь посадить одно дерево, уже не подходит. Нужно посадить десяток, а может быть, сотню деревьев каждому, чтобы восполнить те потери, которые понесла природа. Вот существует же международная конвенция о запрещении засорения космического пространства, а у себя дома никак не можем договориться... О многом задумываешься там, вдали от Земли. Необходимо беречь нашу планету, ведь она так мала, что разрушить ее ничего не стоит... Как радовались мы с Валерием, когда узнали о начале переговоров об ОСВ-2! Мир надо беречь... — Ляхов снова смотрит в окно, чертит пальцем по мокрому стеклу. — А все-таки странное создание — человек. Все ему мало. Вот сейчас думаю о том, что дождь идет, погода противная, слякоть. А тогда, плавая в невесомости, среди стен, окрашенных в зеленый цвет, мечтал — вот бы под дождичек попасть, по мокрому лесу побродить. Точно так же в конце полета думал, скорей бы на Землю, чтобы не на эти восходо-закаты фантастические смотреть, а на наши земные, когда над рекой туман плывет и солнце тихо-тихо над водой поднимается. Но вернулся — и «Салют» наш по ночам снится, звезды и Земля наша — голубой шарик. Снова летать хочется. И летаю во сне, как в детстве.

Мы прощаемся. Я спускаюсь вниз, выхожу на улицу и, остановившись у памятника Юрию Гагарину, вспоминаю слова Ляхова: «Именно сюда, к памятнику этого человека, мы всегда кладем цветы, когда возвращаемся из полета».



# СОКОЛОВЫЕ: ЭТЮД В СВЕТАХ ТОНАХ

Раиса ЩЕРБАКОВА

**К** Соколовым меня в свое время привело письмо. Скорее это была коротенькая записка, где автор, человек явно равнодушный, просил рассказать о судьбе художника Германа Соколова. «Это непростая история. Поверьте, жизнь его может послужить вдохновляющим примером для многих», — писал он под впечатлением пейзажей, которые экспонировались в Выставочном зале ТАССР в Казани. Оставив дела, я поехала на выставку.

Даже несведущего в живописи человека могли поразить мастерство и профессиональная техника художника-самоучки. Акварели Соколова, тонкие, прозрачные, написанные чудо как хорошо, невольно волновали. Было в них что-то очень искреннее, идущее от детского первозданного восхищения природой. Причем и тревожные мотивы: лес и поле перед грозой, осенняя распутица, застывший иссиня-багровый закат, — следы душевных бурь художника, — даже эти мотивы

говорили и, как мне показалось, буквально кричали о страстном жизнелюбии автора. Скорее всего именно это начало в творчестве художника заставляло вновь и вновь возвращаться к его работам и пристально вглядываться в них, изумляться откровению и щедрости автора. Человека, к которому судьба, природа отнеслись далеко не щедро.

Решение рассказать о Германе Соколове пришло не сразу. Один мой хороший знакомый, художник и журналист, как-то сказал:

— Творчество Соколова... это как упрек всем нам. Это подвиг, иначе не скажешь. Сколько ни собирался написать о нем, не могу... Больно...

Коллеги по перу осторожно отговаривали:

— Ну расскажешь, что Соколов держит кисть пальцами ноги. А что дальше?..

Художник парализован и практически нем с детства. В его творчестве больше крови, пота и боли, физической, душевной, всякой. Но не об этом хочется рассказать. Случаются встречи, когда мир открывается в какой-то первозданной остроте ощущений, когда заново открываешь смысл многих устоявшихся понятий.

...Впервые я пошла к Соколовым, чтобы посмотреть домашнюю коллекцию его пейзажей, познакомиться ближе. И не обманулась в своем ожидании увидеть необычно яркую творческую личность. Физическое несовершенство самого художника не воспринималось как несчастье семьи Соколовых, как не показалось подвигом и то, что Герман живет, работает, создает свои картины. Нет, я далека от мысли давать идиллическую картину безмятежного семейного вечера, на который попала невзначай для хозяев. Больше всего боюсь сфальшивить, показаться эдаким бодреньким репортером... Был наспех, но изысканно сервированный чай, готовя который Соколовы исподволь приглядывались ко мне. Разговор, на первый взгляд непосредственный, но все же настороженный. Я понимала, что приход всякого незнакомого человека для них — событие, и потому ни о каком откровении со стороны хозяев не помышляла. Все было вежливо, предупредительно. А я боялась неосторожно коснуться чужой боли. И наше общение поначалу не клеилось.

Некоторую неестественность вечера, мою неуверенность «излечил» сам Герман: показал, как работает. Потом

стали вспоминать детство сына, первые его карандашные рисунки, наброски и акварели. Смешные и курьезные случаи из семейной жизни, увлечения, книги, поездки... Заговорили о своей мечте — съездить на море, чтоб Герман, наконец, увидел его красоту («часами, как зачарованный, любуется Айвазовским»).

...За разговором незаметно опускаются сумерки. Всеволод Всеволодович, отец Германа, приносит огромную папку с его работами, включает лампу. Он неторопливо отбирает для просмотра отдельные пейзажи, и по тому, как Галина Александровна просит показать ту или иную, удачную, на ее взгляд, работу, я понимаю, как дорого и знакомо им каждое творение сына.

Герман — пейзажист, прекрасно овладевший техникой акварельной живописи. Писать ему приходится «по кусочкам», закрывая написанные и чистые места плотной бумагой, чтобы нечаянно не запачкать. Мышцы не всегда слушаются, с годами это дается все трудней. А пишет Герман, что всего поразительней, в основном по памяти. Когда родители были моложе, они часто вывозили его на этюды. Сейчас это почти невозможно. Но цепкая, в

# ГОДОВ ДОРОЖНЫЕ СТОЛБЫ

ВОСПОМИНАНИЯ  
О КОНСТАНТИНЕ  
СИМОНЕ

## Первая отдельная квартира

Я понимаю, что рассказ о том, как мы попали в отдельную квартиру, теперь неактуален и ничем не примечателен для современного читателя. Но мне этот эпизод запомнился на всю жизнь, да и Симон любил его вспоминать.

В поэме «Пять страниц» есть строки:

*Может, просто нам тесно?  
Но семь с половиною метров,  
Если все хорошо,—  
разве этого мало для двух?*

Хотя поэма нарочито отделена от судьбы автора и использован немудреный прием — найденные случайно чужие письма, метраж симоновской жилплощади того периода, который для его друзей в знакомых деталях отчетливо проступал сквозь условные обстоятельства поэмы, был назван точно — семь с половиною метров.

В поэме «Первая любовь» присутствуют «мужские уютные углы», а «метраж» все тот же — семь с половиною метров:

*Весь этот мир, в длину и ширину  
Давно измеренный тремя шагами...*

В поэме «Иван да Марья», что называется, во первых строках, описывается общежитие начсостава в монастыре:

*...где я, позвольте представиться,  
Жил в соседней келье направо  
С мамой, с папой, в маленькой комнате...*

Я мог бы еще цитировать, но, пожалуй, достаточно приведенных строк, чтоб точнейшим способом — при помощи стихов — вспомнить, что Симон вырос в коммунальных квартирах, впрочем, как все его сверстники.

Нет, не все! Один юноша из нашей компании — артист Владимир Дыховичный (он начинал, как артист, читал с эстрады наши стихи, а потом сам увлекся сочинительством, особенно преуспел в комедийной драматургии; одна из пьес написана им в соавторстве с Симоновым) имел отдельную квартиру. Уточню: квартира принадлежала его отцу — архитектору. Строительством в Москве тридцатых годов только начиналось, возведение каждого дома становилось событием. Возникло несколько кооперативных домов — может быть, два-три на всю столицу.

При всей исключительности таких событий существовала традиция: архитектор получал отдельную квартиру в возведенном по его проекту доме. Дыховичный приглашал товарищей в родительские хоромы, но тогдашние молодые люди были народ занятой, визит все откладывался.

Однажды Дыховичный собрался на гастроли, родители его уехали за город, а Симонову и мне была вручена целая связка ключей: нам предоставлялась невероятная возможность пожить три дня в отдельной квартире. Не скрою, старшие Дыховичные не хотели оставлять квартиру без присмотра: как всегда бывает летом, возникли фольклорные истории о ворах-домушниках, особо интересующихся отдельными и уж, разумеется, кооперативными квартирами. К тому же в квартире оставалась кошка, ее надо было кормить.

Проводив Дыховичного на Курский вокзал, гордые оказанным доверием, мы отправились в Большой Харитоньевский переулок, отомкнули солидную, тяжелую дверь и вошли в переднюю.

Симон отразился в большом зеркале, долго причесывался и рассматривал себя так, словно видел впервые этого тощего подростка в серой кепочке, в рубашке с расстегнутым воротом.

«Начнем с экскурсии», — сказал он деловито. — Мы должны принять квартиру в свое владение на весь срок отсутствия хозяев».

Должен признаться, что я с тех дней, с тысяча девятьсот тридцать пятого года, ни разу не заходил опять в Харитоньевский. Вполне возможно, что в последующие времена квартира Дыховичных не произвела бы на нас никакого впечатления.

Но тогда...

То была первая квартира, отдельная, построенная архитектором для себя и отданная в наше распоряжение, если не во владение на пятницу, субботу и воскресенье!

Большое зеркало увеличивало размеры передней или прихожей — мы еще не определили, как ее называть.

Стеклянная двустворчатая дверь вела в столовую, широкий коридор уходил направо — там были еще двери.

Столовая! Наверное, это была вовсе не огромная комната. Сейчас вспоминаю, что весь ее центр был отдан овальному обеденному столу, к которому довольно близко примыкал сервант, стулья теснились у стен. Больше ничего не умещалось и не могло уместиться в той комнате, но нам она показалась огромным бальным залом. Может быть, содействовала рождению такого впечатления старинная, очень изящная люстра в виде нежно светящейся фарфоровой вазы, обрамленной хрустальными подвесками на золоченых крючках.

— Мы не будем здесь питаться, — решил Симон. — Еще позарапаем стол, чего доброго, раскокаем что-либо из посуды. Я заметил, что и на кухне вполне уютно.

Кабинет! Предполагаю, что это тоже была достаточно скромная комнатка: письменный стол, книжный шкаф темного дерева, два кожаных кресла и диковинное приспособление, кажется, именуемое кульманом.

Симон особо внимательно осмотрел кабинет, потрогал дверцы книжного шкафа и убедился, что он заперт.

— Дыховичные совершенно правильные старики! — весело сказал он. — Товарищей сына рискованно пускать в кабинет. Когда у меня будет свой кабинет, туда никому не будет ходу. Но если и оставлять кабинет открытым, то уж книжные шкафы непременно надо замыкать. Я уже вижу, как ты жадно разглядываешь золотые корешки энциклопедии Брокгауза и Ефрона и, если бы шкаф был открыт, ты бы занялся круглосуточным повышением своих энциклопедических знаний. Теперь давай установим порядок пользования кабинетом. Один будет работать за этим столом по ночам, другой — днем. Выбор — по жребию. Вот пятак. Орел или решка? Орел — ночь, решка — день. Бросай первым. Решка. День твой, ночь моя.

Симон с юношеской поры был невероятно деловит, что называется, организован, и очень хотелось ему всегда быть справедливым, хотя и не всегда удавалось. Не раз решение того или иного вопроса доверялось жребию. Например, когда — несколько позже описываемого выше случая — мы отправились в Баку и переводили стихи для антологии азербайджанской поэзии, дело это было коллективное: жили в одном номере, переводили «на пару». У нас в руках оказались разные подстрочники — и классика и современные авторы, примерно в равных количествах. Когда работа

была завершена, Симон предложил не подписывать двумя фамилиями, чтоб не задавать загадок, чей вклад больше, а разыграть при помощи монеты, кому подписываться под переводом классиков, а кому — современников. Классики — орел, современники — решка. Орел достался Симонову...

Решив проблему использования кабинета, мы вступили в спальню. Наше поколение выросло (говорят, что во сне растут!) на раскладушках и койках, на старых диванах и матрацах со сбитым конским волосом.

Спальня Дыховичных была, а может быть, только казалась нам, чем-то вроде опочивальни императора. Огромная двуспальная кровать из карельской березы занимала все пространство! Между кроватью и стенами с двух сторон едва втискивались тумбочки. К этому гарнитуру принадлежал и платяной шкаф, но он в спальню комнату не умещался и расправил свои «плечи» в коридоре.

Впервые в жизни нам предстояло возлежать на ложе из карельской березы. Но использовать хозяйское одеяло и простыни мы не решились, пообещали друг другу, что принесем свои собственные, но ходить за ними было недосуг, поэтому первую ночь мы спали прямо на матраце, правда, не пожалев подушек.

В коммунальных, где мы дожили до этого роскошного дня, были, конечно, ванне комнаты, но использовались они преимущественно для стирки, причем согласно определенному графику, а что касается купания, то оно ограничивалось душем. Добывание горячей воды усложнялось тем, что колонки были преимущественно дровяные, требовали и времени и умения, поэтому мы предпочитали ходить в душевой павильон, стоявший на Гоголевском бульваре как раз между моим материнским домом и Главным политическим управлением Красной Армии...

Мы и в этой первой в нашей жизни отдельной квартире со всеми удобствами по привычке каждый день принимали душ, не решаясь попользоваться фарфоровой (конечно, она казалась нам фарфоровой!) ванной.

Незабываемые, волшебные дни! Три дня сказки!

Мы так старательно стерегли квартиру Дыховичных, что и на улицу-то выходили по очереди — покупали молоко для кошки, хлеб и немудреный провиант для себя. Варить и жарить нам не хотелось, питались по-студенчески — всухомятку. Впрочем, на кухне (почему-то на полу) была обнаружена алюминиевая кастрюля, наполненная до краев.

Разогрели, Симон попробовал, сказал, что суп великолепен. Правда, когда пришло время откусывать, в кастрюле был обнаружен клочок газеты, небольшой и совсем раскисший, можно сказать, сварившийся.

На третий день к вечеру вернулись с дачи хозяева квартиры. Мама Дыховичного очень хвалила нас за аккуратность. Такие хорошие у Володи товарищи! Все содержали в порядке, на кухне мыли посуду, а помой, которые она забыла в кастрюле на полу, убрали и кастрюлю вычистили.

В 1942 году Симон впервые получил квартиру в доме 25 на Ленинградском шоссе. Я как раз приезжал тогда на побывку в Москву и оказался на новоселье. Симон в одном из тостов вспомнил наши первые три дня в отдельной квартире:

— Такого вкусного супа мне больше есть не приходилось!

## Выбор имени «парню из нашего города»

Большая и неуловимая писательская дача в поселке Переделькино была несколько перестроена, разгорожена на клетушки и названа Домом творчества. Особой популярностью тогда дома творчества еще не пользовались, и мы без унижений получили путевки, поселились в соседних комнатах и засели за сочинение пьес. Поскольку задуманы были пьесы о войне, в самом начале работы мы провели деловое совещание, на котором распределили зоны влияния.

Дело в том, что главным героем еще не написанных пьес должен был стать человек нашего поколения, то есть выросший в советское время и оказавшийся на войне. За плечами Симонова были Халкин-гол и освободительный поход в Западную Белоруссию, а за моими — тот же поход и война с белофиннами. Мы рассказали друг другу столько об увиденном да и вместе повидали так много нового и неожиданного, что возникла опасность появления схожих ситуаций в будущих пьесах.

Рассказали друг другу замысел, и Симон со свойственной ему практичностью определил:

— Мой герой — кадровый командир, посвятивший себя с юности военному делу, гарнизонной жизни, училищу, выполнению заданий командования. А твой герой — штатский-прештатский, гражданин, которому придется надевать шинель, что-

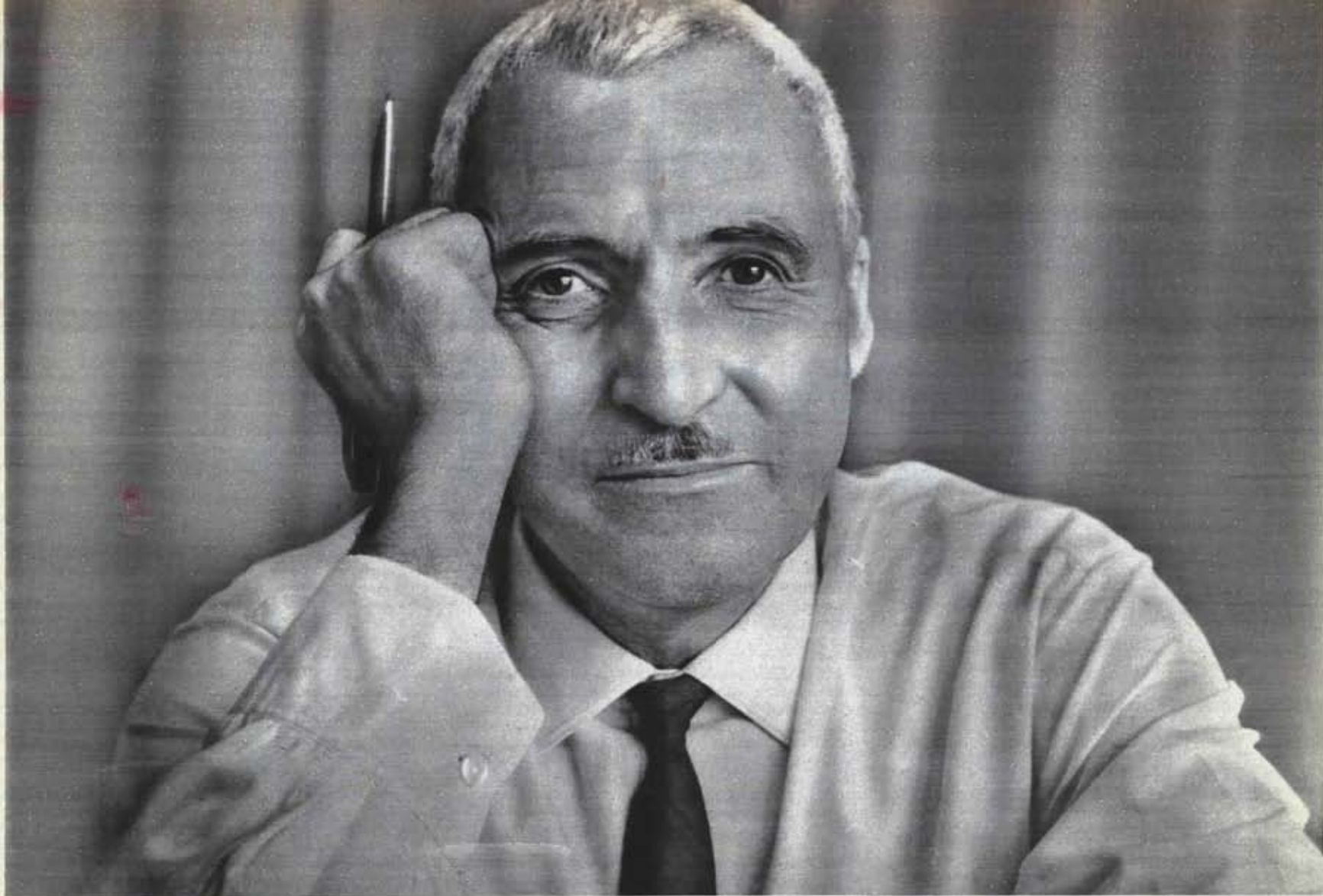


Фото Евгения Халдея

бы после окончания военных действий снова ходить в пиджачке. Это совершенно разные персонажи. Поскольку фон у нас может оказаться одинаковым (скажем, та осень, которую мы видели при походе в Западную Белоруссию), важно, чтоб герои были разные. Я беру себе кадрового военного героя, а ты уж веди линию приписного штатского.

Меня вполне устраивало такое распределение, мне был интересен именно штатский герой. У Симонова, выросшего в семье военного, был иной кумир.

Мы пришли к соглашению и засели за работу. Работали не вставая с рассвета часов до семи, а потом шли к Александру Афиногенову играть в «маджонг» (сейчас увлечение этой игрой прошло; смутно помню это китайское, красиво разрисованное лото, кубики из слоновой кости...). Играл Симонов вдумчиво, как говорят шахматисты, в комбинационном стиле. Но это была единственная игра, за которой я его видел. Он считал игры пустым времяпрепровождением, а если включался в игру, то рассматривал ее как ребенок модель: как ходят фигуры, в чем секрет победы. С Афиногеновым, который был немного старше нас, но уже в ту пору стал знаменитым драматургом, мы подружились легко и случайно. У него был (в ту пору редкость!) малолитражный автомобиль, он однажды подвез нас из Дома творчества в Москву, пригласил заглянуть на чаек, отсюда и пошли почти ежевечерние встречи.

При одном из чаепитий Симонов довольно подробно и обстоятельно изложил фабулу своей пьесы. Афиногенов был в восторге:

— Костя, ты сам не понимаешь, какая будет пьеса: еще никто не вывел на сцену война наших дней. Были люди гражданской войны, была «Слава» Виктора Гусева, была условная война в «Последнем решительном» Всеволода Вишневского. Но Испания, Халкин-гол! Это удивительно!

Заговорили о главном герое. Симонов прочитал стихи, которые мне и тогда казались и теперь видятся как замечательные, из книги «Соседям по юрте».

Еще до Великой Отечественной Симонов напечатал эту вещь, назвав ее главами из поэмы «Родина». В собрании сочинений она — в разделе поэм и называется «Далеко на Востоке». Я считал еще тогда и уверенно утверждаю ныне, что главы из поэмы «Родина» — образец военно-патриотической поэзии.

А что касается творчества самого Симонова, то в

этой поэме уже тогда был заложен образ всех будущих героев стихов, поэм, романов, пьес и очерков: кадрового командира, «военной косточки». Таких людей искал и находил Симонов на Великой Отечественной, влюбленно писал о них.

В главах из поэмы «Родина» герой-танкист назван Денисовым. Афиногенов, прослушав стихи, предложил и в пьесе сохранить фамилию. Но Симонов опасался, не возникнет ли у читателя по ассоциации и в связи с недавно опубликованными его историческими поэмами неожиданно и некстати образ Дениса Давыдова.

— Ну, хорошо, а какое имя вы дали «парню из нашего города»?

— Сергей.

— Есть еще фамилии у действующих лиц или только имена?

— Есть. Но Сергей пока без фамилии. Никак не придумывается.

— Можно оставить другим героям только имена?

— Было бы можно, но теперь я привык к тем, кто с фамилиями.

— Тогда будем искать фамилию для Сергея.

В крещении героя участвовала жена Афиногенова — американка Джени. Она с очень милым акцентом утверждала, что фамилия танкиста должна быть Иванов — самая обобщающая русская фамилия.

Афиногенов неожиданно спросил Симонова, какая фамилия ему вообще нравится:

— Ну, скажем, если вы бы были не Симонов, какую фамилию вы бы не возражали носить?

Симонов, не задумываясь, ответил:

— Луконин!

Михаил Луконин был моложе нас года на три, но принадлежал почему-то к другому поколению. Впрочем, это не мы, а критики так считали. Для нас же он был славным товарищем, близким человеком. Особенно полюбил его Симонов, когда Михаил вернулся из лыжного батальона, возмужавший, посуровевший, замкнутый.

— Луконин? — переспросил Афиногенов. — Есть, кажется, такой начинающий поэт? Что ж, отменная фамилия для героя. Я думаю, и молодому поэту будет лестно, что герой пьесы и военный герой — его однофамилец.

На том и порешили. Майор-танкист Сергей Луконин начал свою жизнь на страницах будущей пьесы.

Когда «Парень из нашего города» уже репетировался в Театре Ленинского комсомола, Михаил

Луконин прослышал, что в пьесе фигурирует его однофамилец.

Произошло нечто неожиданное: Михаилу Луконину использование его фамилии показалось обидным, а выбор Симонова — просто нетоварищеским поступком.

— Неужели ты не мог поставить в список действующих лиц любую другую фамилию?! А если я напишу пьесу о футболистах и дам главному герою, центр-форварду фамилию Симонов? И все будет говорить: вот поэт Симонов, однофамилец футболиста из пьесы!

Я убеждал Мишу, что ничего страшного не произошло, в конце концов не все же население побывает в Театре Ленинского комсомола... Но он был абсолютно уверен, что пьеса «Парень из нашего города» станет всесоюзно знаменитой, и оказался прав!

Конфликт в общем-то был улажен, до ссоры не дошло, но горечь осталась... И кажется, и у Симонова и у Луконина... У Луконина — из гордости, у Симонова — из-за неожиданности ситуации.

Лет через двадцать Симонов, Луконин и я оказались в Киеве на днях литературы РСФСР. При первой же встрече с украинскими писателями мы с Лукониным оказались свидетелями вот какого эпизода: к Симонову подошел наш общий знакомый писатель Леонид Серпилин и завел такой разговор:

— Говорят, моя фамилия очень вам понравилась? Но вы могли бы спросить меня, хочу ли я быть однофамильцем вашего героя. А я, представьте, против!

Симонов очень смутился. Его ответ был, скажем прямо, недостаточно убедительным:

— А вот писатель Ваганов (был такой поэт и драматург) даже благодарил меня за то, что его фамилия фигурирует в «Истории одной любви»...

Луконина эта беседа невероятно развеселила:

— Вот мы объединимся и сочиним протест! Кстати, в «Истории одной любви» есть среди действующих лиц Марков, в «Русских людях» — Сафонов и Глоба, есть еще Козловский, он же Василенко, а в «Парне» — Гулиашивили, почти что Гулиа. Теперь уже ясно, что ты беззащитно черпаешь фамилии для своих героев из списка Союза писателей. А работнику Союза Басаргину особенно повезло: он и в твоём «Дыме отечества» и у Паустовского в «Рождении моря» завел себе однофамильца!

Вечером, за ужином, Луконин подтрунивал над Симоновым:

— У тебя в романе, кажется, намечаются образы

двух молоденьких медсестер? Могут предложить их имена и фамилии: Анна Караваева и Мариэтта Шагинян...

### Выездные сессии дружбы

Москва была рабочим местом Константина Симонова. Уже немало рассказано о строгом дневном распорядке, о том, что все его двадцать четыре часа были загружены не только (но обязательно и непременно) собственными сочинениями, но и еще работами государственного и общественного характера, чтением книг и чужих рукописей, ответами на письма и обращения, деловыми встречами, заседаниями, совещаниями (не всегда необходимыми, но приобретающими благодаря его участию и значительность и смысл) и т. д. и т. п.

Не оставалось времени не только на отдых.

Почти не оставалось времени на дружбу.

Она в московских условиях тоже превращалась в некое общение, деловитое и торопливое, с записками, принятием решений, телефонными звонками, параллельной диктовкой писем кому-то и прошений о ком-то. Вот и наши встречи превратились в подобие каких-то совещаний.

Лишь где-то в финале встречи, время и продолжительность которой были определены заранее, какие-нибудь десять минут уделялись пустому и малозначащему, такому необходимому и важному, шутовскому и ласковому разговору.

В последние годы его жизни кое-что изменилось, образовалось время для встреч, лишенных программы, пропорции деловых разговоров и просто дружеских бесед переменялись местами. Но я говорю о всей жизни, годах, вероятно, о сорока, когда без пауз работал этот могучий человек-мотор.

Ну, а как же с дружбой? Может, ее и вовсе не было, просто накапливались материалы для мемуаров?

Нет, дружба продолжалась.

Я любовался московским Симоновым, а все же что-то раздражало в его деловитости. Но я знал: он умеет быть иным — открытым, веселым, сердечным и надо только вырваться из московского ритма, чтобы он изменился.

Не раз в круговорот московских будней врвался телефонный звонок Симонова:

— Старик, не пора ли нам без долгих сборов отправиться в путешествие?

— Конкретней... Куда?

— Решающего значения это не имеет. Хочешь, в Магадан? А может быть, в Саратов? На худой конец — поедем в Ленинград, снимем тот номер в «Астории», где жили в тридцать шестом году, и займемся воспоминаниями и планированием следующих десяти лет... Наговоримся вдоволь!

Может быть, не все эти путешествия удалось осуществить, но все же «выездные сессии» дружбы у нас проходили успешно. Они превратились в систему, в традицию.

Первая наша совместная поездка состоялась еще в пору учебы в Литературном институте, вероятно, в 1935 году. Мы отправились в бревенчатую Йошкар-Олу, марийскую столицу, которую тогда по старой памяти называли Царевококшайском, а еще чаще — Краснококшайском. Мы тогда взялись переводить коллективное сочинение марийских поэтов — «Письмо марийского народа товарищу Сталину».

На затемненном, как потом в войну, перроне нас встретил поэт Олык Ипай, определил в «Дом колхозника» и практически поселился вместе с нами: мы засели за перевод, который был бы немалым без его помощи.

Мы очень быстро и очень крепко подружились, даже условились никогда не расставаться с Ипаем. Он должен был ехать с нами в Москву, поступить в Литературный институт... К сожалению, этой дружеской программе не вышло осуществиться.

Марийские писатели самого старшего поколения и ныне вспоминают далекий приезд Симонова. Всеобщая дружба литератур народов нашей страны тогда лишь пускала первые ростки. Произошло открытие Джамбула, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадаса. Не беру на себя смелость утверждать, что мы в 1935 году сделали много, но участие в выведении марийской поэзии на всесоюзную орбиту некоторое приняла.

О том, что марийская поездка осталась памятной Симонову, сужу по тому, что его письмо ко мне из санатория (оно оказалось последним) открывается такими словами: «Все началось, как мы когда-то говорили с «долматовцами»: утром подошел ко мне седой человек и сказал, что в ящике мне лежит письмо. Письмо оказалось от тебя, а человек, сказавший о нем — ректором университета, думаю, памятной тебе Йошкар-Олы!»

Симонов не любил ездить в одиночестве. О том немало свидетельств в его стихах, хотя бы в тех, «Дорожных», что написаны в 1938—1939 годах, — там даже есть стихотворение «Тоска», или «В

командировке», где затосковавший командированный ищет товарища для встречи Нового года.

И в стихах, написанных в трансибирском экспрессе — по дороге в первый бой, на Халкин-гол, говорится: «...чтоб с ума не сойти, сдав соседям себя на поруки».

Во всех знаменитых его стихах о войне отсутствует страх перед смертью, перед огнем, но присутствует страх перед одиночеством.

Видимо, угадав это свойство Симонова, редактор «Красной звезды» старался, чтобы его любимый корреспондент не выезжал на фронт без товарища — журналиста либо фоторепортера. Правда, двух писателей редактор в одну поездку не впрягал, наверное, считая это слишком большой роскошью. Но старая, верная дружба зовёт к общим дорогам: Симонов бывал в командировках с Евгением Петровым, Борисом Горбатовым, Алексеем Сурковым.

Ему необходим был ПОПУТЧИК.

Счастливым, что не раз оказывался в этой роли.

Кстати, когда начались военные действия на Халкин-голе и пришел запрос на «одного поэта» из редакции газеты «Боевая красноармейская», мы пошли в Глазур вместе и просили сурового Л. З. Мехлиса направить в Монголию нас обоих. Армейский комиссар сперва отнесся к этой идее благосклонно, но потом выбрал одного Симонова. Зато, вернувшись, Симонов, почти транзитом миновав Москву, помчался в Западную Белоруссию, и мы воссоединились. Резкая перемена климата, резкая смена — монгольское лето и белорусская осень принесли беду: он заболел воспалением легких, впоследствии часто повторявшимся и принявшим в конце семидесятих трагический оборот.

На фронтах Великой Отечественной мы встречались в Сталинграде, на Курской дуге, в Белоруссии, в Польше и при штурме Берлина.

Симонов всегда был на войне образцовым товарищем. Мне кажется, что характер будущих героев своей прозы, новый человеческий тип воина-интеллекта, напряженно мыслящего солдата справедливого войны был первоначально выношен Симоновым для себя как некая норма личного поведения. Все лучшие черты Синцова, Серпилина да и многих эпизодических фигур уже проявились раньше — в герое и авторе стихов. Мы теперь можем проследить становление героя и по опубликованным дневникам и запискам писателя.

Прежде всего в стихах выявился и утвердился характер Симонова и та высокая роль, которую он предназначил для дружбы, товарищества, братства.

Дружба и товарищество — главная тема всех стихов Симонова. Вспоминаю стихотворение «Однополчане» 1938 года, где разговор идет о друге, пока еще незнакомом, и есть пророческие строки:

*«Под Кенигсбергом на рассвете  
Мы будем ранены вдвоем».*

В том же 1938-м году в «Дорожных стихах» рассказано о соседях по вагону, о быстро сдружившихся командированных; в цикле «Соседям по юрте» все начинается с дружбы летчика и механика, а дальше из стихотворения в стихотворение кочует местоимение «мы» — и это о товариществе.

То же можно вспомнить обо всех стихах, написанных на Великой Отечественной: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Мы не увидимся с тобой» и «Дом в Вязьме»...

Названия стихов говорят сами за себя: «Час дружбы», «Товарищ», «Смерть друга», «Был у меня хороший друг», «Далекому другу», «Дом друзей», «Умер друг у меня...», «Дружба настоящая не старится».

О некоторых наших встречах времен войны Симонов вспомнил на страницах своих дневников, писем и записок, они опубликованы, и я могу лишь засвидетельствовать достоверность его рассказа.

Упомяну лишь о встречах, не записанных Симоновым. 1944 год. Мы поселились в только что освобожденном Люблине, в квартире польского врача, человека, достойного отдельного рассказа: когда бой пришел на улицы города, наш хозяин по собственной воле перевязывал тяжело раненных красноармейцев и эвакуировал их в тыл вместе с нашими санитарями. Некоторые черты люблинского врача (при измененной национальности героя) возникли потом в героях пьесы «Под каштанами Праги».

Нас было трое — Симонов, Борис Горбатов и я, корреспонденты «Красной звезды», «Правды» и фронтовой газеты «Красная Армия».

Заняли большую комнату, затопили камин. Борис нашел колоду карт и увлекся раскладыванием пасьянса. Это было его любимое занятие, не раз вызывавшее насмешки. Он тихо разговаривал с королями, валетами и с самим собой. Симонов засел за стихи, я, кажется, тоже.

Если взглянуть со стороны, странная возникла

бы картина: трое военных что-то шепчут и бормочут — каждый сам с собой разговаривает. Один опустил глаза, а двое вздымают взор к потолку... Наше молитвенное состояние скоро было нарушено: вошел польский врач и спросил, знают ли панове о страшной, совершенно секретной фабрике, находящейся на восточной окраине города. Из трубы в течение целого дня определенными порциями выходил черный жирный дым, обладающий тошнотворным запахом. Очень страшные слухи ходят об этой фабрике, но толком никто ничего не знает...

К неудовольствию Бориса Горбатова, Симонов собрался немедленно: едем туда!

Я не буду вновь описывать Майданек — лагерь уничтожения. Есть гневное его изображение в сочинениях Симонова и Горбатова, есть фильм, опубликованы документы. Страшные склады волос казенных, груды очков и холмы детской одежды, штабеля чемоданов, меченных белой краской «Сарак», крематории и клумбы, удобренные человеческим пеплом, мы осматривали вместе. Шли потрясенные, огуленные. Взяли друг друга за руки, уже не знаю, почему. Может быть, нужна была цепь человеческого тока.

С наступлением ночи нам пришлось прервать осмотр: электричество было выключено, в одном из бароком групп оставшихся в живых полупомешанных узников, не понимающих, что они освобождены, затеплила плашки, похожие на лампы. Выносимо!

Мы вернулись в квартиру люблинского врача. Молчали. Симонов стал записывать, поднял лицо — все в слезах. Сказал:

— Подъем в шесть. Выезжаем в Майданек к семи утра. В двенадцать кончим осмотр, к пяти отпишемся и отправим статьи и снимки в редакции. Договорились? Все четко...

Следующая фронтовая встреча — завершающие дни войны.

События развивались с невероятной быстротой, сходились мы ненадолго на командном пункте генерала Чуйкова. Преимущественно глубокой ночью: там было много товарищей, тот же Борис Горбатов, Роман Кармен, Всеволод Вишневский, Тихон Хренников, Матвей Блантер...

Мы с Симоновым подружились с замкомандующим армией генералом Духановым, и он пригласил нас посетить радиостанцию Кенигсвустергаузен. Это я теперь говорю «пригласил» и «посетить», а тогда предстояло ее захватить: бой затихли, но война еще не кончилась, а радио-Берлин осталось как бы в стороне.

Экспедиция состояла из нескольких «виллисов» с автоматчиками, переводчика, грузовика — мастера армейских связистов, именуемой «техлетучкой».

С нами были композиторы Хренников и Блантер. Мы застали радиостанцию в странном состоянии. Он безмолвствовал, но вся техника была в полном порядке, что называется, на ходу. Технический персонал в белых халатах находился на службе — операторы возле аппаратов ожидали указаний. А было это уже после капитуляции, в мае...

Симонов был весел:

— Какой эпизод для пьесы! Война кончилась, Йозеф Геббельс отравился, а персонал радио все ждет, когда хромой рейхсминистр пропаганды придет произносить речь о победе!

Генерал Духанов спросил у майора-связиста, есть ли записи последних передач: человек тонкий, он понимал, что эти дни в Берлине до краев наполнены историей...

Последних записей не оказалось, и тогда генерала осенила озорная идея — пусть поэты и композиторы запишутся на берлинскую радиостудию. Это будет первая запись в новой Германии.

Симонов прочитал «Жди меня», а Блантер исполнил «Песню военных корреспондентов». К счастью, запись эта сохранилась: хотя в нынешних кинофильмах о войне звукозапись идет на магнитную ленту, мы в 1945 году на радиостанции Кенигсвустергаузен ленты не видели (была ли она тогда?): немцы записали наши голоса на большие грампластинки, одна пластинка была подарена Чуйкову, другая Духанову, а он, уже будучи в отставке, в Ленинграде отдал свой экземпляр на радио.

Наши послевоенные путешествия — это Азербайджан (четырежды), Украина (трижды), Ленинград (многократно), Грузия (трижды), Рязань... Были и зарубежные командировки. Но еще больше помню я несостоявшиеся «выездные сессии» дружбы. Раньше утром раздавался телефонный звонок:

— Есть возможность вернуться в прекрасное юное состояние. Отправимся на Дальний Восток. Начнем с Чукотки, спустимся до Посыета...

Это юное состояние души Симонова и пронес через всю свою жизнь и наполнил им свои книги.

# НА ДАЛЕКОМ НА ДАЛЕКОМ

Наконец-то на большинстве хуторов перестали хлопать, строчить, кричать, теперь там только было польханье, извергавшее дым, — петля подбиралась к центру. Безмолвный народ гнали по улицам к церкви и школе; ропот и шум на миг утихли, даже полицай не ругались, подталкивали молча, то и дело оглядываясь на клубы густого, сизого и тяжелого в утреннем воздухе дыма, который, поднимаясь стеной, закрывал горизонт со стороны хуторов; люди тоже украдкой оглядывались туда, торопливо, боясь взглянуть, может, все-таки утихло окончательно и дым остался, как напоминание, может, сейчас победители призывают народ к послушанию и распустият по домам; но в центре гудели, фыркая, ряд машин, с интервалом в три метра, солдаты стояли с оружием наперевес, перед ними зияла свежая яма; однако окончательно в расстрел никому не верилось, страшно даже думать, что смерть является вот так просто — из постели да в землю, к тому же всем селом, в поисках истины с надеждой обращались один к другому и не находили ее, но услышать ее от кого-нибудь крайне хотелось, что вот-вот прояснится, неспроста немцы и полицай молчат. Только бы развеялась неизвестность! Никому и в голову не приходило думать о своей хате, как будут возвращаться домой; если немцы и полицай потом уедут, они, казалось, навсегда останутся здесь, будут стоять единой семьей, тесно прижавшись друг к другу, огражденные стенами дыма; а в другой толпе, теснившейся в проулке со стороны Подгайцев, окруженной плотным кольцом полицаяв, царило иное настроение: здесь роптали, по крайней мере в задних рядах, переспрашивали, что намереваются учинить с теми, стоявшими возле ямы, неужели до сих пор нельзя выяснить, кто виноват, а кто нет, сколько можно так стоять. Но и тут отгоняли мысль о смерти, она представлялась слишком дикой и непонятной: какая смерть? За что? Стрелять в детей? Они-то при чем? Это волновало и толпу, ожидавшую на улице со стороны Высочного, и ту, что на пустыре, возле школы, и ту, что со стороны вьезда; немцы же, похоже, и не соображали ничего выяснять; кто-то там махнул рукой, машины взревели, словно бешеные, и в этом реве потрескивание автоматов воспринималось невинным занятием, словно горят тоненькие и сухие дровишки; даже единогласный вопль потонул в том реве; и началась собственно акция.

Андрян Никонович Поливода тоже не ожидал такой развязки. Машины въехали в село, едва забрезжил рассвет, он вышел из хаты, увидел эсэсовцев и полицаяв и понял, что опоздал. Рауха обошли, теперь ясно, почему он не сообщил о числе. И они: староста, Окунь и Орлик — не выйдут уже встречать карательную экспедицию во главе смиренного села. Они и списки приготовили самых ненадежных, и другие списки — собранных даров, и еще один — уже расстрелянных и тех, кого, связав, заперли в школе под охраной, чтобы потом передать в руки правосудия. Нет, не удалось спасти Залесы от расправы, каратели прибыли, не уйти отсюда ни одной живой души, и все сгорит до колышка; погибнет теперь село, и ему, Поливоде, делать здесь будет нечего, махнуть ему на старости по миру, не изведать ему испуганного уважения за спасенное село, ведь нынче, если кто и останется в живых, тебя, староста, сожгут, убьют или зарежут, еще, гляди, и эти, не раздумывая, расстреляют за компанию с другими. Вот тебе и староста, довел село до гибели.

И все же, пересилив дурную слабость в ногах, Андрян Никонович побрел к легковому автомобилю; его серый брезентовый верх был откинут, а на нем, невольно бросилось в глаза, расплылись темные пятна — следы росы; в автомобиле сидели несколько человек, самого высокого начальника выделил безошибочно, хотя тот и был одет в гражданское, — среди водителя, охраны и еще двух неизвестных, которых, скорее всего, привезли на расстрел, узнать его не составляло труда.

— Староста села Залесы, — представляясь, старался, чтобы в голосе не отразился страх, волнение, чтобы голос невольно не прозвучал льстивым, угодническим: что заслужил, то и получишь, зачем теперь плакать?

Зельсманн, сидя спокойно, измерил его взглядом, посмотрел прямо в глаза, увидеть в его взгляде Поливода ничего не смог, одно спокойствие, несколько не проявляющее ситуацию.

— Староста? Это хорошо, — сказал погода Зельсманн, застегивая верхнюю пуговицу на плаще; немного помолчав, снова обратился к Поливоде.

— Догадываетесь, с какой целью прибыли?

— Да уж догадываюсь, — невольно вздохнул Андрян Никонович.

— Жаль?

— Мы люди подневольные, — снова вздохнул Андрян Никонович, — как прикажете, вам видней.

— Ну, мы сверху тоже видим плохо, вам здесь, на месте куда видней, — широко улыбнулся Зельсманн.

И тогда Андрян Никонович неторопливо, пытаясь говорить внятно, выложил свой план, какие у них имелись намерения, выложил, не выдавая Рауха, он вовсе не предлагал, не советовал, как лучше следовало бы поступить, сообщал только факты, — намеревались сделать так-то и так-то, и передал списки.

— Похвально, — оценил Зельсманн, перелистав списки, — план вполне приличный. Вот если бы к этому додумались во всех селах, наверняка хлопот бы поубавилось. И крови. Для остальных районов круговая порука — самый лучший метод. Слышите, Михайлич? — Зельсманн повернулся к арестантам. Поливода посмотрел следом и узнал Володьку Михайлича, долго же тот в сорок первом шлялся по Залесам, пока не поволочился в партизаны и не стал комиссарить, а теперь, видишь, из-за таких, как он, света... — Круговая порука, — продолжал Зельсманн, — спасая себя как единый организм, село отсекает загнанные части. Сообща! И потом неизбежно ищет у нас защиты от партизан. Такие-то дела, Михайлич. Этот староста имел шанс спасти Залесы, я прекрасно понимаю его мотивы. Но село, к сожалению, погибнет. Теперь, Михайлич, будем считать, что погибнет оно исключительно из-за вас.

На заднем сиденье автомобиля никто не шевельнулся, и у Поливода вспыхнула в душе такая злость, что сейчас он готов был оттолкнуть Зельсманна и охрану, лишь бы вцепиться Михайличу в горло, задавить, растоптать, козь вовремя не подсказал Зиньку, Орлику или Окуню убрать этого Михайлича, стереть с лица земли, смешать с грязью. Но сдержался, наклонив голову, смотрел себе под ноги.

— Хорошо. Не жалейте. Даром не пропадает, — успокоил Зельсманн. — За службу благодарю. То, что настроили должным образом своих людей, правильно. Будут помогать. Работа предстоит большая.

Андрян Никонович малость успокоился. В конце концов почему это мне пришлось в голову все переизначать, им там, наверху, видней, что и как. Мое дело маленькое — исполнять точно указания. Коль решили так, значит, так и надо. На Рауха понадеялся, обеспеченной старости захотелось, чтобы без лишнего хлопот. Но все по-другому вытанцевалось. А злиться надобно на самого себя: не лезь, как говорится, впереди батьки в пекло. Этот, из Бреста, хоть и благодарит за службу, но радость невелика: сам, видимо, что-то недомоговал.

— Вам, Поливода, тоже предстоит поработать, — вывел его из задумчивости голос Зельсманна. — Я прикинул и решил пойти навстречу вашему хорошему начинанию. Действительно, с какой стати село должно из-за кого-то умирать? Сделаем так. Операция на хуторах идет, остановить ее невозможно. Кто виноват, а кто нет — на том свете встретятся и выяснят между собой. Хотя должен, пан Поливода, оговориться: виноваты все, в том числе и вы. Разве справедливо винить только тех, кто в партизаны пошел? Или кто кусок хлеба им давал? А сосед куда смотрел? То-то и оно! Но сделаем скидку на забитость вольнского мужика: моя хата, мол, с краю. Ну, крайние хаты, предположим, горят! — засмеялся Зельсманн, — думать поздно. Но все-таки сделаем скидку на забитость вольнского крестьянина, тех, кого еще не коснулась господня десница. Так вот, пан Поливода. Народ будет сгонять сюда, в центр, видите, парни уже ров размечают. Попытайтесь все же помочь землякам. Возьмите несколько своих людей, обойдите по крайней мере ближайшие хаты. И передайте следующее: кто появится с белой повязкой на рукаве — знак признания немецкой власти, — он и его семья может рассчитывать на помилование. Понятно? С белой повязкой! Много вам сейчас не успеть, первую партию все равно расстреляем в порядке предупреждения, назначения наследникам, а другим группам можете объявить: белая повязка на рукаве, на левом или на правом — значения не имеет. Понятно? Таким образом, вам останется кем управлять, и это также будет служить круговой порукой, как и ваш план. Собственно, операцию отменить нельзя, она расписана по нотам и минутам, она неотвратима, как судьба. Тем, кто в списках, пощады, безусловно, никакой, все абсолютно справедливо. Согласны? Действуйте!

— Мюллер! — затем негромко позвал Зельсманн, и к машине подбежал офицер. — Давайте сигнал и начинайте. Зашитела, взлетая в небо, ракета, но Андрян Никонович продолжал стоять на месте.

— Но ведь, пан...

— ...полковник, — подбодрил Зельсманн.

— Но ведь, извините, пан полковник, — никак не мог выразить мысль Поливода, — эта белая повязка... все напялят, иной для видимости, откуда нам известны все подпольщики и активисты, да еще и те, кто пособляет партизанам? Им что: напялят для видимости, а потом снова за свое?

— Не беспокойтесь. Это уже наши заботы. Ваше дело — довести до сведения: белая повязка на рукаве — пропуск в этот мир, потому что для меня в данный момент Залесы — мертвые.

Такой развязки Андрян Никонович Поливода и вовсе не ожидал. «Может, это я к старости сделался таким тупым, — думал он, никак не решаясь тронуться с места. — И почему-то стою, когда задание ясно. Как ясно? То собираются всех расстрелявать, то белая повязка... Если уж всех, значит, всех, а потом пусть действительно на том свете выясняют между собой. А он возьмет да расколет мне сегодня село на мертвых и живых, и за свой страх, за испуг, за унижение живые из тех белых повязок сошьют веревочку — что будь здоров, всю семью выдержит. А ему что? Он сидит и укатит.

И все же мое дело — исполнять! Леший его знает, пусть они сами голову ломают. Я не знаю, почему солнце всходит каждое утро, но знаю, что оно есть и взойдет, зачем тогда мудрствовать? Исполнять!»

— Своих родственников тоже не забудьте предупредить! — крикнул вслед ему Зельсманн.

Светало быстро, Андрян Никонович не успел заметить, как утро сменялось днем. На хуторах гремели выстрелы и плыл дым. Полицай, рывшие большой прямоугольный ров — страсть, как много их согнали, — спрятались почти по пояс. А ему кажется, будто стоит здесь сутки.

— Пошли со мной, — приказал Поливода своим залесским полицаям. Уцелев в мае, они просидели лето дома, ни во что не вмешиваясь, каждый занят собой, такие же лодыри, как и их командант, поди, и винтовки поржавели, зачем, скажи, таких в полицай набирают? Лишь бы для счета, — записался, сволочь, знать, дела делай, а не бока на печке пролеживай. Потому партизаны о них и забыли, что живут и голоса не подают. Так бы, наверное, и дольше жили, но теперь, когда сила прибыла, выпоззли, вишь, и винтовки среди кочерег отсыкают, лихорадка б тебя взяла, кусок побольше урвать не терпится, с такими повоюешь...

— Да живо! — заорал, давая выход злости. — Я вас, хлопцы, приучу к порядку, нагулялись, теперь получайте! Думали, вас сие мнует? На готовенькое захотелось?

— Дядько, вы о чем? Здесь такое делается, а вы? — оправдывались полицай. — Вы разве не знаете? Такое было... Да и вы сами...

— Помолчите лучше... объездчики.

— Команды-то не было! — не выдержав, огрызнулся Конелюк.

— Поступит! Команда поступит! Не придется больше за чужой спиной прятаться.

— А куда мы идем?

— Для начала хотя бы и в эту хату.

— К Ваньке Явтушки? — не поверили полицай.

К нему, к Ивану Явтушки-таки, в первую очередь вел полицаяв Андрян Никонович, хотя почему именно сюда, и сам не знал, можно было бы заглянуть и в соседние хаты, к более пристойным людям, как-никак, Ванька Явтушник считался последним человеком в селе, горьким-прегорьким пьяницей, голым-голосеньким, пропил все, что мог, мог бы и душу, но ее не вынуть, мог бы и хату, но ее с места не сдвинуть, дети голые, жена голая, только стыд тряпьем прикрывает. Но-таки к нему первому шел Андрян Никонович.

«А мне какое дело? — подогревал себя. — Сказали, я выполняю, а то, что первым иду к Ваньке, так ведь не было обусловлено, кому сообщить первому, да и белая повязка, скорее всего, подвох, немец не такой дурак, чтобы протягивать соломинку утопающему, а что за этим, я и знать не желаю, просто скажу Ваньке первому — пусть спасается».

В хате у Явтушика было тихо и пусто. Иван сидел на единственной скамейке, за непокрытым столом, жена, свесив ноги, — на голой лжанке, на печи прятались дети — сидели, словно кого-то ожидали, или о чем-то совещались, или стерегли, когда из угла появится буханка хлеба, на гостей и внимания не обратили.

— Доброго здоровья, хозяин, — неожиданно для самого себя поздоровался Андрян Никонович.

Ему никто не ответил, все только чуть заерзали.

— Иван, эй, Ванько! — глухо, как в бочке, раздался в пустой хате голос Кухаря, — самогон пришли искать. Вставай, лучше покажи по-хорошему.

И заржали, дураки, переглядываясь между собой.

— А ну, замолчите! — пристунил Поливода. — Спят или? Идите на улицу, проветритесь.

И они, молча толкаясь в дверях, быстро ушли.

— Ну, вот, Иван, — сказал Андрян Никонович и присел на другой конец скамейки.

— А-а, Андрян Никонович, — улыбаясь, поднял голову Явтушник, — родненький наш, благодетель, уже пришел...

— Жить хочешь? — напрямик спросил Андрян Никонович, видя, что все бесполезно. — Не куражся, лучше скажи, жить хочешь?

— Хочу, ой, хочу, и горилки хочу, — пританцовывал перед ним Явтушник, как будто собирался пуститься в пляс. — Почему бы и нет, почему бы и нет...



— Немцы приехали село жечь,— сказал Андриан Никонович,— народ до корня, всех... Ну, если и останется, то малость...

Но и на это Явтушик не среагировал.

— Коль всех, так всех, нам без разницы, перед богом все равны, и пьяница Ванька, и староста Андриан, все равны.— И дурачок продолжал пританцовывать, а дети, вытянув шеи, смотрели не на него, Поливоду, а на отцовские выкрутасы.— А какое мне дело до всех?— вдруг остановился Явтушик, даже взгляд его, кажется, просветлел.— Какое мне дело к другим, мой хороший? С Ванькой все не пили. Ванько пил один... разве что иногда с женой. Ванько за себя отвечает, а тут завели: все-все-все,— замахал руками Ванька, будто это не он мгновение раньше говорил обратное.

«Почему я его выслушиваю, дурака, мразь, у меня что, других хлопот мало, тут и так быдла много, а тут еще этот...»

— Так ты пришел за Ванькой?!— закричал Явтушик и стукнул кулаком в запавшую грудь.— Тогда забирай Ваньку!

— Ты меня выслушаешь до конца, олух?— терял терпение Андриан Никонович.

— А если не думаешь забирать, катись тогда отсюда...— не унимался Ванька...

— Да ты послушай. Расстреливать будут всех... у кого не окажется на рукаве белой повязки, понял? Если ничего не найдется нацепить, могу дать свой носовой платок, порви на куски.

— Белой повязки?— удивился Ванька и замыслился.— Это как будто сдаешься или как?

— Считаю, что да. Давать платок?

— Подожди-подожди... Почему это я должен сдаваться?

— Потому что село провинилось перед властью.

— И я тоже провинился? А остальные тоже с платками?— спросил, подумав, Ванька.

— И остальные пойдут с белыми. Куда деваться. Жить-то всем хочется. Даже тебе, потерянному.

— Ты мне молебень не читай, не читай. Нахватался... Значит, сдаваться... И ты заскочил сперва ко мне: куда, мол, денется, схватит белое и мигом побежит, да? Смотрите, мол, люди, вы тоже сдавайтесь, да? Посмешище из меня устраивать? Жил— смеялись и помирать— смеяться? Нет, Андрианчик, любезный ты мой.— Явтушик приблизился к лицу старосты.— Нет, Андрианчик, тут-то твое и прогорело, за соседей не отвечаю, но я не сдамся, нет, миленький, я тебе не комедия, насмешничать не позволю, хоть сам стреляй, хоть к немцу веди. Не сдамся!

— Знай,— оглянулся, словно что-то его озарило, Андриан Никонович.— Если у тебя не окажется повязки, детям тоже капут. Вот так.

Андриан Никонович сначала не сообразил, зачем Ванька

бросился шарить по углам, он догадался, когда Ванька завопил жене: «Марфа, Марфа, куда девался наш топор, спрятала, клятая, дай мне топор!» Нет, подумал Андриан Никонович, пьяницу уже не остановить, ладно, хоть хозяйство не пропил, а Ванька тем временем судорожно искал что-нибудь позамашистей, но не находил: Марфа умело все прятала; разуверившись, с голыми руками кинулся к Поливоде, настигнув у сенных дверей, на улицу выкатились клубком, над ними мелькали раскорячившиеся ноги полицаяв.

— Убью, убью змею... губителя... проклятого... ой, мамочка...

Андриан Никонович был гораздо сильнее, Явтушик напал неожиданно, потому-то ему и удалось свалить Поливоду на землю, но затем Андриан Никонович одной левой оттолкнул Ваньку и встал на ноги.

— Стреляйте, почему стоите?!— ошетинился на полицаяв. Какой позор: в их присутствии пьяница Ванька вывалял его в пыли.

Ванька Явтушик, стоя на коленях, стонал и рвал траву, бросая себе на голову: «Мамочка, ой, мамочка...» Кухар сплонул, ткнул Ваньке, как палку, ствол между глаз и выстрелил, даже мозги разлетелись во все стороны.

...Машины взрвались, и в этом реве потрескивание автоматов воспринималось невинным занятием, словно горят тоненькие и сухие травинки; даже вопли тонули в том реве. Шла собственно акция.

Андриану Никоновичу Поливоде не приснилась бы такая развязка.

Он сидел в сторонке и молча наблюдал, как немцы и полицаи работают оружием, как седой туман от споровшего пороха и выхлопных газов, будучи более легким, чем дым пожара, быстро поднимался в небо, закрывая солнце. Иногда поглядывал на вырвавшуюся перед ямой кучу трупов,— через минут сорок пять ее уберут. Да пропади все пропадом. Никого не узнавал. Пропадите вы пропадом, я на всех не разорвусь.

Автоматчикам приходилось легче: не надобно часто перезаряжать, знай себе строчи, в толпе не промахнешься, ложатся, словно трава под косой; с винтовкой нужно выбирать цель да еще и затвор передергивать, и все требовалось делать быстро, начальство видит старание каждого. Молоденький немец перестарался, дергая затвор, случайно прицепил кожу между большим и указательным пальцем, сильно разорвал, ладонь залила кровь. Испугав-

шись, он обеспокоенно оглянулся вокруг и увидел Поливоду.

— Эй!— крикнул, но староста не услышал. Голос солдата звучал просительно, поняв это, он рассердился. И подоидя к Поливоде, ткнул ему оружие.— пока он будет перевязывать рану, винтовка не должна простаивать.

Андриан Никонович сначала не понял, что от него требовали. Он встал. Солдатик тыкал оружием в руки.

— Ну!

Показав свою окровавленную ладонь, здоровой рукой махнул в сторону толпы. Сурово уставившись, ждал исполнения приказа. Андриан Никонович хлопнул в толпу без прицела.

— Молотец!— сказал солдатик, но указал на левый глаз: нужно целиться, стрелять точно, экономить патроны.

В прорез прицела попадали одни знакомые, они смотрели прямо на своих убийц, лишь дети стояли спиной, пряча свои лица в материнских подолах; если не смотреть на матерей, разве узнаешь, чьи они, эти хлопчики и девочки. Андриан Никонович поймал на мушку серенькую спинку, и нажал крючок до упора.

Прижимаясь друг к другу, сельские стояли плотной стеной, передние, падая, открывали задних, прижимающих к себе детей; и когда стрельба закончилась, люди еще какое-то время продолжали падать, словно откалывались от живой стены, вопли и крики немного утихли, и хотя кровь в висках Михайлича стучала и казалось, будто автоматы еще стреляют, стрельба тем временем закончилась; словно сделав глубокий вздох, машины умиротворенно зафыркали.

Зельбсманн поднялся со своего места и сказал в жуткой тишине:

— Великая Германия приближает к победному завершению войну с большевизмом, и она не склонна терпеть лобье, даже самые незначительные проявления беззакония в глубоком тылу своих армий. У вас было достаточно времени убедиться, что новый порядок утвердился навсегда, и пора бы ему подчиниться, привыкнуть к нему и сжиться с ним, чтобы нормально продолжать свое существование. Когда на теле возникает язва, ее вырезают, спасая тело от полного заражения. В чем вы имели возможность наглядно убедиться, провинившись перед

властью. Мы вынуждены применить эти суровые меры. Но учитывая, что за неполные два года Советской власти большевистская зараза не смогла полностью отравить ваши души, а также появившуюся возможность исправиться, командование решило пойти вам навстречу. Со мной в машине сидит комиссар партизанского отряда имени Щорса, половину которого составляют залесцы, кстати, хорошо вам известный, накормленный и вылеченный вами Владимир Михайлич. Ваша жизнь зависит от него. Михайлич должен встать и сказать сейчас приблизительно следующее: я, Владимир Михайлич, снимаю с себя полномочия комиссара отряда, прошу у залесцев прощения за то, что с помощью пропаганды и обмана втягивал село в бандитизм и, не желая больше приносить в жертву мирное население, отказываюсь от любых форм борьбы против Германии и призываю всех по этой же причине сделать то же самое; обманутые пусть возвратятся к семьям, к мирному труду и... Как видите, перед вами я никаких условий не ставлю, все зависит от Михайлича. Чуть не забыл. Заранее предупреждаю, и это касается всех: семьи партизан и подпольщиков будут уничтожены, их не так много, но большинство в Залесах не пострадают. Итак, я прошу Михайлича сказать пару слов.

Садясь, Зельбсманн и не взглянул на Михайлича. «Теперь-то я должен говорить. Я скажу, что иначе не могу, я скажу, что если бы я мог ожить после смерти, то снова и снова брал бы в руки оружие, так и скажу...» Михайлич поднялся, поднялись и охранники.

«Все смотрят на меня и ждут. Что? Или у них в глазах надежда? Но глаз очень много, их не разглядеть. А дети?.. О себе ли думать, о своих принципах, когда дети?.. Спасти бы их, они вырастут, будут лучше, все поймут. Какое сейчас имеет значение: упадет на колени или героически погибнет мое маленькое «я», если касается детей? Стоя там, о чем бы я думал? Нет, я бы там не стоял... Если бы там находились мои товарищи, они бы меня поняли. А вы, вы, дорогие мои залесцы, поймете? Старики, женщины и дети, неграмотные, забитые шляхтой и придавленные к земле войной? Есть же разница, как помирить: сознательно или просто подставить голову, она, разница, и определяет, человек ты или ничто. Иосиф бы сказал: если ничто, незачем и мудрить, а если человек — тем более. Их понимание сняло бы с меня тяжесть? Снова о себе? Снять с себя? Вижу? Какую? Перед кем? Перед истиной я чист, но когда вот так, с глазу на глаз? Плывет, все плывет... А тот комиссар знал бы, что сказать, тот бы знал. Тот, заглянувший в Сызрани в детский дом, мне минуло всего семь лет, и таких, как я, там собралось, словно мух, сирот, чьих отцов порубили белые, повесили куркульские банды, подкосили голод и тиф, тиф и голод... Тот комиссар знал, почему все это, он знал, что за золотом покупают за границей не хлеб, а паровозы. Тот комиссар знал. Кто был никем, тот станет всем, понимаете, товарищи? Не во мне суть! Не имеем мы права предать свое будущее, оно поднимется из огня, а в огне тенистых тропинок нет, и деваться здесь некуда...»

Мюллер еще раз взмахнул рукой. Когда с первой партией управились, Зельбсманн повернулся к Михайличу.

— Сознаюсь, другого я от вас и не ожидал, и, честно говоря, в глубине души доволен. Не вздумайте плевать на меня, это будет выглядеть вовсе по-детски. Так вот. Другого я и не ожидал. И не потому, что сделать что-либо вы были беспомощны и бессильны. Действительно, что вы могли предпринять? Тут и я бы ничего не смог, акция должна быть проведена независимо от моих желаний. Между прочим, на данном отрезке истории я — обычный функционер и вынужден, не то слово, обязан подчиняться объективным условиям, чтобы не прослыть мечтателем. Независимо от своих полномочий я должен отчитаться о своих действиях от и до. Эта группа все равно подлежала расстрелу, никакие мои умозаключения не убедили бы в противном ни Мюллера, ни его солдат...

— Не слушайте это ничтожество, Михайлич, — прервал Зельбсманна Христюк. — Вы когда-нибудь слышали о комплексе неполноценности? Перед вами тип с его ярко выраженными признаками. Вы не знаете, почему он из кожи лезет перед вами, Михайлич? Думаете, поставил цель перетянуть в свою веру? Чепуха! Он боится вас подсознательно, у него животный страх перед вами. Не смерти, нет, — он за свою идею дрожит. И не вас, а самого себя убеждает в ее истинности, исключительности, это же ясно, как божий день. Вы всего лишь антитеза, при всех потугах на сверхчеловека он даже существовать не может обособленно. Это же смешно...

— Понимаю, Иосиф. Но когда недоноски объединяются... представляешь, на что они способны? Сам ведь убедили.

— Наконец-то немой заговорил, — засмеялся Зельбсманн, не обратив внимания на тираду Иосифа и слова Михайлича, — благо, голос-то ваш услышал. Но к делу. Сейчас залесцам еще раз объявят: кто наденет на рукав белую повязку, тот останется в живых. В живых! Кусок белой тряпки на рукаве — пропуск в жизнь. Жить! Жрать, пить, слушаться, дышать — в грязи, в тине, но дышать! К чему им высокие принципы, будь то ваши или мои! Уж эту белую повязку, не доводя до конца акцию, я себе позволить могу. У меня найдется, чем отрапортовать начальству, хотя оно и не воспринимает подобные тонкости. Ведь со временем эти белоповязочники возненавидят друг друга за минутную слабость, и тогда не только партизанской — словом плохим по отношению к рейху не запахнет.

Примитивный стыд будет вынуждать их забыть ту тряпку, и, не сговариваясь, они придут к соглашению о молчаливой покорности. Стадо всегда остается стадом, нужда в нем сохранится до тех пор, пока оно нас кормит и одевает, выполняя наши приказы. Я вам, Михайлич, об этом рассказывал.

Зельбсманн полез в карман за таблетками, а Михайлич и Иосиф видели, как полиция, выполняя приказ полковника, двинулись к группам, которые ожидали своей очереди, — донести волю командования.

— Что вы больше всего хотели бы? — тихо спросил Иосиф.

— Я хотел бы оказаться сейчас на свободе, — не сразу ответил Михайлич. — Самое малое, двигать руками и ногами.

— После Невидимца такой роскоши они не позволяют, — горько заметил Иосиф. — А я... я бы желал никогда не рождаться.

В это время к Мюллеру подбежал, запыхавшись, полицейский и что-то спросил. Мюллер повернулся к Зельбсманну, они о чем-то заговорили раздраженно, потом Зельбсманн выбросил вперед три пальца.

Полицейский побежал обратно, а Мюллер, выждав, пока посыльный добежал к толпе и крикнул, махая руками, засек время.

Руку Зельбсманн оставил на спинке сиденья, пальцы его почти касались плеча водителя; когда Мюллер засек время, они запрыгали, забарабанили, словно отсчитывали секунды. Михайлич невольно смотрел, не отрываясь, на эти тонкие длинные пальцы с редкими черными волосиками, и, видимо, почувствовав его взгляд, Зельбсманн перестал отсчитывать время, принялся наигрывать незамысловатую мелодию на воображаемом пианино, потом такое несерьезное занятие надоело, они выпрямились и начали медленно-медленно дрожать, сжимаясь в кулак, кулак жался и, вдруг взмахнув, опустился.

Мюллер выкрикнул команду и выстрелил в воздух из пистолета. Акция продолжалась...

— Видите ли, Михайлич, — сказал Зельбсманн в очередной пятнадцатиминутный перерыв. Он вышел из автомобиля, чтобы размяться, и стоял теперь напротив. — Видите ли, каждое явление нашей современности надо рассматривать и оценивать с вершин будущего. Каким бы он, сегодняшний день, ни получился, далекие, очень далекие наследники оправдают его, они, наши наследники, скажут: ну, что ж, во имя спасения цивилизации они поступили правильно.

— Убийца, ты лучше скажи, где твои белые тряпки, где?! — хрипло выдал из себя Иосиф.

— Будут, — пожал плечами Зельбсманн. — Дали мало времени, три минуты — ничто. Сейчас у нас пятнадцать минут, объявят всем еще раз, пусть хорошенько подумают. Тупой скот, в голове вращается всего лишь два колесика, да и то со скрипом, как тут принять решение в три минуты, в такой ситуации жизни не хватит, чтобы сделать выбор. Однако, философ, присмотритесь-ка получше: кое-кто эти белые, как вы изволили выразиться, тряпки имеет.

— Да, убийца, да. Но покажи мне, убийца, тупое стадо, покажи!

Белые повязки не появились ни после второго, ни после третьего захода.

Михайлич и Иосиф, которых силой вытолкали из машины, стояли не двигаясь, и поскольку никаких распоряжений не последовало, их оставили в покое; Зельбсманн, судя по всему, полностью потерял к ним интерес, стоял спиной к ним и смотрел, словно сейчас впервые увидел массовую казнь. Туда же смотрел и Иосиф, но, пожалуй, ничего не видел, глаза ему застлало, однако он не закрыл их и не отвернулся; Михайличу вдруг почудилось, что он начинает сходить с ума. Где-то в груди, глубоко внутри, со скрипом открылась форточка — он будто увидел ее прямоугольные очертания — и качнулась на ветру; вдох — выдох, скрип — скрип... Только этого не хватало, едва не произнес вслух. Вдохнул глубже, задеревеневшее лицо ожгло; и даже когда громко засмеялся и поймал себя на том, что смеется, еще и тогда Михайлич не был уверен, что сходит с ума; Зельбсманн стоял напротив и внимательно вглядывался в лицо. Зельбсманн, будучи непохожим знакомом, первым уловил, что у Михайлича не все в порядке с головой, с нервами не все в порядке, и тогда, схватив Михайлича за отворот расстегнутой гимнастерки, Зельбсманн встряхнул его.

— Вы что же, — неожиданно звонко, как оборванная струна, завизжал Зельбсманн, в его широко открытых глазах Михайлич увидел не испуг и не злость, скорее, боль, — вы что же, считаете, мне для жизни не нужно того же, что и вам: есть, пить, любить, да?! Потрогайте — я из такого же мяса и таких же костей, тоже под дождем схватываю насморк, из такого же комка нервов, черт бы вас побрал!

Мои хлопцы досаждают мне, как и вам наши, и все эта акция для меня, чтобы оправдать самого себя, свое, если вам угодно, поражение, можете радоваться, смеяться, но она не будет списана на таинственную славянскую душу, а лишь раз убеждает, что враг сильный, его следует уничтожать с корнем, прилагая к этому во сто крат больше усилий, но то, о чем я вам говорил, остается в силе, и, пока я жив, другому не бывать, и, пока я жив, найду себе последователей, которые и доведут дело до конца, нам на двоих дана одна жизнь — в этом вся мораль, философия, дьявол, бог! Я признателен вам за то, что открыли мне глаза.

Михайлич смеялся не глазами, а одними губами, ему самому становилось холодно от того смеха: на мгновение перед глазами возник улыбающийся на виселице Невидимец, однако и после этого нисколько не потеплело.

«Какая сволочь, подошел близко, отстранил охранников, полагаешь, ударю? Нет, не ударю, не надейся, не ударю, не дам возможности, повода растоптать себя сапогами, ну, ударь же меня, ударь!»

— Этого — туда! — словно маршалским жестом, Зельбсманн указал пальцем на яму, возле которой стояла последняя партия. — Туда! И только так! В коллектив! Снимите с него наручники!

Прокричав, Зельбсманн, не глядя на Михайлича, угасающим голосом сказал:

— А этого выродка гоните ко всем чертям!

Но освобожденный от наручников Иосиф двинулся следом. Не увидев сначала, где вклинился в толпу Михайлич, он растерялся, оглянулся и, отыскав его, быстро подошел и стал рядом. Михайлич держал на руках парнишку и что-то шептал ему на ухо.

— Я же сказал, — заорал Зельбсманн стоявшим поблизости полицейским, — гоните этого выродка ко всем чертям, он никому не нужен!

Иосиф уцепился за локти Михайлича и какого-то приземистого старика в полубубке, такого седого, что и слезы не различались на его бороде. Полиция остановилась в нерешительности: начни хватать, поломаешь строй.

— Иди, Иосиф, — сказал Михайлич.

— Идите, идите, — шептали сзади женщины, — вы же не наш, идите.

— Я ваш...

— Наш, наш, но не из нашего села, зачем же вам...

— Иди, Иосиф, — повторил Михайлич, — каждый человек дорог...

— Нет!

— Вот возьми дитя, — Михайлич передал ему парнишку, — вдруг... Иди, Иосиф, живи, слышишь?!

— Слышу, комиссар.

15

Ровно в 17.00 акция была закончена.

Несколько местных мужиков, из тех, кто надел на рукава белые повязки, сбросили убитых, лежавших на краю, в яму и взяли за лопаты, поминутно оглядываясь на церковь, охваченную пламенем от фундамента до креста. Пламя полыхало без дыма, тонко скользило по доскам снизу вверх, словно языки его рвались не на волю, а искали щели, чтобы проникнуть внутрь: церковь все еще сохраняла свои очертания, казалось, она и построена из огня: полиция сидела на коротких длинных рядах под оградой, спиной к горящей школе, с наслаждением журила, как наемные мастера, которые только что закончили класть печь или возводить крышу, и теперь ожидали приглашения хозяина к столу, но немцы о них забыли — они сами грузили в машины мешки с зерном, картошкой, укладывали тюки конфискованного имущества, к реквизируемым телегам сноворости привязывали коров и телят, видно, служившие — парни сельские, знали обхождение со скотиной: свиньям и овцам связывали передние и задние ноги, клали поперек телеги, птицу вязали в букеты, нога к ноге, и бросали в ящики да мешки. Вскоре длинная колонна двинулась из Залес, и чем дальше, тем больше она растягивалась на дороге: село уже сгорело, за расстрелом никто и не заметил, когда хаты погасили; село коптило, пожарица дымилась, и дымиться им предстояло еще три дня и три ночи.

С майдана Иосиф не ушел до самого конца, а конца пришлось ждать недолго. Чтобы на него не натыкались, стоял в сторонке, но Иосифа обходили все сами; немцам же было и вовсе безразлично: холь полковник распорядился, значит, так и надо; когда убили Михайлича, Зельбсманн сел на заднее сиденье и сидел неподвижно, наедая, даже водитель отошел от машины, он больше не давал никаких распоряжений, и к нему не подбегали с вопросами.

«Почему я к ним не испытываю ненависти?» — думал Иосиф. — Как же буду в них стрелять без ненависти?»

Ненависти не было, да и откуда ей было взяться? Ненависть появляется, когда у нее находится выход. В противном случае она — бессильная злоба, то, от чего его излечил Михайлич, — от бессильной злобы опускаются руки. А руки Иосифа опускать не имел права — на руках у него был мальчишка.

Мальчишке было годика три; перейдя от Михайлича к Иосифу, мальчик спрятал личико у него на груди и до сих пор не отрывал его; когда стреляли, тело мальчика вздрагивало, словно в горячке, Иосиф инстинктивно крепче прижимал его к груди; мальчик, однако, ни разу не всплакнул и не закричал, словно душа его понимала, что ни слова, ни слезы не вернут добра, он не знал ни отца, ни мать, словно своим умшком понимал, что у слепой силы их не отнять.

Мужики, забрасывающие яму, остановились и испуганно переглянулись:

— Здесь одна... того, — сказал наконец один полицейский. Полиция молча курила, а мужики выжидали. Выжидали долго, пока какой-то полицейский не обронил:

— Закапывай. Одна беда... Не вылезет...

И словно в оправдание бросил соседям:

— Леня поднимается.

Полиция промолчала и, услышав фырканье машины Зельбсманна, торопливо повскакивали на ноги.



Тем временем машина Зельбсманна двинулась, но из села не уехала, а, совершив широкий полукруг перед ямой, остановилась возле Иосифа. Зельбсманн, не шевелясь, сидел, словно прикипел к спинке сиденья, кутаясь в наглухо застегнутый плащ, уставший, лицо стало серым, каким-то вытянутым и плоским. Молча смотрел на Иосифа, взгляд его был задумчивый, отчужденный, будто глаза посыпали тонким слоем пыли.

— Извини, малыш,—шепнул Иосиф.

Он решил, что Зельбсманн, вероятно, передумал или намерен расстрелять мальчика, а это одно и то же, поскольку малыш был его, Иосифа, он его родил сегодня; но, видимо, табу распространилось и на мальчика.

— Пойдем, мужичок,—сказал Иосиф, когда машина Зельбсманна скрылась в пыли.

Свернул в первую же попавшуюся улочку.

Где-то далеко мычали коровы, доносились крики погонщиков—издали, будто за толстой стеной: Иосиф к ним не прислушивался, а взглянул на пожарища. У каждого из них свой особый вид, особенно поражали печи: они стояли, удивленно открыв черные зевы; а на шестках повсюду висели чугунки и полопавшиеся от огня горшки,—может, потому печи и выглядели так одинаково печально, что чугунки, горшки выдавали разные вкусы и привычки своих хозяек, они и стояли у каждой на особый манер, но огонь их с места не сдвинул.

А чей-то небольшой сад выстоял; его тоже присыпал пепел, на некоторых яблонях свисали сломанные ветки, как после бурана, хотя и привычного, но жестокого; этому саду судилось жить. И хозяин, наверное, жив остался—в глубине сада, где раньше стояла хата, кто-то про себя ругался. Иосиф туда и направился. На ходу сорвал одинокое яблоко и дал мальчику.

— Ироды проклятые, все вам мало, ничем не угодить,—ругался тихо дядько; раздвигая палкой черные глеющие бревна, он пытался спасти хоть какие-то остатки хаты,—я уж и так и эдак...

Иосиф остановился возле изгороди. На колу висела почерневшая от копоти повязка, оторванная от белого платка, какие вяжут на свадьбах или похоронах. Дядька копошился, бормоча себе под нос, но неожиданно стал торопиться и замолчал, потом, выпрямив спину, застыл, бросил палку на землю и оглянулся.

— А-а,—сказал облегченно, и тогда Иосиф его узнал.

Этот мужик Иосифу запомнился хорошо, он помогал бросать в яму мертвых, никакой работы, видеть, молча не делал, будто изнутри его распирало постоянное неудовлетворение.

— Постой-ка,—попросил Иосиф мальчика и поставил его возле изгороди, а потом, выпрямившись, с короткого расстояния ударил кулаком дядьку в лицо.

— Ты что, сдурел?—вскрикнул дядька, присев от неожиданности.—Ты чего?

— Я дураком и был,—обойдя изгородь, ждал, пока дядька поднимется.

— Немец ума не вставил?

— Нет, не вставил.

— Тогда я тебе, гнида, вставлю.—Дядька вытер ладонью с лица кровь и начал подниматься.—Тебя отпустили, а ты драться? Я тебе вставляю ума, а завтра придут и еще...

Дядька схватил его вокруг туловища и сдавил с такой силой, что кости затрещали. «Сейчас задохнусь, и конец, а жить так хочется». Руки дядьки тем временем скользнули по телу вниз, хватая ниже колен и поднимая в воздух. «А теперь он стукнет меня о землю, есть такой древний хutorянский способ, нутро обрывается». С трудом просунул пальцы к дядьковому подбородку, сильно мешала одежда, шея была толстая, но Иосиф все же как-то просунул...

Они ушли и еще долго бродили селом. Мальчик шел рядом, яблоко так и не попробовал, прижимал его к себе. Солнце, стоявшее вроде бы высоко, перед закатом покраснело, и, когда пошел мягкий и тихий дождь, воздух казался тоже розовым.

Шел слепой дождь. Пепел намок и больше не кружился. Старик собирал в кучу обгоревшие палки. В глубине двора Иосиф заметил двух девчонок, прятывшихся от дождя под мешком.

— Не бойтесь,—сказал Иосиф,—дождь теплый.

Старик оглянулся.

— Дождь теплый,—ответил он,—теплый дождь.

Дождь приятно охлаждал рану на руке. Иосиф поднял ее высоко, почти над головой. Кровь уже остановилась, открыв на опухшей и посиневшей руке красные следы зубов.

— Вы пепел возьмите,—сказал старик.—Пепел возьмите и посыпьте, очень пользует...

Голос у старика был застывший, казалось, что это говорит не он, а кто-то рядом, невидимый.

— Возьму,—сказал Иосиф,—вот немного подержу и возьму.

...При проведении операции израсходовано: винтовочных патронов—786, патронов для автоматов—2496 штук.

Потерь в роте нет. Один вахмистр с подозрением на желтуху отправлен в госпиталь в Брест.

Обер-лейтенант охранный полиции  
Мюллер.

Авторизованный перевод с украинского  
Владимира СЕРЕДИНА

## Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС



Слышу крики поездов,  
когда вокруг темно.  
Гулко на пустой земле. Взлетает пар,  
полей не тронув.  
То ли снится. То ли помнится.  
А то ли я смотрю в кино,  
как уходят поезда  
от черных и пустых перронов.

Шар земной велик.  
Таков, как и всегда.  
Как вокзал: прибытие, толкучка,  
сбивчивые речи.  
В каждый миг,  
в любую ночь приносят поезда  
тех, кого, наверно, не увижу.  
И не обниму.  
Не встречу.

Люди, кто же я без вас?  
Одно пустое званье.  
Колокол без языка.  
И пение—без птицы.  
Слезы—без души.  
Погодите. Хоть пока не уезжайте.  
Я побуду с вами—  
как родной,  
как свой среди незнакомых  
и чужих.

## Признание

Кто я без дерева, травы и птицы,  
без близкого дыхания и взгляда,  
которым провожают и встречают?

Цветок, твое соцветие во мне.  
И как держать его, я знаю. Знаю,  
как этот факел в темноте нести.

Когда гнездо живое разорили,  
я потерял, забыл дорогу к дому—  
в тот день все небо тосковало,  
люди...

И все глаза метались,  
будто звери—  
грозящие, голодные, слепые;  
но кто их защитит от них самих?

Крещенный не водою, но любовью,  
я здесь, чтобы любить. Я говорю:  
у человека нет иного дела.

## Переезжая

Мы скорб на телегу сложили.  
Дверь распахнута в старье сени,  
где повеяло запахом гнили  
и хозяином—ветер осенний.

Помню, как сделал по сенцам  
первый шаг я своими ногами.  
Там и люлька,  
где спал я младенцем,  
низ которой источен жуками.

Оставил глубокие меты  
папин ножик на двери сосновой...  
— Мама, мама, гляди-ка—за лето  
я подрос на два пальчика снова!

Много бед—перечесать невозможно—  
в доме стареньком мы пережили.  
Сняли лампу мы и осторожно  
в повозку ее положили.

Но падает лампа и бьется.  
И пускай—перед нами дорога,  
и она пусть лежать остается  
навсегда у родного порога.

## Тропинка в пуцу

В синюю пуцу тропинка,  
вьешься ли рядом с селом?  
Я, как на лице паутинку,  
почувствую грусть о былом.

Рвитесь же, рвитесь наружу  
воспоминания—пусть  
затопит мне память всю душу,  
как эта вечерняя грусть;

Хочется рухнуть на глину,  
родины каждую пядь,  
все—реки, дороги, долины  
и звуки собою объять:

легкую пряжу паучью,  
путь заповедной тропой  
в далекую синюю пуцу,  
где светится сумрак слепой.



В награду за мои труды  
лишь памяти прошу немного,  
лишь утра после темноты,  
лишь только Счастья и Беды,  
бесед у моего порога.

Где кто, по голосам пойму.  
А если слушать их устану,  
засунув руку в их суму,  
я жизнь и смерть—и свет и тьму  
из той сумы достану.

Перевели с литовского Георгий ЕФРЕМОВ и  
Александр ДАВЫДОВ.



Рисунок Виктора Былинкина



Дорогие читатели, ждем ваших рисунков — остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.



Рисунок Олега ЗСТИСА, Москва



Рисунок Михаила СЛОБОЖАНИНА, Пермь

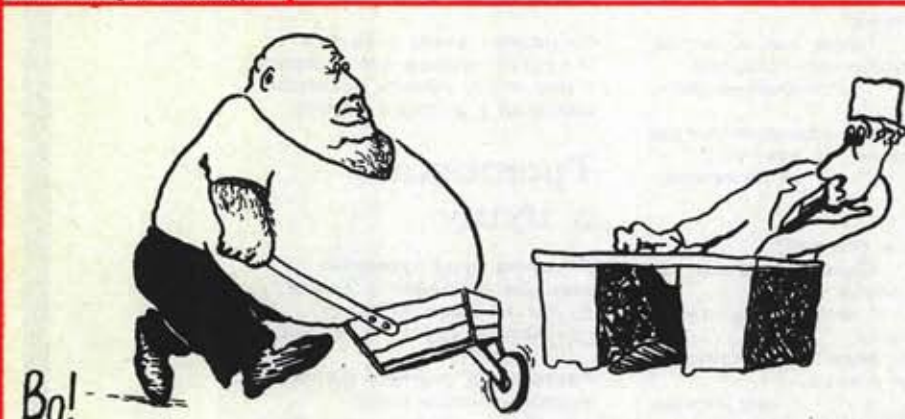


Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО, Москва



Рисунок Михаила СЛОБОЖАНИНА, Пермь

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ



(Продолжение. Начало см. в №№ 1—7 журнала).

ВОСЬМОЙ ТУР



Каким образом белые быстрее всего могут объявить мат? (2 балла).

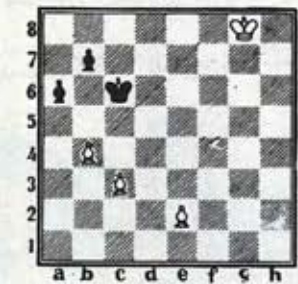
Запомните, пожалуйста, что срок отправления писем на седьмой тур истекает 30 июня сего года.

Ответ на каждое из четырех заданий (решения исполняются в сокращенной шахматной нотации) присылайте в адрес редакции на



Ход черных. Имеется ли у них путь к достижению ничьей? (3 балла).

3



Ход черных. Реальна ли для них возможность победы? (3 балла).

1. e4 c6. Почему этот дебют называется защитой Каро — Канн? Кто и когда первым применил такое начало партии в международных турнирах? (1 балл).

отдельной открытке. Вверху слева лицевой стороны необходима пометка «24-я шахматная олимпиада, тур восьмой», а на обороте (над ответом) вверху справа следует проставить свой олимпиадный учетный номер.

МИНИАТЮРА АНАТОЛИЯ КАРПОВА

14 лет назад Анатолию Карпову на соревнованиях в голландском городе Гронингене довелось сыграть прелюбопытнейшую партию.

1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—b4 4. e2—e3 0—0 5. Фd1—c2 c7—c5 6. a2—a3 Сb4:c3+ 7. Фс2:c3 Kb8—c6 8. Cf1—d3?

В защите Нимцовича игравший белыми И. Хосталет делает ход на вид естественный, но на поверку позволяющий черным овладеть инициативой. Равные шансы сохраняли соперники после 8. dc Ke4 9. Фс2 Фа5 + 10 Cd 2 и т. д. 8... c5:d4! 9.e3:d4 d7—d5 10. Kg1—e2 d5:c4 11. Cd3:c4 e6—e5! 12. Сс1—e3?

В нелегком для них положении белые допускают промах, который оказывается решающим.

12. ...Kf6—e4 13. Фс3—b3 Фf8—a5+ 14. Кре1—f1 Кс6:d4 15. Ke2:d4 e5:d4 16. f2—f3.

Увы, взятие черной пешки слонном невозможно из-за коварной коневой «вилки»—16. С:d4? Kd2+ 16. ... d4:e3 17. f3:e4.

(Диаграмма) Следует кокаутящий выпад черного ферзя.

17. ...Фа5—d2!, и белые сдались перед лицом неотразимых атакующих угроз в адрес их короля.



Могло бы случиться 18. Се 2 Сg4! 19. Ле1 Лас8 20. Фd1 Лс1! 21. Ф:c1 С:e2+ 22. Kpg1 Cf3!, и белые беззащитны.

Когда жертвует ферзь Приводим две запоминающиеся концовки из партий недавних шахматных состязаний.



Здесь перед вами позиция, сложившаяся после 28-го хода белых в партии между гроссмейстерами А. Юсуповым (СССР) и Х. Беллоном (Испания) в турнире на острове Мальорка. У советского шахматиста были черные фигуры.

28. ...Cd7—d5 29. Лd6—a6 Сb7—c6 30. Ka4:c5 Ke5:f3+ 31. Се 2:f3 Сс6:f3 32. Лd1—d7.

На этот маневр белые возлагали большие надежды. Они видели, конечно, что вариант 32. Ф:f3 Ф:c5+ 33. Kpg2 Ф:a3 не сулит им ничего хорошего.

32. ... Фс7:c5! 33. Лd7—d8+ Лс8:d8!

Испанец проглядел неожиданную тактическую идею, и его король оказывается в матовой сети. Белые рассчитывали только на выгодное им прямолинейное продолжение—33. ...Kph7 34. Ф:c5 Л:c5 35. Л:b8.

34. Фf2:c5 Лd8—d1+ 35. Kpg1—f2 Лb8:b3 36.Фс5:a5 Лd1—h1! 37. Фа5—d8+ Kpg8—h7 38. Фd8—h4 Лh1—a1!, и белые сложили «оружие».



На этой диаграмме отображена ситуация, возникшая после 28-го хода белых во встрече кандидатов в мастера Р. Габдрахманова (он играл черными) и В. Кузнецова на последнем всесоюзном шахматном фестивале «Малая земля» в Новороссийске.

Вполне может показаться, что у черных трудные проблемы — у их атакованного белой ладьей ферзя не видно полей для отступления. Но даровитый шахматист из Татарии издалека правильно шел на эту позицию, так как получающиеся осложнения к его выгоде.

28. ...Ke5—d3 29. Фf2—f1 Kd3:e1 30. Лd1:e1 Ла8—d8! 31. Ле1:e4 f5:e4.

Становится очевидным, что за отданного ферзя у черных более чем достаточный игровой эквивалент. Особенно мощно выглядит могучая армия их пешек.

32. Kb1—d2 Се6—f7 33. Ca2—b1 e4—e3 34. Kd2—e4 Cf7—g6 35. h2—h4 Сg6:e4 36.h4:g5 Се4:b1 37. Фf1:b1 g4—g3 38.g5—g6 h7—h6!

Черные действуют с предельной четкостью, лишая партнера каких-либо встречных шансов. На удивление беспомощно выглядит белый ферзь.

39. Сс3—e1 Ле8—e5 40. c4—c5 e3—e2 41. Фb1—c1 Ле5—e4! 42. Фс1—c3 Лd8—d1, и белые пошли на капитуляцию.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.03.82. Подписано к печати 02.04.82. А 05064. Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1061. Заказ № 2249. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Вадима ГАМАЛИЯ

Стихи Виктора ЧЕРНОВА

Музыка Вадима ГАМАЛИЯ

Стихи Виктора ЧЕРНОВА

# РУКИ РОДИНЫ

Уносит ветер вдаль дневные звуки,  
Синеет ночь на бархате полей.  
И Родины натруженные руки  
Баюкают уснувших малышей.

ПРИПЕВ:

Всё — руки Родины:  
И нив безбрежность,  
Все — руки Родины:  
Моря огней...  
И материнская любовь и нежность,  
Всё — руки Родины моей!

Мы добротою этих рук богаты,  
Им мирный труд доверено беречь,  
Но помнят поседевшие солдаты,  
Как эти руки поднимали меч!

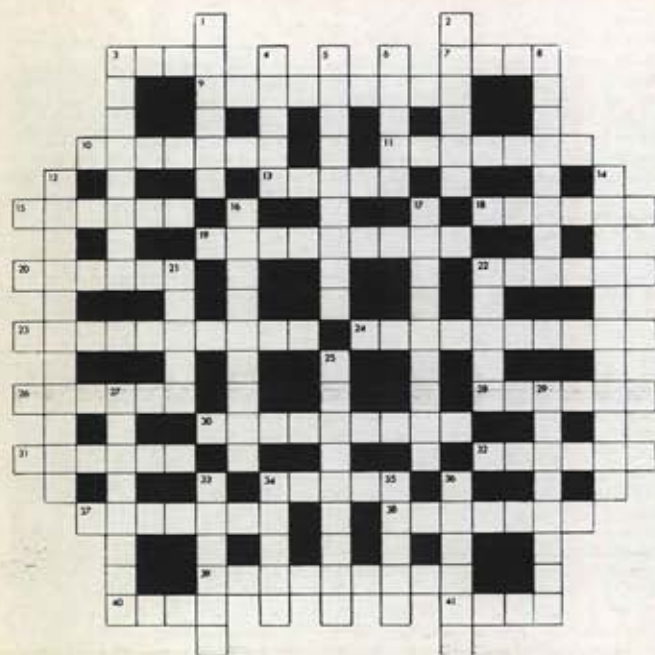
ПРИПЕВ.

Идут года, и подрастают внуки  
У наших сыновей и дочерей,  
И счастье им дают родные руки,  
Святые руки Родины моей.

ПРИПЕВ.

## КРОССВОРД

Составил Б. Терновников, Московская обл.



По горизонтали:

3. Стихотворение В. В. Маяковского.
7. Народная карельская, финская, эстонская эпическая песня.
9. Героиня романа М. А. Шолохова «Поднятая целина».
10. Композитор, народный артист СССР, автор песни «Москва майская».
11. Всероссийский пионерско-комсомольский лагерь.
13. Зерноочистительная машина.
15. Венгерский космонавт.
18. Один из героев пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69».
19. Композитор, автор «Песни о тревожной молодости».
20. Спортивное состязание.
22. Советский искусственный спутник Земли.
23. Остров в архипелаге Северная Земля.
24. Народоведение.
26. Поэт, автор «Баллады о двадцати шести».
28. Химический элемент, металл.
30. Поэма А. А. Блока.
31. График и живописец, народный художник СССР.
32. Путешественник, спортсмен.
34. Народный художник СССР, автор картины «Декрет о мире».
37. Передовой работник социалистического производства.
38. Устройство для выделения ядерной энергии.
39. Народный художник СССР, автор картины «Отдых после боя».
40. Спортивное судно.
41. Приток Печоры.

По вертикали:

1. Один из героев романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь».
2. Сельскохозяйственное орудие для уборки сена, соломы.
3. Народный артист СССР, исполнитель главной роли в фильме «Чапаев».
4. Город, на территории которого расположена крепость-герой.
5. Нотная запись многоголосного музыкального произведения.
6. Вращающаяся деталь турбины.
8. Предприятие воздушного транспорта.
12. Поэт, автор песни «Подмосковные вечера».
14. Областной центр в РСФСР.
16. Электромеханическая цифровая вычислительная машина.
17. Самоуправление.
21. Советский космонавт, дважды Герой Советского Союза.
22. Лад в азербайджанской народной музыке.
25. Освоение, укоренение новой техники.
27. Наиболее высокая горная вершина Урала.
29. Шахтерский город в Донбассе.
33. Плод тропического растения.
34. Популярный итальянский тенор.
35. Административный центр округа в Болгарии.
36. Союзная советская республика.

ОТВЕТЫ  
НА КРОССВОРД  
НАПЕЧАТАННЫЙ  
В № 8

По горизонтали:

1. Аккомпанемент.
7. Фестиваль.
8. Мантурово.
10. Меркурий.
11. Имитация.
12. Пантомима.
14. Статор.
15. «Даурия».
16. Триод.
18. Кафедра.
19. Пестель.
24. Егерь.
26. Ераки.
27. Ингода.
28. Модуляция.
31. Параметр.
32. Бабанова.
33. Карабанов.
34. Абонемент.
35. Интерпретация.

По вертикали:

1. Антикости.
2. Окарина.
3. Минимум.
4. Террариум.
5. «Репетитор».
6. Эвристика.
9. Пенчурин.
12. Празеодим.
13. Адаптация.
16. Турне.
17. Дрель.
20. Кировакан.
21. Ветлуга.
22. Седловина.
23. «Гайдамаки».
25. Агрономия.
29. Остенде.
30. Исакова.



Начало на 24-й стр.

чем-то уникальная память художника, как кладовая — она хранит колорит натуры, освещенность ее в разные моменты, перспективу. Безусловно, память не единственный источник, Герман создает не копию увиденного — творчество Соколова хочется назвать работой мысли, ищущей понимания мира и делающей этот мир понятным.

А каков он, этот реальный мир для художника? Смотрела на его жизнерадостные пейзажи, отмечала профессиональные удачи — во многих работах у него отлично выписана вода, отлично передает он и свет, воздух — и все больше понимала, что рассказать лишь о творчестве значило бы не сказать о художнике чего-то главного.

Шло время. Казалось бы, уже стерлись какие-то детали нашей встречи, но не забывались работы художника, оставившие в душе светлое и немного печальное чувство. И сильная, сплоченная, жизнелюбивая семья Соколовых никак не шла из головы. Что-то непонятным до конца, неясным осталось для меня, и вот это точило и будоражило потихоньку, вызывая беспокойство, но выхода, именно журналистского, не находило. Может, правы были коллеги...

Вдруг все разом перевернулось, когда случайно на глаза попала вырезка из «Комсомолки». Речь в ней шла о

## ВЕСЕННИЙ МОТИВ.



поступке молодой супружеской пары, которая отказалась от своего первенца потому, что малыш родился без кисти руки. Вероятно, тысячи сердец сжались от горького чувства. Вот тогда-то, пожалуй, впервые отчетливо представился родительский и человеческий подвиг супругов Соколовых. Правом ли сопоставлять этих двух бессердечных, не протянувших руку помощи маленькому кровному существу, и Соколовых-старших? — скажет кто-то. Да и еще раз да!

О Соколовых справедливо сказать, что сын для них так и остался ребенком, беспомощным и беззащитным. Сорок четыре года родители при нем неотлучно. Все детство, юность и зрелость. Не где-то там, за интернатской, больничной стеной, а рядом, в любой час, в любую минуту. Но есть и другое чувство, соизмеримое с их родительской любовью, — гордость за сына, уважение к нему как к творческой личности, как к мужественному человеку, сумевшему побороть свой недуг, морально победить его. В том и значимость, неординарность Соколовых, что их история наводит на многие размышления. И рассказать о сыне, не сказав о родителях, было бы невозможно. Иначе как объяснить, понять удивительные жизнерадостные истоки, питающие творчество художника?

Кто они? Стереотипное представление о глубоко несчастных людях, тем не менее не отступивших перед бедой и решивших положить на алтарь родительского долга все: обычные человеческие радости, любимую работу, друзей — как-то не вяжется ни с укладом жизни Соколовых, ни с характером их мироощущения. Врожденные педагоги, сумевшие угадать в беспомощном

человеке ростки незаурядного таланта и целенаправленно пестовавшие их? Несомненно, ибо все премудрости образования — школьного, художественного, все сложности духовного воспитания легли на родителей, только на их плечи. Опыта не было, какой уж опыт, если за ошибки приходилось платить дорогой ценой. Однажды они сделали открытие, от которого можно было прийти в отчаяние. Герман, страстившись к чтению, начал уходить в себя, замыкаться наглухо — не достучаться. О чем мог сутками думать этот маленький человек с не по годам тонкой, ранимой душой? Мать догадывалась об этих мыслях, и тосковала, и металась от боли по ночам. Они могли потерять его навсегда. Надо было что-то делать!.. После страшно мучительных слез, пролитых над «Слепым музыкантом» Короленко, самостоятельному чтению Германа положили конец. Жестокая мера, но иного выхода Соколовы не видели. Ведь была самая настоящая борьба за нормальную психику человека, за жизнерадостное, светлое восприятие жизни. Они учили его бороться за себя, а значит, и за них тоже...

Книги, диафильмы, киноленты, домашние выставки раздвигали границы познания мира и жизни. Универсальным, неоценимым информатором оказалось телевидение, которое пришло к Соколовым в дом еще в 1954 году, практически к одним из первых в городе. Где-то на антресолях до сих пор еще хранится линза от того, первого, телевизора с «запаянной» в ней водой. Всеволод Всеволодович бухнул в эту покупку все семейные сбережения, залез в долги и был страшно рад увидеть счастливые лица сына и же-

## ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ.

ны. Одолевали ежевечерние визиты многочисленных соседей и знакомых, в тесной комнате дышать становилось нечем...

Гости и сейчас не редкость в доме Соколовых: Галина Александровна — радушная хозяйка. Приходят посмотреть новые работы Германа, поговорить. Причем приходят иногда совсем незнакомые люди. И редко кто уходит без подарка — понравившегося пейзажа. Здесь в привычке отвечать добром за внимание, в доме ценят и понимают человеческое тепло. До сих пор Всеволод Всеволодович не может простить себе одну оплошность. Года три назад он послал письмо в Киров на фабрику художественных принадлежностей с просьбой, не найдется ли у них нескольких колонковых кистей: «Все вышли, а в магазине их невозможно кушить». Каково же было удивление и радость Соколовых, когда буквально через неделю они получили от самого директора фабрики большую бандероль с кистями всевозможных размеров и номеров — полный набор. Все это в качестве подарка, с теплыми пожеланиями.

— Мы растерялись: как отблагодарить? Не догадались сразу отправить что-нибудь из работ Германа. Сейчас это поздно делать. В общем, непростительно...

Обычные человеческие отношения. Доброта, внимание, ответственность друг за друга.

Посмотреть на Соколовых — что-то в них от молодоженов осталось. Сорок шестой год вместе, а чувства не растрачены, сколько бережности в отношениях. Помочь ли в чем, сбежать за покупками — Галина Александровна в этом отказе не знает с первого дня, как началась ее супружеская жизнь. Высокая, статная, с тонким лицом, хранящим следы былой красоты, она открытием полна женского счастья.

Подумалось вдруг: а ведь тысячи семей могли бы позавидовать вот такому счастью — нелегкому, испытанному, прошедшему сквозь невзгоды и страдания. Потому что в основе его лежит любовь. Не самопожертвование, а — Любовь.

Завершая свой рассказ о Соколовых, я решила упомянуть об одном телефонном звонке. Меня он взволновал, заставив — в который раз! — как-то по-новому взглянуть на творчество Германа. Позвонили восьмиклассники одной из казанских школ:

— Мы знаем о судьбе Германа Соколова... Понимаете, мы готовим экспозицию школьного музея, который будет носить имя Николая Островского. Мы собираем материал об отважных людях. Помогите нам познакомиться с Германом.

К этому трудно что-либо добавить.

## СЕМЬЯ.

